ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 4 (20) 2024

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 4 (20)

2024

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 4 (20) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственные редакторы номера
Э.В. Хилханова (д.ф.н., Институт языкознания РАН)
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2024
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 4 (20)

2024

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 4 (20) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editors of the issue
Erzhen V. Khilkhanova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu.Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2024
© Orel State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Nguyen Van Hiep. Sociolinguistic analyses of the Bru-van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes. 9

Барахоева Н.М., Арсельгова М.А. Ингушский язык в контексте этнокультурного многообразия России. 28

Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А. Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия): (на материале полевых исследований 2022–2023 гг.) 41

Сундуева Д.Б. Автобиографические нарративы русского старожильческого населения Монголии: опыт социолингвистического прочтения. 71

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Хохолова И.С., Филиппова В.В. Культурный ландшафт северных городов Якутии: языковой и политический контекст 85

Цыбденова Б.Ж. Сохранение языков коренных народов РФ: опыт языковой политики Республики Бурятия 106

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

Никитина В.Н. Диагностика развития связной речи детей саха 5-7 лет: социолингвистический подход 119

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Андрианов В.Р. К вопросу о развитии языковой политики на Чукотке: историко-правовой анализ региональной национальной политики 132

Полякова Ю.Ю. Анализ речевого поведения профессиональной стратификационной группы тревел-видеоблогеров. 147

Сергеева М.О. Обзор существующих опросников для определения уровня владения билингвом вторым (неродным) языком. 161

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

К юбилею д.ф.н., проф. Т.Г. Боргояковой (***А.Н. Чугунекова, К.А. Покоякова)*** 178

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Регионализмы (***Орешкина М.В.)*** 182

Требования и рекомендации к оформлению статей 198

CONTENTS

Editorial preface. 7

LANGUAGE SITUATION

Nguyen Van Hiep. Sociolinguistic analyses of the Bru-van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes. 9
Nina M. Barakhoeva, Marina A. Arselgova. Ingush language in the context of ethnocultural diversity of Russia 28
Aysa N. Bitkeeva, Irena S. Khokholova, Roza A. Danilova. Language situation in industrial regions of the Republic of Sakha (Yakutia): (on the field research 2022–2023) 41
Dina B. Sundueva. Autobiographical narratives of Russian old-resident population of Mongolia: experience of sociolinguistic reading.. 71

LANGUAGE POLICY

Irena S. Khokholova, Viktoriya V. Filippova. Cultural landscape of the northern cities of Yakutia: linguistic and political context.. 85
Bairma Zh. Tsybdenova. Preservation of the languages of the indigenous peoples of the Russian Federation: language policy experience of the Republic of Buryatia. 106

LANGUAGE AND EDUCATION

Viliuiana N. Nikitina. Diagnostics of connected speech development in sakha children 5–7 years old: a sociolinguistic approach. 119

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

Vitaly R. Andrianov. On evolution of language policy in Chukotka: a historical and legal analysis of regional language planning 132
Yulia Yu. Polyakova. Analysis of the speech behavior of a professional stratification group of travel video bloggers. 147
Mariia O. Sergeeva. Review of existing questionnaires for assessing bilinguals' proficiency in a second (non-native) language. 161

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

In honor of the anniversary of Tamara G. Borgoiakova, Doctor in Philology, Professor ***(Alena N. Chugunekova, Karina A. Pokoyakova)*** 178

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Regionalisms ***(Maria V. Oreshkina)*** 182

Style sheet 198

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

В новом выпуске нашего журнала мы представляем Вашему вниманию работы, посвященные важным аспектам современного состояния языков и языковой жизни в России и зарубежных странах. Проблематика номера охватывает широкий спектр вопросов, от этнолингвистических и прагмалингвистических исследований до практических социолингвистических исследований билингвизма в детской речи.

В центре внимания в этом выпуске тема «Языковая ситуация». Динамичность и разнообразие языковых ситуаций в больших и малых языковых сообществах обусловливает непреходящую актуальность их изучения. В условиях глобализации, урбанизации и роста межкультурных взаимодействий изучение языковых процессов позволяет не только фиксировать текущие изменения, но и прогнозировать будущее языков, оценивать риски потенциального сужения их функциональной мощности, а также предлагать эффективные меры для языкового развития. В номере представлены статьи, раскрывающие важные социолингвистические проблемы языковых ситуаций как в России, так и за рубежом: анализ многообразия языкового окружения промышленных районов Южной Якутии, современное состояние ингушского языка, языковые установки и письменная культура народа Бру-Ван Кью во Вьетнаме, анализ нарративов русского старожильческого населения Монголии. Авторы обращаются к вопросам сохранения и развития родных языков, их значимости в сохранении этнокультурной идентичности.

Не менее насущные проблемы освещены в разделе «Языковая политика», где представлены исследования, посвященные сохранению языков коренных народов России: важная роль школы, традиционного села и семьи в сохранении бурятского языка и передачи его молодому поколению, а также социокультурные и политические аспекты языкового ландшафта северных городов Якутии.

Традиционно в нашем журнале мы уделяем внимание вопросам языкового образования: в номере опубликована статья, в которой впервые описываются результаты социолингвистического исследования речевого развития детей саха 5–7 лет, с предложением авторской методики диагностики и критериев оценивания.

Молодые ученые делятся своими исследованиями в разделе «Трибуна молодого ученого». В этом выпуске обсуждаются речевые особенности тревел-видеоблогеров, описываются исторические пути развития языковой политики на территории современного Чукотского автономного округа. Практическую ценность представляет анализ существующих

опросников для оценки уровня владения вторым (неродным) языком у билингвов, где автор дает не только сравнительный анализ их специфики и возможностей применения, но и библиометрический анализ востребованности билингвальных опросников.

Надеемся, что представленные материалы вызовут ваш интерес и станут стимулом для дальнейших исследований.

С.В. Кириленко
Э.В. Хилханова

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 81’27 DOI:10.37892/2713-2951-8-20-9-27

SOCIOLINGUISTIC ANALYSES OF THE BRU- VAN KIEU LANGUAGE AND SCRIPT: USAGE AND SPEAKERS’ ATTITUDES[1]

Nguyen Van Hiep
Hanoi University of Industry, School of Language and Tourism, Vietnam

This paper presents a sociolinguistic study on the current use of language and script among the Bru- Van Kieu people in Vietnam, as well as their attitudes and aspirations towards the preservation of their ethnic language and script. The findings indicate a high level of bilingualism (Bru- Van Kieu-Vietnamese) among the Bru- Van Kieu community. Most Bru- Van Kieu individuals can use both their mother tongue and Vietnamese in daily communication, and they exhibit a strong loyalty towards their language. However, due to the increasing number of Bru- Van Kieu families who choose to speak only Vietnamese with their children, the Bru- Van Kieu language may face decline in the near future without timely intervention. Additionally, the teaching of the Bru- Van Kieu language cannot be highly effective as long as there are two existing scripts; thus, there is a need to promptly establish a unified script for the Bru- Van Kieu people. This situation is considered to have elements of writing conflict, observed among some ethnic minorities in Vietnam who have more than one writing system, such as the Hmong, Co Tu, Raglai, Cham, and Thai people in Vietnam.

The content in the discussion section of the article serves as a basis for the Vietnamese government to take measures to enhance the effectiveness of the use of the Bru- Van Kieu language and script, contributing to the sustainable development of the country.

Keywords: *Bru- Van Kieu language, language proficiency, attitudes towards mother tongue, Bru- Van Kieu script choice*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Nguyen Van Hiep, 2024

[1] This study is part of a national-level project titled "Synthesize research results and propose recommendations to the Government and relevant agencies on urgent issues for the preservation and promotion of the role and identity of minority languages and scripts," with the project code ĐTĐL.XH – 06/19, conducted from 2019 to 2022. This national-level project has two main objectives:

First Objective

- Synthesize, distill, generalize, and elevate research results on urgent issues regarding minority languages from other projects.
- Propose a scientific basis for formulating the Party and State’s policies on minority languages and scripts to preserve and promote the role of minority languages and scripts, contributing to the sustainable development of the country.
- Make specific recommendations to the Government and relevant agencies to prepare for the construction of the Language Law (regarding minority languages).

Second Objective

- Summarize the results of the ministerial-level task "Investigate and research the traditional scripts of Vietnam’s minority groups" carried out by the Institutes under the Vietnam Academy of Social Sciences from 2000 to 2005, along with other related tasks.
- Survey the current situation, attitudes, and aspirations of ethnic minorities regarding the use of their languages and scripts to propose policies, laws, and solutions for urgent and long-term issues in the use, improvement, and development of scripts for minority languages to suit the linguistic context, attitudes, and aspirations of ethnic minorities, and to match the socio-economic conditions of localities and the country.

The article “Sociolinguistic analysis of Bru-Van Kieu Language and Script: Usage, Attitudes, and Aspirations of the Bru-Van Kieu People " pertains to the second objective of the project.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ БРУ- ВАН КЬЮ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА И УСТАНОВКИ ГОВОРЯЩИХ

Нгуен Ван Хьеп
Ханойский университет промышленности, Школа языка и туризма, Вьетнам

В статье представлено социолингвистическое исследование современного использования языка и письменности среди говорящих на языке бру-ван кью во Вьетнаме, а также их установки и стремления к сохранению своего этнического языка и письменности. Результаты исследования указывают на высокий уровень двуязычия (бру-ван кью и вьетнамский языки) среди общности бру-ван кью. Большинство говорящих на бру-ван кью могут использовать в общении как свой родной язык, так и вьетнамский в повседневном общении, и они демонстрируют высокую языковую лояльность. Однако из-за растущего числа семей бру-ван кью, которые предпочитают говорить со своими детьми только на вьетнамском языке, язык бру-ван кью может стать исчезающим языком в ближайшем будущем без своевременного вмешательства. Кроме того, преподавание языка бру-ван кью не может быть высокоэффективным в связи с наличием двух видов письменности; таким образом, необходимо оперативно создать единую письменность для народа бру-ван кью. Считается, что есть элементы конфликта в отношении существующей письменности, наблюдаемые среди некоторых этнических меньшинств во Вьетнаме, которые имеют более одной системы письма, таких как хмонг, ко ту, раглай, чам и тайцы во Вьетнаме.

Содержание статьи послужит основой для принятия правительством Вьетнама мер по повышению эффективности использования языка и письменности бру-ван кью, способствуя устойчивому развитию страны.

Ключевые слова: *язык бру-ван кью, владение языком, отношение к родному языку, выбор письменности бру-ван кью*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Нгуен Ван Хьеп, 2024

1. Introduction

1.2. The Bru People and the Bru Language

1.2.1. The Bru People

According to researcher Vuong Huu Le, “The Bru ethnic group in Vietnam consists of four groups: Van Kieu, Tri, Khua, and Mang Coong, with a total population of about 32,000 people; if we include other Bru groups (with different names) residing in Laos, Thailand, and Cambodia, the total number of Bru speakers reaches about 50,000” [Vuong Huu Le 1996: 13].

In Quang Tri province, the Bru people are concentrated in Huong Hoa district (the largest concentration), Cam Lo, Trieu Phong, and Gio Linh. In Quang Binh province, the Bru people live in Le Ninh, Tuyen Hoa, and Bo Trach. Before 1975, about 2,000 Bru people migrated to Krong Pak district, Dak Lak.

Based on the results of the 2019 Population Census, the Bru-Vân Kiều population in Vietnam is 94,598, comprising 47,301 males and 47,297 females. This group represents 0.1% of the national

population. The Bru-Vân Kiều are the 22nd largest ethnic group and the 21st largest minority group in Vietnam.

1.2.2. The Bru Language and Script

a) The Bru Language

The Bru language (also known as Bru- Van Kieu) belongs to the Austroasiatic language family, the Mon-Khmer group, and the Katuic branch (including languages such as Co Tu, Pa Co, Bru, and several other smaller languages). The Bru language is classified under the Western Katuic branch (differing from Co Tu and Pa Co, which belong to the Eastern Katuic branch). According to Vuong Huu Le, the vocabulary similarity rate between the Bru and Pa Co languages is very high, reaching 74% [Vuong Huu Le 1997: 14].

Additionally, Vuong Huu Le notes that the Bru language retains common characteristics of Mon-Khmer languages, including:

– Fixed stress on the final syllable of words;

– A very rich vowel system, with the Bru language being one of the languages with the most vowels in the world;

– The phenomenon of tone distinction;

– The presence of prefixes and infixes, but no suffixes;

– Many reduplicative forms, with subtle distinctions in meaning;

– Numerous classifiers;

– Syntactic features such as the object following the verb, the possessive following the possessor, adjectives following nouns, and position words appearing at the end of phrases [Vuong Huu Le 1997: 14].

In the Vietnam-Soviet (later Vietnam-Russia) cooperation program on the study of the languages of ethnic minorities in Vietnam, initiated by Hoang Tue and Vadim M. Solntsev in 1979 and 1981, several surveys were conducted to explore the origins and typological features of these languages and to preserve endangered languages. A total of 30 languages were surveyed across all three regions of Vietnam, including the neighboring languages of the Binh Tri Thien region, such as Ta Ôi, A Ream, Bru-Van Kieu, and Ruc. Specialized studies on languages like Muong, La Ha, Pu Peo, Xinh Mun, Ca Tu, Rục, and Co Lao were published (in Russian) [Nguyen Van Hiep 2015, 2024a]. Specifically, for the Bru language, a monograph by Hoang Van Ma and Ta Van Thong titled *Tiếng Bru – Vân Kiều* (Bru-Van Kieu Language) was published by the Social Sciences Publishing House in 1998. This is the most comprehensive work, thoroughly describing various aspects such as vocabulary, phonology, grammar, and the position of the Bru-Van Kieu language. However, the book does not include a dedicated section

on the writing system; the Bru Van Kieu script is only mentioned in the context of presenting materials and does not address the existence of the Bru-Van Kieu script variant in the Bible.

b) The Bru Script

American linguists created the Bru script based from the foundation of the Latin alphabet, initially serving missionary purposes. In 1986, linguists from the Institute of Linguistics, in collaboration with lecturers from Hue University, improved this script and began compiling teaching materials and a Bru dictionary. According to Vuong Huu Le, who participated in this revision process, the differences between the two scripts are minor, as seen in: "1) in words where the main syllable has an initial palatal sound (ch-, nh-, y-), the nasal final of the auxiliary syllable is always written as n- (instead of nh-); 2) additional initial consonants were included: sh- (corresponding to thr- in the American authors' system), kht-, phl-, g-" [Vuong Huu Le 1997: 15].

Some foreign scholars have made notable contributions to the study of the Bru language, but primarily focusing on phonology, parts of speech, and noun phrases [Miller, Carolyn P. 1964; Miller, John D. 1964, 1967, Phillips R, L. John and Carolyn Miller 1976, A.N. Barulin and A.Iu. Efimov 1985]. However, there has been no sociolinguistic research on usage, attitudes, and aspirations of the Bru- Van Kieu People in Vietnam.

2. Research Methods and Scope

2.1. Research Methods

Field Research Method: To collect data, the project team members conducted field research in Huong Son and Huong Hiep communes, Da Krong district, Quang Tri province, where many Bru- Van Kieu people live. The survey questionnaire, designed with 66 questions, served as a guide for the investigators working with informants. A total of 300 questionnaires were collected from surveys conducted in Huong Son and Huong Hiep communes, Da Krong district, Quang Tri province.

In-depth Interviews: The project conducted interviews with Mr. Ho Hanh, a Bru- Van Kieu teacher in Da Krong district, and Mr. Ho Xuan Long, a Bru- Van Kieu teacher in Khe Sanh district. These two intellectuals have participated in compiling textbooks and teaching the Bru- Van Kieu language locally. The purpose of the in-depth interviews was to clarify the information obtained through the survey and uncover issues not addressed by the questionnaire. Additionally, the interviews aimed to gather informants' evaluations on contentious issues.

Scientific Seminars: A seminar was organized at the district level, inviting local leaders (especially leaders of education, culture, and ethnic affairs departments, principals of ethnic boarding

schools, ethnic teachers, intellectuals, and reputable individuals) to gather additional opinions and recommendations regarding policies and regulations on the use of ethnic languages and scripts.

Some information about the Bru- Van Kieu informants:

+ Gender Structure: Among the 300 surveyed informants, 131 were male (43.7 %) and 169 were female (56.3%), showing a relatively balanced gender structure.

+ Age Structure: Of the 300 informants, 76 were aged 18 to 35 (25.3 %); 209 were aged 36 to 55 (69.7 %); and 15 were over 55 years old (5 %), indicating that the majority of informants were aged 36 to 55.

+ Education Level: Among the 300 surveyed informants, 84 were illiterate (28 %); 30 attended literacy classes (10 %); 73 had primary education (24.3 %); 78 had secondary education (26 %); 22 had high school education (7.3 %); and 13 had college or university education (4.3 %), reflecting the current educational status of the Bru- Van Kieu people.

+ Occupational Structure: 255 out of 300 informants were engaged in agriculture (85 %), 24 were workers (8 %), 4 were civil servants (1.3 %), and 5 were small-scale traders (1.7 %). The remaining informants were involved in other occupations such as housework or teaching. This structure accurately reflects the fact that the majority of the Bru- Van Kieu people are primarily engaged in agriculture, with a small percentage working in government agencies.

Overall, the structure of the informants based on age, gender, education level, and occupation, ensures the representativeness of the collected sample.

The survey data was processed using SPSS software.

2.2. Scope of Research:

1. General issues regarding the language and script of the Bru- Van Kieu people.

2. The usage, language proficiency, and language attitudes of the Bru- Van Kieu people towards their language and script.

3. The desires and aspirations of the Bru- Van Kieu people and local leaders regarding the preservation and development of the Bru- Van Kieu language and script.

4. The issue of the existence of two Bru- Van Kieu scripts: one used for compiling teaching materials and the other used in the Bible, still utilized by the Bru- Van Kieu community practicing Protestantism.

3. Research Findings

3.1. Linguistic proficiency of the Bru-Van Kieu People

The linguistic proficiency of the Bru-Van Kieu people was examined using the question, "What languages can you speak?"

The statistical results are as follows:

Table 1.

Language Proficiency of the Bru-Van Kieu People

Language	Yes	No
Bru-Van Kieu	300 (100 %)	0 (0 %)
Vietnamese	300 (100 %)	0 (0 %)
Other (Paco)	3 (1 %)	297 (99 %)
Foreign languages	0	0

Table 1 indicates that, with respect to their mother tongue, 100 % of the surveyed Bru-Van Kieu individuals speak Bru-Van Kieu. Similarly, 100 % of them speak Vietnamese. Additionally, a very small number of Bru-Van Kieu individuals can speak other languages (3 respondents, or 1 %). None of the surveyed Bru-Van Kieu individuals are proficient in any foreign languages.

Overall, in terms of linguistic proficiency, it can be concluded that the majority of the Bru-Van Kieu population in Quang Tri province are bilingual, speaking both Bru-Van Kieu and Vietnamese. A very small number can speak three languages. The survey results indicate that bilingualism in Bru-Van Kieu and Vietnamese is the most prevalent among the Bru-Van Kieu community, while multilingualism is negligible.

When evaluating language proficiency in terms of the mother tongue (Bru-Van Kieu), Vietnamese, and other ethnic languages (if known), the survey results are as follows:

Table 2.

Language Proficiency Levels of the Bru-Van Kieu People
(Comparison between mother Language and other Languages)

Language	Most proficient	Second most proficient	Third most proficient	Least proficient
Bru-Van Kieu	300	0	0	0
Vietnamese	11	270	18	1
Other ethnic languages	0	0	3	0

Based on the common linguistic proficiency scale in Table 2, we developed five levels of linguistic proficiency, ranked in ascending order:

Level 1: Can say a few simple sentences such as greetings and introductions but does not understand others.

Level 2: Can understand and answer simple questions such as name, age, and hometown.

Level 3: Can give directions to strangers.

Level 4: Can describe life, family, and work in detail.

Level 5: Can argue and debate.

The statistical results for the Bru- Van Kieu people's linguistic proficiency in Vietnamese and other ethnic languages, according to the five-level scale, are as follows:

Table 3.

Five Levels of Language Proficiency among the Bru-Van Kieu People

Language	**Level 5**	**Level 4**	**Level 3**	**Level 2**	**Level 1**
Bru- Van Kieu	298	0	0	2	0
Vietnamese	83	105	40	65	7
Other ethnic languages	0	0	3	0	0

Table 3 indicates that the Bru- Van Kieu people are most proficient in their mother tongue, with 298 out of 300 respondents indicating they can argue in Bru- Van Kieu. Vietnamese proficiency is also relatively high, with 83 out of 300 people being able to debate and 105 out of 300 people able to discuss their lives in Vietnamese. For other ethnic languages, the majority of the Bru-Van Kieu people are at level 3, meaning they can give directions to strangers.

These results align with the previous evaluation of the highest proficiency levels in different languages. Overall, the Bru-Van Kieu people exhibit high proficiency in both Bru-Van Kieu and Vietnamese. A few demonstrate low proficiency in other ethnic languages.

Regarding literacy skills in Bru-Van Kieu and other minority scripts, the survey results are as follows (with literacy/non-literacy rates for Vietnamese script, Bru Van Kieu script, and other minority scripts, respectively):

Table 4.

Literacy skills of the Bru-Van Kieu People

Script	**Literate**	**Illiterate**
Bru-Van Kieu	47 (15,7 %)	253 (84,3 %)
Vietnamese	185 (61,7 %)	115 (38,3 %)
Other ethnic scripts	0	300 (100 %)

Among those who are literate, the survey examined where they learned to read and write:

Table 5.

Literacy Learning Environment

Place of learning	**Vietnamese**	**Bru-Van Kieu**
At home	1/185 (0,54 %)	22/47 (46,81 %)
At school	180/185 (97,29 %)	7/47 (14,89 %)
Elsewhere	4/185 (2,16%)	18/47 (38,30%)

As shown in Table 4 and Table 5 the majority of the Bru-Van Kieu people are literate in Vietnamese, with 185 out of 300 people (61.7 %), most of whom acquired literacy in school (180 out of 185, 97.29 %). The literacy rate in Bru-Van Kieu is relatively low, at 15.7 %, with most learning to read and write at home (22 out of 47, or 46.81%); a very small number acquired literacy at school (7 out of 47, or 14.89%).

3.2. Language and Script Usage

To investigate the language and script usage among the Bru-Van Kieu people in Quang Tri province, the research team conducted a comprehensive survey across various contexts:

- Language use within the family
- Language use in communication with neighbors
- Language use in communication with individuals from other ethnic groups
- Language use in business interactions
- Language use during parent-teacher meetings at schools
- Language use in village and commune meetings
- Language use in religious and belief-related activities
- Language use at workplaces

The processed and statistically analyzed data are as follows:

Language Usage Statistics

Table 6.

Language and Script Usage in Different Contexts

Language/Context	Bru-Van Kieu		Vietnamese		Other ethnicity	
	Number	Percentage %	Number	Percentage %	Number	Percentage %
Parents	300	100,00	2	0,67		
Spouse	299	99,67	4	1,33		
Children	299	99,67	44	14,67		
Neighbors	298	99,33	8	2,67		
At the market	292	97,33	167	55,67	3	1,00
Communicating with other ethnicities	52	17,33	284	94,67	3	1,00
Worship	300	100,00	4	1,33		
Daily writing	3	1,62	185	100,00		
Village meetings	194	67,13	187	64,71		
Commune meetings	6	35,29	17	100,00		

Parent-teacher meetings	75	42,37	172	97,18		
Co-workers of the same ethnicity	40	100,00	9	22,50		
Co-workers of other ethnicities	3	7,50	40	100,00	3	7,50

In examining the use of language within the family, the research team assessed language use in communication with parents, spouses, and children. Table 6 indicates that in interactions with family members, the Bru-Van Kieu people predominantly use their mother tongue, with usage rates ranging from 99.67 % to 100 %. Specifically, communication with the older generation (parents) is almost exclusively conducted in Bru-Van Kieu (300/300 respondents), whereas only 2/300 individuals (0.67 %) use Vietnamese. Interactions with children reveal a significant increase in bilingualism, with 44/300 individuals (14.67 %) using Vietnamese. Although this rate is not particularly high, it signifies an upward trend across generations.

It is evident that within family interactions, the trend of using Vietnamese inversely correlates with the use of Bru-Van Kieu. Specifically, the Bru-Van Kieu people tend to use Vietnamese most frequently with their children and least frequently with their parents, while the opposite trend is observed for the use of Bru-Van Kieu. Notably, there are no instances of using other ethnic languages to communicate with parents.

Regarding communication with neighbors, the survey results show that the Bru-Van Kieu primarily use their mother tongue, with a usage rate of 99.33 %.

In contrast to the relatively homogeneous ethnic composition of family and neighborhood interactions, the market represents a multilingual communication environment. This is reflected in the actual language usage at the market, where 292/300 individuals (97.33 %) use Bru-Van Kieu, 167/300 (55.67 %) use Vietnamese (there is overlap: some use both), and 3/300 (1 %) use other ethnic languages. Outside the contexts of family and neighborhood, the market environment demonstrates a dominance of Vietnamese.

When communicating with individuals from other ethnic groups, the majority use Vietnamese (284/300 individuals, 94.67 %). A smaller number use Bru-Van Kieu (17.33 %), and very few (1 %) use other ethnic languages (there is also overlap: some use both, or even more than two).

Worship activities, which are distinctive in preserving cultural heritage, see 100% of the surveyed Bru-Van Kieu people using their mother tongue. Only 1.33 % mix Vietnamese with their mother tongue during worship.

For daily writing, out of 300 respondents, 185 are literate in Vietnamese, including 47 who are literate in both Bru-Van Kieu and Vietnamese. Among the literate respondents, 100 % use Vietnamese

for daily writing, with a very small number (3/185, 1.62 %) mixing their mother tongue with Vietnamese. This indicates the prevalence of Vietnamese for writing due to its convenience and widespread use for everyday needs such as study and work. This rate is consistent with the literacy rate recorded above (185/300 respondents, 61.67 %).

In meetings at the village and commune levels or parent-teacher meetings at schools, the trend is predominantly to use Vietnamese for communication and exchange:

– Village meetings: Out of 300 respondents, 289 participated in village meetings. Of these, 194/289 (67.13 %) use their mother tongue, and 187/289 (64.71 %) use Vietnamese. This shows a trend of using both languages interchangeably in village meetings.

– (Note: In this case, there is also overlap: some people use both their native language and Vietnamese, meaning they switch between their native language and Vietnamese at different times)

– Commune meetings: Out of 300 respondents, only 17 participated in commune meetings. Of these, 6/17 (35.29 %) use their mother tongue, and 17/17 (100 %) use Vietnamese. Although the number of participants in commune meetings is low, it provides some insight into the general language use at the commune level.

– Parent-teacher meetings: Out of 300 respondents, 177 participated in parent-teacher meetings. Of these, 75/177 (42.37 %) use their mother tongue, and 172/177 (97.18 %) use Vietnamese. Thus, communication in parent-teacher meetings follows a similar trend to other meetings, with Vietnamese being the primary language and the mother tongue used intermittently.

However, there are clear differences in language use between different meeting environments. Specifically, the use of Vietnamese increases from village meetings (80.28 %) to commune meetings (94.34 %) and to parent-teacher meetings (97.91%). Conversely, the use of Bru-Van Kieu decreases from village meetings (58.82 %) to commune meetings (22.01 %) and to parent-teacher meetings (17.99 %). In all meetings, the use of other ethnic languages is minimal.

In communication with colleagues at the workplace, 40/300 respondents interact with colleagues (including workers, merchants, teachers, etc.):

– With colleagues of the same ethnicity: Communication in the mother tongue is absolute (40/40), with some mixing of Vietnamese (9/40, 22.5 %).

– With colleagues of other ethnicities: Due to language differences, 100 % use Vietnamese. There are 3/40 individuals who mix Bru-Van Kieu but only use simple, commonly understood words. Additionally, 3/40 individuals (7.5 %) use other ethnic languages.

These results confirm that the ethnic composition of colleagues significantly affects the language used.

Overall, the survey on language use among the Bru-Van Kieu people in Quang Tri province shows a clear functional division between Bru-Van Kieu and Vietnamese. Within family communication, the ethnic community (including village meetings) and worship, the Bru-Van Kieu primarily use their mother tongue. In contrast, in broader community contexts, Vietnamese is used as the common means of communication among different ethnic groups.

4.3. Attitude Towards Language and Script

The measurement of language attitudes was conducted by assessing the satisfaction levels of native speakers with the Bru-Van Kieu language and script, as well as understanding the community's perception of the necessity of maintaining their language across various aspects of daily life.

Among the 300 participants surveyed, 185 were literate in the common script (i.e., Vietnamese script), including 47 who were literate in both the Bru-Van Kieu script and the common script. To evaluate the satisfaction with the Bru-Van Kieu script among the Bru-Van Kieu people in Quang Tri province, we posed a direct question: "Are you satisfied with your ethnic script?" The results were as follows:

Table 7.

Satisfaction Levels with the Bru-Vân Kiều Script

	Yes	No	Don't know
Satisfaction with the Bru-Van Kieu script	93 (31 %)	57 (19 %)	150 (50 %)

Table 7 shows that 150 out of 300 respondents (50 %) expressed dissatisfaction with the Bru-Van Kieu script due to their unfamiliarity with it, precluding them from making an informed evaluation. Of the remaining respondents, 93 (31 %) expressed satisfaction, although 46 of these were not previously acquainted with the script, basing their satisfaction on the belief that the script represents their cultural heritage. Additionally, 57 respondents (19 %) were dissatisfied. This suggests that the majority of the Bru-Van Kieu people have not been exposed to the Bru-Van Kieu script and therefore lack a basis for evaluation. Those who expressed satisfaction typically did so from a subjective perspective, viewing it as a cultural heritage rather than assessing its scientific or practical attributes.

Regarding literacy in their native script, with 84.3% of respondents unable to read or write it, participants were asked if they would attend classes to learn it if offered in their locality. The results were as follows:

Table 8.

Willingness to Learn the Bru Script

	Yes	Yes, if time allows	No/Unlikely
Willingness to attend classes if offered locally	133 (44,3 %)	71 (23,7 %)	93 (32 %)

Table 8 reveals that the majority of participants expressed a desire to learn, with 133 out of 300 (44.3 %) willing to attend classes. Another 23.7% would attend if they had the time. The remaining 32% would not attend, with a few already familiar with the Bru-Van Kieu script or unable to attend due to age-related constraints.

For those wishing to learn, the primary motivation cited was to preserve their traditional culture and maintain their ethnic identity. On the contrary, those not interested cited reasons such as gender, age, time constraints, or existing knowledge of the script.

The survey indicates that the younger generation speaks their native language relatively well (69.3 %). Regarding the desire to speak, read, and write their native language, the results are as follows:

Table 9.

The Need for Literacy in the Bru Script

	Yes	No	Difficult to say
Necessity to know the native script	298 (99,3 %)	2 (0,7 %)	0
Need to read in their native script	287 (95,67 %)	2 (0,67 %)	11 (3,66 %)
Need to speak their native language	275 (91,67 %)	4 (1,33 %)	21 (7 %)

As shown in Table 9, the majority of Bru-Van Kieu respondents believe it is essential to know how to speak, read, and write their native language to preserve their cultural identity and better understand their heritage.

When asked whether learning the common language or the Bru-Van Kieu language was more important, the results were as follows:

Table 10.

Assessment of the Importance of the Native Language and Other Languages

	Yes	Not sure	No	Don't know
Is learning Vietnamese more important than learning your native language?	157 (52,3%)	48 (16%)	92 (30,7%	3 (1%)
Is learning other ethnic languages more important than learning your own language?	3 (1%)	1 (0,3%)	287 (95,7%)	9 (3%)

Is learning foreign languages more important than learning your own language?	16 (5,3%)	28 (9,3%)	218 (72,7%)	38 (12,7%)

Table 10 reveals that most respondents do not prioritize learning other ethnic languages or foreign languages over their own. The majority believe that learning their native language is crucial for preserving their cultural heritage, although a small percentage sees the importance of learning foreign languages for integration and development.

Regarding the necessity of having television programs in their native language, the results were as follows:

Table 11.

Need for Television Programs in the Native Language

	Yes	Not sure	No	Don't know
Need for TV programs in native language?	291 (97 %)	1 (0,3 %)	5 (1,7 %)	3 (1 %)

Table 11 shows that most respondents desire Bru-Van Kieu language programs on television, with only a small fraction expressing uncertainty or indifference, primarily due to lack of access to television or time constraints.

Regarding the importance of preserving their language and script, the survey results are as follows:

Table 12.

Opinions of the Bru-Van Kieu People on the Preservation of Their Language and Writing System

Opinion on the necessity of a script to preserve culture and language	Agree	Not sure	Disagree	Don't know
Need a script to preserve cultural heritage	300 (100%)			
Need a script to preserve the language	300 (100%)			
Need to teach the native language in schools	280 (93,33%)			20 6,67%
Need to use the native language alongside Vietnamese in primary education	211 (70,33%)			89 (29,67%)

Table 12 indicates that 100% of respondents agree that having a script is crucial for preserving their cultural and linguistic heritage. They also support the inclusion of their native language in school

curricula and its use alongside Vietnamese in primary education, which is seen as a positive sign for the preservation of the Bru-Van Kieu language and script. At the same time, they acknowledge that Vietnamese is the primary language for work, integration, and development.

In summary, these analyses demonstrate the significant role of cultural and social factors in language proficiency, usage, and attitudes.

5. Discussion

5.1 Dissemination of the Bru-Van Kieu language through mass media

In regions inhabited by the Bru-Van Kieu people, mass media, such as television (and radio broadcasts) in the Bru-Van Kieu language, have garnered significant attention. However, similar to other ethnic minorities, these media outlets require modernization and improvements to be more engaging and appealing to the local population. Specifically, television and radio programs should not merely replicate Vietnamese language programs but should be richer and more engaging. For instance, there should be entertainment programs, production guidance, and local community-related information in the Bru-Van Kieu language. In summary, the general direction should be to create unique programs rather than replicating Vietnamese language broadcasts ([Nguyen Huu Hoanh, Nguyen Van Khang, Bùi Thị Minh Yến, 2012]. Additionally, the effectiveness of the broadcast schedule should be considered, as unsuitable broadcast times would result in low viewership or listenership due to the differing daily routines of the Bru-Van Kieu compared to the Vietnamese population.

Another issue to consider is that while the listening and speaking skills of the Bru-Van Kieu people are good, their reading and writing skills in the Bru-Van Kieu script are limited (30.3% can read, 15.7% can write). Therefore, the use of the Bru-Van Kieu script should be encouraged more in daily life. Given the rich folk literature of the Bru-Van Kieu, it is necessary to compile and publish works such as songs and poems to create an ecosystem that supports learning and maintaining the Bru-Van Kieu script.

5.2 Teaching and learning the Bru-Van Kieu language and script

The teaching and learning of the Bru-Van Kieu mother tongue have yielded numerous positive results, with increasing interest from the local population. Based on feedback from survey participants and discussions with local leaders, it is evident that schools are the most effective venues for enhancing Bru-Van Kieu language skills. According to the new general education program (since 2018), eight ethnic minority languages have been selected for textbook compilation and optional teaching from grades 1 to 12. Local leaders and Bru-Van Kieu intellectual representatives should undertake practical activities and policies to encourage both teachers and students, regularly organizing Bru-Van Kieu

language contests or cultural club activities to provide opportunities for students to learn and improve their language skills.

Regarding support policies, teachers involved in teaching the Bru-Van Kieu language should receive additional allowances and regular training to enhance their language skills and update teaching methods to make learning more engaging for students. There should also be priority policies for preserving and promoting the Bru-Van Kieu language. For instance, agencies in the mountainous districts of Quang Tri and Quang Binh, where the Bru-Van Kieu people reside, should prioritize recruiting individuals proficient in the Bru-Van Kieu language with corresponding certificates.

5.3 Promoting Vietnamese in the Bru-Vân Kiều Community

The 2013 Constitution affirms Vietnamese as the national language. Therefore, learning Vietnamese is essential for the Bru-Van Kieu people. Our survey in Da Krong indicates that Vietnamese is crucial for daily communication, and thus teaching and promoting Vietnamese are necessary to facilitate cultural exchange and knowledge dissemination among ethnic groups. In reality, some Bru-Van Kieu individuals can only speak but not read or write Vietnamese. This poses a challenge: if too much emphasis is placed on preserving the mother tongue, ethnic minorities might lose opportunities to learn Vietnamese.

It is evident that the Bru-Van Kieu in the mountainous districts of Quang Tri and Quang Binh are a multilingual community. Besides their mother tongue, they can speak Vietnamese and other languages. However, the most important form of communication is Bru-Van Kieu –Vietnamese bilingualism. This is advantageous for the economic, cultural, and social development of the Bru-Van Kieu community. Nonetheless, our surveys and in-depth interviews reveal that over time, the prominence of Vietnamese is overshadowing Bru-Van Kieu. Specifically, the Bru-Van Kieu language is used only in certain contexts, mainly within the ethnic community: at home, in the village, and in religious and spiritual practices. Beyond these contexts, Vietnamese plays a more prominent role in communication.

In-depth interviews indicate that many Bru-Van Kieu parents now use Vietnamese to communicate with their children to help them learn it better. This trend, observed in other ethnic minority languages, has both positive and negative aspects.

Our surveys indicate that the Bru-Van Kieu people's proficiency in both their mother tongue and Vietnamese is relatively good, despite a modest number of individuals literate in the Bru-Van Kieu script. This warrants further attention in the future. We believe that promoting the Bru-Van Kieu script is crucial for preserving and enhancing the role of the Bru-Van Kieu language in the sustainable

development of the country in general, and of Quang Tri, Quang Binh, and the Bru-Vân Kiều community in particular.

5.4 Choosing the Bru-Van Kieu Script

Statistics show that 33 out of 53 ethnic minorities in Vietnam have their scripts, with some having more than one [Nguyen Huu Hoanh, 2013; Nguyen Van Hiep, 2023a, 2023b]. For those with multiple scripts, the issue is which one to choose and what factors influence that choice. Although the improved Bru-Van Kieu script developed by Vietnamese linguists does not differ significantly from the script developed by American authors [Vuong Huu Le, 1997: 15], in-depth interviews with Bru-Van Kieu teacher Ho Xuan Long in Khe Sanh reveal that the coexistence of both scripts is undeniable.

In a widely recognized study, Unseth (2005: 22) identifies four factors influencing script choice. In this section, we analyze these factors and compare them to the choice of the Bru-Van Kieu script in Vietnam.

Firstly, a community might choose a particular script to mark their identity, distinguishing themselves from other groups. In other words, script choice is a way to affirm the group's identity, often linked to a "glorious" past (Unseth, 2005: 23).

The group's identity can be part of national culture or closely tied to people of the same ethnicity and language, even if they live abroad (Unseth, 2005: 23). The non-Protestant Bru-Van Kieu communities may choose the recently developed Bru-Van Kieu script to mark their group, associated with positive memories of the Revolution and President Ho Chi Minh, as the Revolution liberated ethnic groups in Vietnam, giving them the status of free citizens in an independent country. However, the Protestant Bru-Van Kieu community in Vietnam might choose the script used in the Bible to connect with the Protestant Bru-Van Kieu community. According to Ho Xuan Long, some Bru-Van Kieu Protestants migrated to the Central Highlands and Krong Pak district and used only the Bru-Van Kieu script in the Bible. In Quang Tri, the number of Bru-Van Kieu people familiar with the Bible's Bru-Van Kieu script is higher than those familiar with the improved script.

Secondly, a community might choose a script to distance themselves from another group. This desire for separation can be influenced by factors such as ethnic pride, religion, and political autonomy [Unseth, 2005: 24]. We believe that the Protestant Bru-Van Kieu community might choose the Bible's script for religious reasons, perhaps to distance themselves from non-Protestant Bru-Van Kieu people.

Thirdly, factors related to broader-scale development can also influence script choice [Unseth, 2005: 27]. This is a practical factor. For example, in Vietnam, some non-Protestant Hmong people choose to learn the international Hmong script due to its practical advantages [Nguyen Van Hiep, 2023c]. The ecosystem of international Hmong script publications (films, songs with subtitles, social

media, and Google Translate) leads many Hmong people to choose it for personal and community development rather than emotional, spiritual, or political reasons. They simply want to learn the international Hmong script to enhance their knowledge, expand interactions, develop businesses, and for entertainment. Unseth (2005) suggests that the availability of printing technology can influence script choice based on interaction needs with other groups.

For the two types of Bru-Van Kieu scripts in Vietnam, the availability of printing technology is not clearly reflected, as the improved Bru-Van Kieu script is mainly printed in teaching materials with limited distribution for certification classes. The Bible's Bru-Van Kieu script is prevalent among the Protestant Bru-Van Kieu community. However, due to Ministry of Home Affairs policies allowing ethnic minority languages in civil service exams, some people choose the improved script.

Fourthly, a community might choose a script based on its linguistic features. That is, they evaluate whether a script accurately represents the vowels, consonants, and tones of their language [Unseth, 2005: 28]. Although the Bru-Van Kieu community members are not linguists, they have native intuition. According to Ho Xuan Long, despite improvements, the revised script is not more widely known than the American-developed script in the Bible. Unfortunately, there is a lack of extensive academic research comparing the features of the American and Vietnamese Bru-Van Kieu scripts. This situation also reflects a script conflict in a less serious matter, seen in some ethnic minorities in Vietnam with multiple scripts, such as the Hmong, Co Tu, Raglai, Cham, and Thai [Nguyen Van Hiep, 2023a, 2023b, 2024b].

5.Conclusion

The findings from the survey on language use and attitudes among the Bru-Van Kieu community lead to several important conclusions:

First, the level of bilingualism (Bru-Van Kieu -Vietnamese) within the Bru-Van Kieu community is notably high. A majority of Bru-Van Kieu individuals demonstrate proficiency in both their native language and Vietnamese, utilizing both languages in their daily interactions.

Second, the data reveals a strong degree of linguistic loyalty among the Bru-Van Kieu people in Da Krong. Nevertheless, the increasing tendency among Bru-Van Kieu families to exclusively communicate in Vietnamese with their children presents a significant risk. Without timely and appropriate policy interventions, there is a foreseeable threat to the preservation of the Bru-Van Kieu language, which may face potential decline in the near future.

Third, the efficacy of teaching the Bru-Van Kieu language is compromised by the existence of two separate writing systems. To enhance the effectiveness of language education and ensure the

preservation of the Bru-Van Kieu language, it is imperative to develop a unified writing system for the community.

The conclusions outlined above also serve as recommendations for language policy makers in Vietnam.

References

Barulin, A.N., Efimov, A.Iu. (1985) Vài vấn đề ngữ âm tiếng Vân Kiều [Some Phonetic Issues of the Vân Kiều Language]. Language Journal. No 4. (In Viet.)

Hoàng Văn Ma, Tạ Văn Thông (1998), *Tiếng Bru-Vân Kiều* [The Bru-Vân Kiều Language]. Hanoi, Social Science Publishing House. (In Viet.)

Miller, Carolyn P. (1964) The substantive phrase in Brôu. Mon – Khmer Studies, Vol I. Pp. 63–80.

Miller, John D. (1964) Word Classes in Brôu. Mon – Khmer Studies.Vol I. Pp. 41–62.

Miller, John D. (1967) An acoustical Study of Brôu Vowels, Phonetica 17. Available at: https//www.degruyter.com/document/doi/10.1159/000258585/html Access date: 14.11.2014

Nguyễn Hữu Hoành (chủ biên), Nguyễn Văn Lợi, Tạ Văn Thông (2013) Ngôn ngữ chữ viết các dân tộc thiểu số ở Việt Nam (những vấn đề chung) [Written languages of ethnic minorities in Vietnam (general issues). Hà Nội, Nxb Từ điển Bách khoa [Hanoi, Encyclopedia Publishing House]. (In Viet.)

Nguyễn Văn Hiệp (2023a), A Number of Issues Regarding Writing System for Ethnic Minorities in Vietnam. Hanoi Vietnam Social Sciences Review. No. 4 (216).

Nguyễn Văn Hiệp (2023b) Conflicts of writing system among ethnic minority communities in Vietnam a case of Hmong, Katu, Raglai. Journal Sociolinguistics. Available at: https//sociolinguistics.ru/index.php/sociolinguistics/article/view/214/198 Access date: 14.11.2014

Nguyễn Văn Hiệp (2023c) Hmong Scripts in Vietnam Reality and Problems Related to Language Right. Sarcouncil Journal of Arts Humanities and Social Sciences. Vol. 02(04).

Nguyễn Văn Hiệp (2024a) Nghiên cứu thực trạng, thái độ và nguyện vọng của đồng bào dân tộc thiểu số đối với việc sử dụng chữ viết của dân tộc mình, hướng nghiên cứu do Hoàng Tuệ khởi xướng. Kỷ yếu Hội thảo khoa học Quốc gia tưởng niệm Hoàng Tuệ Giáo sư Hoàng Tuệ - Ngôn ngữ trong đời sống xã hội, do Hội ngôn ngữ học VN, Viện Ngôn ngữ học, Trường Đại học Sư phạm Hà Nội tổ chức [A Study on the Current Situation, Attitudes, and Aspirations of Ethnic Minorities Regarding the Use of Their Own Writing System, a research direction initiated by Hoàng Tuệ]. [Proceedings of the National Scientific Conference in Memory of Hoàng Tuệ Professor Hoàng Tuệ - Language in Social Life, organized by the Vietnam Linguistics Association, the Institute of Linguistics, and Hanoi University of Education]. (In Viet.)

Nguyễn Văn Hiệp (2024b) Quyền ngôn ngữ và những nhân tố ảnh hưởng đến sự lựa chọn chữ viết của người dân tộc thiểu số Trường hợp chữ Mông ở Việt Nam [Language Rights and the Factors Affecting the Choice of Writing Systems by Ethnic Minorities The Case of the H'Mong Script in Vietnam]. Vietnam Journal of Science and Technology. Available at: https//vjol.info.vn/index.php/most/article/view/94623/79962 Access date: 09.09.2024 (In Viet.)

Nguyễn Văn Khang, Bùi Thị Minh Yến (2012) Nghiên cứu khảo sát thái độ ngôn ngữ của đồng bào dân tộc thiểu số đối với tiếng nói chữ viết dân tộc sử dụng trong giáo dục và trên sóng phát thanh truyền hình phục vụ cho việc xây dựng luật ngôn ngữ ở Việt Nam, Đề tài nghiên cứu khoa học cấp Bộ, Viện Khoa học Xã hội VN. [A study surveying the language attitudes of ethnic minorities towards their spoken and written languages used in education and on radio and television broadcasts, serving the development of language laws in Vietnam]. Ministry-level scientific research project, Vietnam Academy of Social Sciences. (In Viet.)

Phillips R, L. John và Carolyn Miller (1976) The Bru Vowel System Alternative Analyses. Mon – Khmer Studies. Vol. V. Pp. 203–217.

Unseth P. (2005), Sociolinguistic parallels between choosing scripts and languages. Journal Written Language & Literacy. No. 8 (1) Pp.19–42.
Vương Hữu Lễ (1997), *Từ điển Bru-Việt-Anh*, Huế Nxb Thuận Hoá [Bru-Vietnamese-English Dictionary]. Hue Thuan Hoa Publishing House. (In Viet.)

Ван Хьеп Нгуен – доктор философии, председатель Совета по науке и обучению, Школа языков и туризма, Ханойский промышленный университет, Вьетнам
https://orcid.org/0009-0004-0552-7351
Адрес: 143510, Вьетнам, Ханой, Округ Ту Лием, Коммуна Минь Кхай, Кау Диен 298.
Эл. адрес: hiepnv@haui.edu.vn

Van Hiep Nguyen – Ph.D., Chairman of the Science and Training Council, School of Languages and Tourism, Hanoi University of Industry, Vietnam
https://orcid.org/0009-0004-0552-7351
Address: Cau Dien 298, Minh Khai Commune, Tu Liem Dist., Hanoi, Vietnam, 143510
E-mail: hiepnv@haui.edu.vn

Для цитирования: *Ван Хьеп Нгуен* Социолингвистический анализ языка и письменности Бру-ван Кью: использование и установки говорящих // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 9–27. DOI:10.37892/2713-2951-420-9-27

For citation: *Nguyen Van Hiep* Sociolinguistic analyses of the Bru-van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 9–27. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-4-20-9-27

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 18.06.2024;
approved after reviewing 23.10.2024;
accepted for publication 07.12.2024.

УДК 81’27 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-28-40

ИНГУШСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РОССИИ

Нина М. Барахоева
Ингушский государственный университет,
Чеченский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Марина А. Арсельгова
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Российская Федерация

Статья посвящена комплексному рассмотрению современного состояния ингушского языка – одного из государственных языков Республики Ингушетия и значимой составляющей полиэтнического культурного наследия страны. В фокусе исследования находятся ключевые вызовы и проблемы, оказывающие непосредственное влияние на процессы сохранения и развития ингушского языка. Проведен глубокий анализ основных факторов, определяющих актуальное состояние ингушского языка в современных условиях. Представленное исследование базируется на комплексном социолингвистическом подходе, предполагающем изучение языковой ситуации в Республике Ингушетия с учетом социальных, культурных и политико-правовых факторов. В рамках исследования проанализированы статистические данные, в том числе материалы Всероссийских переписей населения, проведен социологический опрос, охвативший 3056 жителей Республики Ингушетия, а также обобщена научная литература по проблематике сохранения и развития национальных и региональных языков. На основе исследования предложены перспективные стратегические направления формирования комплексной системы мер по сохранению и устойчивому развитию ингушского языка. В результате проведенного исследования сделан вывод, что для обеспечения сохранения и дальнейшего развития ингушского языка необходимо сформировать соответствующую инфраструктурную и институциональную основу. Это предполагает внедрение комплекса взаимосвязанных мер, объединенных в целевую программу, включая увеличение финансирования модернизации учебно-методических материалов по ингушскому языку, решение задач по сохранению и обогащению лексического фонда ингушского языка, а также другие ключевые направления. Реализация такой программы действий позволит обеспечить устойчивое функционирование и дальнейшее развитие ингушского языка как важнейшего компонента культурного наследия Российской Федерации.

Ключевые слова: *языковая ситуация, ингушский язык, русский язык, самоидентификация, культурное наследие, цифровизация языка, глобализация*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Барахоева Н.М., Арсельгова М.А., 2024

INGUSH LANGUAGE IN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF RUSSIA

Nina M. Barakhoeva
Ingush State University,
Chechen State Pedagogical University, Russian Federation

Marina A. Arselgova
Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev, Russian Federation

This article is devoted to a comprehensive examination of the current state of the Ingush language, one of the state languages of the Republic of Ingushetia and a significant component of the country's multiethnic cultural heritage. The study focuses on key challenges and problems that directly affect the processes of preserving and developing the Ingush language. The authors of the article conducted a deep analysis of the main factors that determine the current state of the Ingush language in modern conditions. The presented study is based on a comprehensive sociolinguistic approach, which involves studying the language situation in the Republic of Ingushetia, taking into account social, cultural, political and legal factors. As part of the work, statistical data were analyzed, including materials from the All-Russian population censuses, a sociological survey was conducted that covered 3056 residents of the Republic of Ingushetia, and scientific literature on the issues of preserving and developing national and regional languages was summarized. Based on this study, promising strategic directions for the formation of a comprehensive system of measures for the preservation and sustainable development of the Ingush language are proposed. As a result of the conducted research, it was concluded that in order to ensure the preservation and further development of the Ingush language, it is necessary to form an appropriate infrastructural and institutional basis. This, in turn, presupposes the implementation of a set of interrelated measures, united in a target program, including increased funding for the modernization of educational and methodological materials on the Ingush language, solving the problems of preserving and enriching the vocabulary of the Ingush language, as well as other key areas. The implementation of such an action program will ensure the sustainable functioning and further development of the Ingush language as an essential component of the cultural heritage of the Russian Federation.

***Keywords**: language situation, Ingush language, Russian language, self-identification, cultural heritage, digitalization of language, globalization*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Nina M. Barakhoeva, Marina A. Arselgova, 2024

1. Введение

Сохранение и развитие родного языка представляет собой ключевую задачу в процессе культурной самоактуализации и этнической идентификации любого этноса.

С точки зрения выдающихся мыслителей в области философии и лингвистики, изучение родного языка играет ключевую роль в познании человеком самого себя, своей национальной идентичности и мировоззрения. Язык рассматривается как неотъемлемое средство, в котором запечатлен весь национальный характер, культура и мировосприятие определенной этнической общности [Критарова и др., 2019: 112]. Следовательно, всестороннее исследование и сохранение

национального своеобразия немыслимо без опоры на родной язык как важнейший инструмент познания и самовыражения. Изучение языка позволяет глубже постичь культурные особенности и мировоззренческие ценности того или иного этноса.

В условиях активизации глобализационных процессов сохранение и развитие родных языков становится одним из ключевых приоритетов языковой политики во многих полиэтнических государствах, поскольку языковая ассимиляция рассматривается как угроза культурной самобытности этносов [Fishman,1991: 10]. Особенную остроту проблема исчезновения языков приобретает в контексте ситуации с региональными языками, находящимися под постоянным давлением доминирующих национальных и межнациональных языков.

Целью настоящего исследования является проведение анализа современного состояния и перспектив развития ингушского языка на основе социолингвистического изучения языковой ситуации в Республике Ингушетия.

Методологической основой исследования выступает социолингвистический подход, предполагающий изучение языковой ситуации в Республике Ингушетия с учетом социальных, культурных и политико-правовых факторов.

В качестве основных методов исследования были использованы анализ статистических данных, в том числе материалов Всероссийских переписей населения; социологический опрос, охвативший 3056 представителей ингушской этнокультурной общности; изучение и обобщение научной литературы по проблемам сохранения и развития национальных и региональных языков.

Ингушский язык (*гIалгIай мотт*) относится к нахской группе восточно-кавказских языков, внутри которой обнаруживает наибольшую близость к чеченскому и бацбийскому языкам. Распространен, в основном, в Республике Ингушетия (РИ), в меньшей степени – в Чеченской Республике и в Республике Северная Осетия-Алания.

Ингушетия является практически мононациональной республикой. Основной этнос – ингуши. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., ингушей было в РФ 444 833 чел., в РИ – 385 537 чел., что составляло 93,4 % от всего населения республики [ВПН, 2010].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., ингушами себя назвали в РФ 517 186 чел., в РИ – 473 440, т.е. 92,9 % от всего населения республики.

Кроме того, по данным переписи населения 2020 г., регион в небольшом количестве в настоящее время населяют чеченцы (2,4 %), русские (0,6 %), иные народы (турки, кумыки, кистины, аварцы, грузины и др. – все вместе менее 1 %) [ВПН, 2020].

Число говорящих на ингушском языке в России по данным переписи 2010 г., составляло 306 тыс. чел.; из 385 537 ингушей, проживавших в РИ, его считали родным 382 985 чел., т.е. 99,3 %; причем свободно владели русским языком 340 872 – 88,4 % [ВПН, 2010].

По данным переписи населения 2020 г., 333 151 чел. в РФ владеют ингушским языком, в РИ – 300 793 чел. Родным ингушский язык считают 507 087 чел. в РФ; в РИ ингушский язык признают родным 96,4 % (469 032 чел.) ингушей. При этом практически все ингуши знают русский язык – 88 % (416 457 чел.); из них используют русский язык в повседневной жизни 65 % (307 608 чел.) [ВПН, 2020].

По данным на 2020 г., русское население в основном владеет только своим родным языком (лишь 9 % русских в 2020 г. владели ингушским) [Там же].

В Республике Ингушетия ингуши компактно проживают в селах Назрановского – 102 626 чел. (95,7 % населения района), Сунженского – 56 809 чел. (94,6 %), Джейрахского – 3243 чел. (89,6 %), Малгобекского – 50 427 чел. (84,8 %) районов.

В настоящее время для республики характерен национально-русский билингвизм.

Как литературный ингушский язык сложился на базе разговорной речи плоскостных ингушей. До 1923 г. ингуши пользовались аджамской письменностью на арабской основе с добавлением некоторых знаков для обозначения специфических звуков; затем письменность была переведена на латинскую графику. В 1938 г. был принят алфавит на основе кириллицы, который функционирует и в настоящее время. В нем используется лишь один дополнительный знак *I* для обозначения признака смычногортанности; особенностью алфавита является обозначение некоторых фонем двумя буквами (например, гортанный *къ*, смычный *к1, п1,* фарингальный спирант *хь* и др.) или тремя буквами (например, для обозначения долготы заднемягконебного согласного звука *кх – ккх).*

Ингушский язык сегодня функционирует во всех сферах общественно-производственной и культурной жизни народа Ингушетии.

Ингушский язык является языком радио, телевидения, периодической печати, театров, культурно-просветительных учреждений; на ингушском языке создана большая оригинальная и переводная художественная литература. С 1923 г. издается республиканская Общенациональная газета «Сердало» («Свет») на ингушском и русском языках.

Ингушский язык преподается в Ингушском государственном университете при подготовке педагогических кадров – филологов. На ингушском языке преподаются только дисциплины ингушской филологии, остальные – на русском языке. В других учебных заведениях среднего профессионального звена ингушский язык преподается как отдельная

дисциплина для обучающихся на базе девяти классов по программе 10-х и 11-х классов по 2 или 5 часов в неделю.

В РИ в качестве учебного предмета ингушский язык изучается в школах, обучением охвачено около 84,8 тыс. учеников [Регионы России, 2023: 306.]

Ингушский язык не имеет четко выраженной диалектной дифференциации.

2. Общий разбор языковой ситуации в России: тенденции и вызовы для региональных языков

Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г., проанализированные специалистами Института языкознания РАН, свидетельствуют об обострении проблемы исчезновения национальных языков на территории Российской Федерации. Согласно анализу, представленному в монографии, подготовленной учеными РАН, по итогам последней переписи в России насчитывается 155 живых языков [Коряков др., 2022: 13]. Эксперты отмечают, что с начала XX в. на территории Российской Федерации прекратили свое существование 15 языков. Данная тенденция отражает процессы языковой ассимиляции, урбанизации и доминирования русского языка, которые ставят под угрозу сохранение многих национальных и региональных языков страны [Алпатов, 2005: 211]. Согласно экспертным оценкам, проблема исчезновения языков по всему миру приобретает все более острый характер. Этот процесс ускорился примерно с XVI в., с началом эпохи Великих географических открытий и последующей глобализации.

Как указывает А.Е. Кибрик, на территории Российской Федерации ситуация с языковым разнообразием критическая: около 10 % языков народов России находятся на грани исчезновения, более 60 % приближаются к этому порогу, и лишь порядка 7 % языков можно считать относительно благополучными [Российская академия наук, 2024].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., языковой портрет Российской Федерации выглядит следующим образом: по владению языками лидирует русский язык – его назвали 134,3 млн человек. Далее следуют английский (5,07 млн), татарский (3,26 млн), чеченский (1,49 млн) и башкирский (1,09 млн) [Российская академия наук, 2024].

Однако если рассматривать фактическое использование языков в повседневной жизни, картина несколько меняется. Здесь на первом месте находится русский язык (132,3 млн), но далее идут татарский (2,92 млн), английский (1,6 млн), чеченский (1,46 млн) и башкирский (0,94 млн). Таким образом, данные переписи демонстрируют доминирующее положение русского языка в Российской Федерации как по владению, так и по реальному применению в быту. В то же время сохраняется значительное распространение ряда других языков народов России, хотя их использование и уступает русскому. Как видим, языковая ситуация в стране отражает

сочетание монополии русского языка с сохранением заметной роли ряда региональных языков, что соответствует многоэтничному и поликультурному характеру Российской Федерации.

Если говорить об ингушском языке, то, согласно данным переписи 2002 г., им (родным языком) владело 97 % титульного населения, а в 2010 году 67 % населения [ВПН, 2002; Барахоева и др., 2020: 57], в 2020 г. – 63 %. Дальнейшее снижение доли владения этим языком говорит о продолжающемся ослаблении позиций ингушского языка.

Как известно, язык выступает в качестве основы национальной культуры, хранилища и транслятора духовного опыта этноса. Ингушский язык, являясь неотъемлемой частью материального и духовного наследия ингушского народа, выполняет важнейшие социокультурные функции в жизни общества. Он служит средством межличностной и межэтнической коммуникации, механизмом передачи традиций и ценностей, инструментом познания, самовыражения и распространения культурного опыта.

Языковая политика России основывается на принципе языкового равноправия, призванном гарантировать равные права и возможности для использования и развития всех языков народов страны, независимо от их численности и статуса [Дугарова и др., 2020: 78]. В эпоху цифровизации и «сжатия» социального пространства сохранение национальных языков требует реализации комплексных мер по их модернизации и внедрению в актуальные сферы общественной жизни.

3. Результаты социолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Ингушетия

В 2022 г. Ингушским НИИ совместно с Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН было проведено социолингвистическое исследование «Языковая ситуация в Республике Ингушетия». В исследовании приняли участие 3056 респондентов. В первую очередь респондентам было предложено сравнить состояние языковой ситуации в регионе в 1990-е годы и на сегодняшний день. Согласно полученным данным, наблюдаются противоречивые тенденции в функционировании и статусе ингушского и русского языков. С одной стороны, фиксируется отрицательная динамика использования ингушского языка по сравнению с 1990-ми годами, что отмечает большинство опрошенных (55,2 %), а также подтверждается результатами переписи, представленными выше. Это свидетельствует о процессах его постепенного вытеснения и сужения сфер применения под доминирующим влиянием русского языка.

Вместе с тем, несмотря на указанные негативные тренды, ингушский язык сохраняет прочные позиции в качестве языка внутренней речи для большинства респондентов (70,4 %), что демонстрирует его глубокую связь с этнокультурной идентичностью носителей. Более того, 82,4 % опрошенных считают ингушский своим родным языком, для 11,6 % опрошенных ингушский и русский язык равноценны.

Анализ коммуникативного поведения представителей этнокультурной общности показал устойчивое доминирование ингушского языка в домашнем, семейном общении. Это свидетельствует о сохранении ингушского языка как основного средства межличностной коммуникации в рамках этнической среды.

Однако в профессиональной и образовательной сферах наблюдается противоположная картина. В организационных и институциональных контекстах, включая трудовую деятельность и учебный процесс, русский язык занимает лидирующие позиции – используется параллельно с ингушским или доминирует над ним.

Особый интерес представляет языковое поведение ингушей в публичных, общественных пространствах. В данном случае отмечается паритетное использование ингушского и русского языков без явного преобладания какого-либо из них. Аналогичная тенденция фиксируется и в неформальной коммуникации с друзьями. Выявленные особенности распределения языковых практик этнической общности демонстрируют устойчивую дихотомию: ингушский язык сохраняет ведущие позиции в домашней, семейной среде, в то время как в публичных, институциональных контекстах более активно применяется русский язык. Данная асимметрия в языковом поведении отражает влияние социокультурных факторов на выбор коммуникативных средств ингушами.

Анализ особенностей языковой социализации показал, что большинство респондентов (78,2 %) овладели ингушским языком через общение с родителями, что свидетельствует о сохранении механизмов трансляции родного языка в рамках семейной микросреды, доля тех, кто освоил ингушский язык при непосредственном общении с бабушками и дедушками, является относительно небольшой (9 %), в школе – 10 %. Таким образом, семья по-прежнему выступает основным институтом, отвечающим за передачу ингушского языка по следующим поколениям. Этот ключевой механизм языковой преемственности в рамках семейной микросреды пока сохраняется.

В рамках данного исследования были проанализированы результаты опроса респондентов относительно мер, необходимых для обеспечения жизнеспособности ингушского языка (см. рис. 1).

Рис. 1. Наиболее эффективные меры по сохранению ингушского языка.

Согласно полученным данным, наиболее приоритетными мерами респонденты считают меры, связанные с образованием: введение изучения ингушского языка в образовательные стандарты (60,2 %), совершенствование качества его преподавания (49,1 %). Далее преобладают социокультурные аспекты. Респонденты рассматривают ингушский язык не только как средство коммуникации, но и как важнейший элемент национальной культурной идентичности, что находит отражение в высокой значимости, приписываемой респондентами семейному воспитанию на родном языке (46,7 %) и воспитанию патриотических чувств и гордости за родной язык (28,6 %). Респонденты также отмечают необходимость эффективной государственной языковой политики (21,2 %) и активного использования ингушского языка национальной интеллигенцией (26,1 %), что отражает понимание важности как государственной поддержки, так и инициативы гражданского общества в деле сохранения ингушского языка.

Таким образом, проведенное исследование зафиксировало неоднозначную языковую ситуацию в Республике Ингушетия: несмотря на наметившиеся процессы вытеснения ингушского языка русским, он сохраняет важную роль в этнокультурной и языковой идентичности населения. Кроме того, незначительная доля респондентов, указавших на роль образовательных учреждений в освоении ими родного языка, свидетельствует о недостаточном вовлечении системы образования в процессы сохранения и развития ингушского языка. Это может быть обусловлено как особенностями языковой политики в регионе, так и определенной инертностью образовательных практик в отношении родных языков меньшинств.

В целом выявленные особенности языковой социализации демонстрируют сохранение ведущей роли семьи в трансляции ингушского языка, однако, вместе с тем, обнаруживают

признаки определенных трансформаций в механизмах межпоколенческой передачи родного языка и недостаточное участие образовательных институтов в этих процессах.

Для выработки эффективной языковой политики, на наш взгляд, требуется комплексный подход, сочетающий меры по поддержке семьи как ключевого агента языковой социализации и расширению возможностей освоения ингушского языка в образовательном пространстве; кроме того, она должна быть направлена на повышение статуса языка, престижа и мотивации к его изучению и использованию во всех сферах общественной жизни.

4. Ключевые проблемы и приоритетные направления поддержки и развития ингушского языка

Одним из ключевых факторов, препятствующих поддержанию и дальнейшему развитию ингушского языка, является отсутствие программ по модернизации лингводидактических методик и современных учебно-методических материалов; отсутствие необходимых обновлений учебно-методических комплексов по ингушскому языку, включая разработку интерактивных мультимедийных приложений, электронных учебников, онлайн-курсов. Что, в свою очередь, снижает эффективность образовательного процесса, делая его менее привлекательным для современной молодежи, поскольку именно использование современных цифровых инструментов, мультимедийных ресурсов, дистанционных форм обучения могло бы значительно повысить интерес и вовлеченность учащихся в изучение родного языка. Однако инфраструктурные проблемы затрудняют широкое внедрение таких технологий.

Параллельно с этим дефицит высококвалифицированных педагогических кадров, владеющих ингушским языком и современными технологиями его преподавания, является еще одним фактором, препятствующим эффективному сохранению и развитию языка. Данная проблема связана и с недостаточной привлекательностью педагогической профессии преподавателя ингушского языка. Низкий уровень оплаты труда снижает заинтересованность молодежи в данном направлении.

Для решения обозначенных проблем необходимо, на наш взгляд, реализовать комплекс мероприятий:

– увеличение финансирования программ модернизации учебно-методических материалов по ингушскому языку, что позволит обновить и улучшить качество учебников, пособий, дидактических материалов;

– организация системы повышения квалификации педагогов, преподающих ингушский язык; регулярное обучение поможет учителям освоить современные методики и технологии обучения;

– разработка и внедрение современных образовательных технологий и методик преподавания ингушского языка, включая интерактивные, мультимедийные, геймифицированные подходы;

– создание цифровых образовательных ресурсов и онлайн-платформ для изучения ингушского языка, что сделает обучение более доступным и привлекательным для учащихся;

– расширение социального партнерства образовательных учреждений и общественных организаций в сфере популяризации ингушского языка;

– мониторинг и научное сопровождение реализуемых образовательных программ и мероприятий для своевременной корректировки языковой политики;

– повышение заработной платы преподавателям ингушского языка.

Комплексное применение этих мер, по нашему мнению, позволит создать благоприятные условия для сохранения и развития ингушского языка как неотъемлемой части культурного наследия региона.

Кроме того, лексическое обогащение ингушского языка является важным направлением его модернизации. Оно подразумевает введение в активное употребление новых слов, выражений и идиоматических конструкций, отражающих современные реалии жизни. Такая работа необходима для того, чтобы ингушский язык мог адекватно выражать понятия и явления, связанные с новейшими технологиями, трендами в искусстве, моде, социальных практиках и пр. Например, необходимо вводить в язык неологизмы, обозначающие различные цифровые устройства, онлайн-сервисы, программное обеспечение и так далее. Без этого будет сложно использовать ингушский язык в сферах, связанных с информационными технологиями. Аналогичная работа нужна и в отношении лексики, описывающей актуальные культурные и социальные процессы.

Кроме того, важно развивать стилистическое разнообразие ингушского языка, поддерживать и популяризировать использование языка в различных функциональных стилях: научном, деловом, публицистическом, художественном и так далее. Это позволит сделать язык более гибким, приспособленным к широкому спектру коммуникативных ситуаций.

Необходимо также уделять внимание сохранению и обогащению фразеологического фонда ингушского языка. Идиомы, пословицы и поговорки отражают национально-культурную специфику языка, его самобытность. Их активное использование будет способствовать более глубокому усвоению ингушского языка.

Поддержка инициатив по лексическому и стилистическому развитию ингушского языка крайне важна для того, чтобы сделать его современным, отвечающим актуальным

социокультурным запросам. Это позволит расширить сферы его применения, а также повысить престиж и привлекательность для носителей, особенно среди молодежи.

5. Заключение

Проведенное в рамках данной работы исследование современного состояния ингушского языка выявило ряд серьезных вызовов, требующих незамедлительного и системного реагирования.

Кроме того, результаты комплексного социологического исследования, охватившего обширную выборку представителей сообщества Республики Ингушетия, наглядно продемонстрировали высокую значимость ингушского языка для жителей региона и их заинтересованность в принятии эффективных мер по его поддержке и развитию.

Данный запрос со стороны местного населения следует рассматривать в качестве важного ориентира при разработке стратегических программ в этой сфере.

Авторами статьи предложен системный комплекс скоординированных мероприятий, реализация которых, по их мнению, позволит не только обеспечить сохранение ингушского языка, но и заложить прочные основы для его устойчивого развития.

Данный комплекс предусматривает увеличение финансирования профильных программ, совершенствование системы языкового образования, активизацию роли семьи и местного сообщества, а также модернизацию ингушского языка с учетом актуальных социокультурных реалий.

Консолидация усилий органов государственной власти, научного сообщества и представителей локального сообщества Республики Ингушетия в рамках реализации предложенных мер позволит не только обеспечить сохранение ингушского языка, но и создать прочную основу для его дальнейшего развития в качестве уникального культурного наследия многонациональной России.

Литература

Алпатов В.М. (2005) Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. № 2. С. 210–219.

Барахоева Н.М., Арсельгова М.А., Батыгова М.З. (2020) Языковая ситуация в Республике Ингушетия // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. № 2. С. 51–63.

Всероссийская перепись населения (2002) Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id =31 Дата обращения: 25.06.2024.

Всероссийская перепись (2010) Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis 2010/croc/perepis_itogi1612tom4.htm Дата обращения: 07.06.2024.

Всероссийская перепись населения (2020) Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 Дата обращения: 21.06.2024.

Дугарова Т.Ц., Боргояков С.А., Ермошкина Е.М., Цыбаева Л.А., Ооржак А.А., Дамдинов Б.А. (2020) Сохранение и развитие языков народов России: Проблемы и перспективы // Вестник ВятГУ. № 3. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-razvitie-yazykov-narodov-rossii-problemy-i-perspektivy Дата обращения: 28.06.2024. С. 78.

Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С., Евстигнеева А.П., Сюрюн А.А. (2022) Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. Институт языкознания РАН. С. 13.

Критарова Ж.Н., Александрова О.М., Васильевых И.П., Гостева Ю.Н., Добротина И.Н., Ускова И.В. (2019) Развитие и сохранение родных языков народов РФ как стратегическое направление образовательной политики страны // Отечественная и зарубежная педагогика. № 6 (63). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ razvitie-i-sohranenie-rodnyhyazykov-narodov-rf-kak-strategicheskoenapravlenie-obrazovatelnoy-politiki-strany Дата обращения: 28.06.2024. С. 12.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. (2003) Росстат. М. С. 306.

Российская академия наук. В России выявлены пять вымерших языков и один заснувший. Режим доступа: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=77941939-3740-4e16-92c0-164c832c0fcc Дата обращения: 25.06.2024.

Fishman, J.A. (1991) Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters. P. 13.

References

Alpatov, V.M. (2005) Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoj Rossii [Language situation in the regions of modern Russia] // Otechestvennye zapiski. No. 2. Pp. 210–219. (In Russ.)

Barakhoeva, N.M, Arsel'gova, M.A., Batygova M.Z. (2020) Yazykovaya situatsiya v Respublike Ingushetiya [Language situation in the Republic of Ingushetia] // Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch.E. Akhrieva. No. 2. Pp. 51–63. P.57. (In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya (2002) [The All-Russian Census of 2002.]. Available at: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31 Access date: 25.06.2024. (In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya (2010) [The All-Russian Census of 2010.]. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm Access date: 20.06.2024. (In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya (2020) [The All-Russian Census of 2020.]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 Access date: 21.06.2024. (In Russ.)

Dugarova, T.Ts., Borgoiakov, S.A., Ermoshkina, E.M., Tsybaeva, L.A., Oorzhak, A.A., Damdinov, B.A. (2020) Sokhranenie i razvitie yazykov narodov Rossii: Problemy i perspektivy [Preservation and development of languages of the peoples of Russia: Problems and prospects] // Vestnik Viatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-i-razvitie-yazykov-narodov-rossii-problemy-i-perspektivy Access date: 28.06.2024. (In Russ.)

Koriakov, Iu.B., Davidiuk, T.I., Kharitonov, V.S., Evstigneeva, A.P., Siuriun, A.A. (2022) Spisok Yazykov Rossii i ikh vital'nosti [List of languages of Russia and their vitality statuses]. Monografiya-preprint. Institut yazykoznaniya RAN. 80 p.

Kritarova, Zh.N. Aleksandrova, O.M., Vasil'evykh, I.P. Gosteva, Yu. N., Dobrotina, I.N., Uskova, I.V. (2019) Razvitie i sokhranenie rodnykh yazykov narodov RF kak strategicheskoe napravlenie obrazovatel'noj politiki strany // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Development and preservation of native languages of the peoples of the Russian Federations as strategic direction of the country's educational policy]. No. 6 (63). Available at: https:// cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-sohranenie-rodnyh-yazykov-narodov-rf-kak-strategicheskoe napravlenie obrazovatelnoy-politiki-strany Access date: 28.06.2024. (In Russ.)

Regiony Rossii. Social′no-economicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. 2023: R32 Stat. collection Rosstat (2023) M. P. 306. (In Russ.)
Rossiiskaya akademiya nauk. V Rossii vyiavleny piat' vymershikh yazykov i odin zasnuvshij [Five extinct languages and one dormant language have been identified in Russia]. Available at: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=77941939-3740-4e16-92c0-164c832c0fcc Access date: 25.06.2024. (In Russ.)
Fishman, J.A. (1991) Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters. P. 10. (In Eng.)

Барахоева Нина Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры ингушского языка, Ингушский государственный университет; Ведущий научный сотрудник Центра нахских исследований, Чеченский государственный педагогический университет.
https://orcid.org/0000-0003-3289-5374
Адрес: 386001, Россия, Республика Ингушетия, г Магас, пр-кт И. Зязикова, д 7.
Эл. адрес: nbarakhoyeva@mail.ru

Арсельгова Марина Адамовна – старший научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.
https://orcid.org/0000-0002-1673-6130
Адрес: 386001, Россия, Республика Ингушетия, г Магас, ул. Д. Мальсагова, зд. 11.
Эл. адрес: marinaarselgova@mail.ru

Nina M. Barakhoeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Ingush Language, Ingush State University; a leading researcher at the Center for Nakh Studies, Chechen State Pedagogical University.
https://orcid.org/0000-0003-3289-5374
Address: I. Zyazikova Ave. 7, Magas, Republic of Ingushetia, Russia, 386001
E-mail: nbarakhoyeva@mail.ru

Marina A. Arselgova – Scientific degree, title, position: senior researcher, Ingush research institute of Humanities named after Ch. Akhriev.
https://orcid.org/0000-0002-1673-6130
Address: D. Malsagov str. 11, Magas, Republic of Ingushetia, Russia, 386001
E-mail: marinaarselgova@mail.ru

Для цитирования: *Барахоева Н.М., Арсельгова М.А.* Ингушский язык в контексте этнокультурного многообразия России: Современное состояние и вызовы // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 28–40. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-28-40

For citation: *Barakhoeva, N.M., Arselgova, M.A.* Ingush language in the context of ethnocultural diversity of Russia // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 28–40. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951- 4-20-28-40

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 23.09.2024;
accepted for publication 05.12.2024.

УДК 81’272 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-41-70

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2022–2023 гг.)

Айса Н. Биткеева
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Ирена С. Хохолова
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Роза А. Данилова
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Сохранение языков и культуры способствуют сохранению национальной самобытности, национальной идентичности любого народа. Сегодня языки народов Севера находятся на грани исчезновения. Одними из факторов, влияющих на языковой сдвиг, являются урбанизация, индустриализация, миграция. Миграция широко распространена в промышленных северных районах России в силу различных факторов социально-экономического, гуманитарного, политического и климатического характера, что влечет за собой серьезные изменения в образе жизни, вносит этносоциальное напряжение. Коренные народы, которые поддерживают традиционный образ жизни и связаны с землей, показывают более высокий уровень сохранности языка как с точки зрения передачи языка, так и сохранения различных языковых доменов (таких, которые связаны с традиционными знаниями или культурными обычаями). Однако урбанизация способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для коренных народов. Эти радикальные изменения в окружающем социокультурном контексте влияют не только на языки и культуры коренных народов Арктики и Субарктики, но также на благополучие отдельного индивида и этнической группы. В статье анализируется языковая ситуация в промышленных районах Южной Якутии в контексте урбанизации и индустриализации. В качестве экспериментальных площадок исследования избраны Алданский и Нерюнгринский районы Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: *урбанизация, языковое многообразие, языковая конкуренция, северный город, новые вызовы и перспективы развития*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А., 2024

LANGUAGE SITUATION IN INDUSTRIAL REGIONS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) (ON THE FIELD RESEARCH 2022–2023)

Aysa N. Bitkeeva
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Irena S. Khokholova
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Rosa A. Danilova
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Preservation of languages and cultures contribute to the preservation of ethnic identity of an ethnic group. Today languages of indigenous peoples of the North are on the verge of extinction. One of the factors influencing the language shift is urbanization, industrialization, migration. Migration is widespread in the industrial northern regions of Russia due to various socio-economic, humanitarian, political and climatic factors, which cause serious changes in the way of life, introduces ethnosocial tension. Indigenous peoples who maintain a traditional way of life present higher level of language preservation both in terms of language transmission and the preservation of various language domains (connected with traditional knowledge or cultural customs). However, urbanization causes the transition to an urban culture, assimilation with the language of the majority group and, accordingly, leads to the emergence of many social problems for indigenous peoples. These radical changes in the surrounding socio-cultural context affect not only the languages and cultures of the indigenous peoples of the Arctic and Subarctic, but also the well-being of individuals and ethnic groups. The article analyzes the language situation in the industrial regions of South Yakutia in the context of urbanization and industrialization. The Aldan and Neryungri districts of the Republic of Sakha (Yakutia) were chosen the case studies.

Key words: *urbanization, linguistic diversity, linguistic rivalry, North city, challenges and prospects.*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Aysa N. Bitkeeva, Irena S. Khokholova, Rosa A. Danilova, 2024

1. Введение

Тема влияния урбанизации на языковую ситуацию среди коренных народов в условиях промышленного освоения сегодня особенно актуальна. Активная урбанизация регионов России, распространение городской культуры и образа жизни является следствием активной индустриализации страны, роста промышленности, научно-технического прогресса. Как отмечают исследователи, для современной урбанизации характерны следующие особенности: концентрация и рост разнообразия городских видов деятельности в городах, увеличение радиусов расселения, расширение городских территорий, распространение городского образа

жизни на сельскую местность и пригороды [Валеева, 2002; Соловьёв, 2012]. Одной из специфичных черт российской урбанизации является ее стремительность. Если согласно переписи 1897 г. [Первая всеобщая перепись населения…, 1897–1905], городское население страны составляло 15 %, в 2010 г. городское население составляло уже 74 % [ВПН, 2010]. Особенно активно формирование и развитие городов началось в середине XX в., что связано было с активной индустриализацией страны. Как указывают исследователи, одной из характерных особенностей пространственного развития урбанизации в России являлось активное формирование сети городов на периферии. Активно происходил рост и развитие центров в глубинных районах страны (Поволжье, Урал). Строительство новых крупных промышленных предприятий, особенно в ресурсных районах, определяли создание новых городов и поселений городского типа. Освоение природных ресурсов Севера определило очаговую форму городского расселения [Стручков, 2007; Дьяконова, 2019].

В статье представлен анализ современной языковой ситуации в промышленных районах Южной Якутии, языковой биографии языковых групп, проживающих на данных территориях, их языковых установок и речевых практик. В фокусе внимания языковая ситуация в городах Южной Якутии – Нерюнгри и Алдан. Анализ основан на материалах экспедиций 2022–2023 гг. в Алданский район (г. Алдан, с. Хатыстыр, с. Угоян) и Нерюнгринский район (г. Нерюнгри, с. Иенгра). В состав экспедиции входили д.ф.н. А.Н. Биткеева (руководитель), к.ф.н. И.С. Хохолова, к.ф.н. М.Я. Каплунова, Р.А. Данилова, И.А. Данилов, Л.А. Игнатенко. Обследование проведено среди разных социальных групп изучаемых этнических сообществ, особое внимание уделено молодежи, определяющей будущие перспективы развития языка. Обследование включило 32 интервью и 178 анкетных опросов. Проводились интервью с представителями законодательной и исполнительной власти, экспертным сообществом (школьными учителями, деятелями СМИ, культуры и искусства); языковыми активистами (членами этнических общественных организаций, участниками мероприятий по возрождению этнических языков Республики Саха (Якутия) и др.).

Интерес к промышленным городам вызван, прежде всего, экономическими факторами, «играющими решающую роль в формировании миграционных установок населения» [Рязанцев, 2001: 18–22]. Как отмечают исследователи, наибольшие миграционные перемещения в пределах Южной Якутии наблюдаются в районах, где сосредоточено значительное количество организаций, финансовых и материальных ресурсов.

Районы Южной Якутии – Нерюнгринский и Алданский районы – с самого начала промышленного освоения Республики Саха (Якутия) являлись транспортными воротами региона, через которые шел основной миграционный поток в республику. Большую часть

населения промышленных городов Южной Якутии составляют русские, которые работают в горнодобывающей и золотодобывающей промышленности, составляющей основу экономики РС(Я). Южно-экономическая зона с городами Нерюнгри, Алдан, Томмот является центром добычи золота и угля. Доля промышленности в экономике Южной Якутии достигает 85 % [Danilova et al., 2022].

Процесс урбанизации и языковой сдвиг у коренных жителей исследуемых районов вызван, как правило, этнодемографическими факторами – их дисперсным сельским типом расселения и малочисленностью. Алданский и Нерюнгринский районы РС(Я) исторически являются территорией проживания эвенков. Эвенкийский язык в Российской Федерации имеет статус языка коренного малочисленного народа, который проживает в 11 регионах РФ, в том числе на территории РС(Я). В Республике Саха (Якутия) эвенкийский язык имеет статус официального языка.

Коренные народы – эвенки, саха (якуты), проживающие в этих районах, в численном выражении значительно уступают другим народам в национальном составе промышленных районов и проживают по большей части в сельских местностях.

В Якутии эвенки проживают в 21 районах: Алданском, Анабарском, Булунском, Жиганском, Мирнинском, Нерюнгринском, Олекминском, Оленекском, Усть-Майском, Хангаласском, Амгинском и других муниципальных образованиях республики. Наибольшее количество эвенков как раз проживает в Алданском и Нерюнгринском районах [Стручков, 2011: 39], что связано в свою очередь внутренними факторами – традиционными способами ведения хозяйства (оленеводством, рыболовством, сбором дикоросов) и внешними факторами – экономическими (укрупнением малых поселений и промышленным освоением территорий традиционного пользования) [Стручков, 2007]. Три из 21 района имеют статус «Эвенкийского национального района». Согласно данным Всероссийской переписи 2020 г. в Нерюнгринском районе проживают 9,38 % эвенков, в с. Иенгра – 81,82 %. Численность с. Иенгра составляет 1036 человек [Всероссийская перепись населения 2020 года].

В Нерюнгринском районе было сосредоточено всего 0,1 % эвенков, при этом в Нерюнгринском районе 84,8 % эвенков компактно проживают в сельской местности, 15,1 % – в городе [Современная этноязыковая ситуация..., 2013].

В Якутии эвенкийский язык используется в устной и письменной речи только в с. Иенгра Нерюнгринского района и с. Тяня Олекминского района, в остальных районах, где компактно проживают эвенки, эвенкийский язык практически не функционирует. Языковая ситуация у эвенков крайне сложная: из всего числа эвенков на родном языке говорят всего 12 % [Дьяконова, 2022: 156]. Как отмечают исследователи, трудности в преподавании эвенкийского языка

вызваны его полидиалектной структурой, существованием разных говоров восточной диалектной группы: токкинского, томмотского, тимптонского, учурского, отличающихся от литературного языка [Булатова, 1997; Стручков, 2007].

Интенсивное переселение и освоение территории Якутии русскими и якутами изменило традиционный уклад жизни эвенков, что привело к тому, что якутский язык стал основным средством коммуникации в социальной, хозяйственной и бытовой сферах. Эвенки Якутии являются якутоязычными в силу исторически сложившихся активных контактов с якутами и русскими. В процессе исторического взаимодействия с титульной нацией региона (якутами) и русскими, эвенки, находясь в меньшинстве, подвергались языковому воздействию доминирующих этносов. Сокращение компактных мест проживания эвенков и их переезд в полиэтничные поселения, где доминировал якутский язык, также ускорили процесс языкового сдвига.

Традиционная межпоколенная передача языка в сфере семейного общения ослабевает, родители стали выбирать якутский или русский язык для обучения детей, считая их более перспективными для образования и карьеры, а также эти языки являются языками межнационального общения в регионе.

Эти факторы в совокупности привели к утрате эвенкийского языка как основного средства общения, и якутский язык занял его место в повседневной жизни эвенков.

В Алданском районе схожая ситуация: русских проживает 76,9 %, эвенков – 5,35 %, якутов – 3,13 %, украинцев – 1,2 %, татар – 0,56 %, других национальностей – 3,99 %, 8,87 % населения не указали свою национальность. Среди эвенков Алданского района 53,47 % считают эвенкийский язык родным. Большинство из них (94,38 %) проживает в сельской местности, тогда как в городе проживает всего 5,62 % указавших эвенкийский язык как родной [ВПН-2010].

2. Методика исследования

Исследование языковой ситуации в районах Южной Якутии велось с применением комплекса методов, среди которых в качестве основного применялся метод языковой биографии. Введение в науку данного метода исследователи связывают с 1980-ми годами, хотя первые работы о языковой биографии детей-билингвов [Leopold, 1939–1949; Ronjat, 1913], языковых биографиях трех разных поколений появились еще в первой половине XX века (см.:[Zielińska and Księżyk, 2021]). В зарубежных исследованиях существуют три подхода относительно языковой биографии: 1) собственный пережитый опыт индивида по усвоению и использованию языка; 2) высказывание о языке; 3) языковая биография – продукт научного анализа высказываний информантов о языке.

Сегодня «языковая биография» далеко уходит от первоначального «узкого» понимания данной категории, сфера использования которой охватывала ранее лингводидактический аспект и включала индивидуальную историю изучения и использования языка [Биткеева, 2022]. Языковая биография может рассматриваться как модель развития не только отдельного человека, но и группы людей, объединенных по тому или иному признаку. Данный метод в основном применяется в качестве анализа и систематизации метатекстов от развернутых нарративов до коротких текстов [Александров, 2012; Биткеева, 2022], относительно миноритарных языков [Александров, 2012; Вахтин, 2001; Vinokurova et al., 2022], относительно опыта лиц или группы лиц, владеющих двумя или несколькими языками [Zielińska and Księżyk, 2021], что восходит к эмическому подходу, применяемому в антропологических исследованиях [Там же]. В работах О.А. Александрова, А. Зелинской и Ф. Ксенжик особое внимание уделяется процессам, связанным с приобретением, использованием, изменением и утратой языков в социально-политическом контексте. Поскольку языковые идеологии «влияют на формирование социального стандарта языкового поведения в многоязычных сообществах» [Александров, 2012; Zielińska and Księżyk, 2021].

Анализ языковой биографии включает следующие параметры:

– «исторический контекст (история и условия формирования этнической группы, история сложения языка, история территории на которой проживает группа);

– демографическая мощность языка (распространение языка, город/село, тип расселения);

– коммуникативная мощность языка (языковая компетенция носителей языка, сферы функционирования, миграционный аспект, урбанизация, степень стандартизации языка);

– символическая мощность языка (отношение к языку носителей, их самоидентификация, внутригрупповые параметры идентичности и внешние параметры);

– политический блок (права и признание прав носителями языка, уровень и степень официального признания языка, идеологический контекст/условия, спецстатус территории/автономизация);

– география (географическая информация о распространении языка, территориальные особенности проживания группы);

– религия (тип и сила связи между религией и языком, важность религии на данной территории);

– образование (вовлеченность группы в сферу образования, тип поддержки языка в школе, законодательное регулирование сферы образования на территории проживания группы);

– экономический фактор (экономическое состояние группы носителей языка, связь между языком и экономической мобильностью группы, экономическое состояние региона);

– технологический фактор (представленность группы и языка в СМИ, информированность широкой общественности о данной группе)» [Биткеева, 2022: 43].

Выбор предмета исследования обусловлен тем, что языковая биография городов Южной Якутии ранее не подлежала специальному изучению за исключением работ, посвященных языковым компетенциям и языковой ситуации в городе Якутске [Иванова, 2022], отдельных районов [Современная этноязыковая ситуация..., 2007; Vinokurova et al., 2022], языковому сдвигу северных миноритарных языков [Бурыкин, 1997; Вахтин 2001; Гренобль, 2021], нарративу поведения трудовой миграции в промышленном городе [Симонова, 2020].

Основной метод получения данных о языковой биографии – нарративные интервью и развернутые автобиографические рассказы, фокусирующиеся на языках, их овладении и использовании, дополняемые наблюдениями за речевым поведением.

Метод языковой биографии направлен на выявление индивидуальной истории освоения или утраты языка, что особенно важно в многоязычных промышленных районах, выявление языкового сдвига, этнической идентичности обследуемых групп и др.

Южная Якутия характеризуется полиэтничным составом населения с доминированием русскоязычного большинства, при этом русский язык является превалирующим в большинстве сфер общения, исключая семейно-бытовую, где активно используются как русский, так и якутский языки. В селениях Хатыстыр, Угоян и Иенгра наблюдается усиление этнического самосознания среди эвенков, что способствует их идентификации эвенкийского языка как родного. Тем не менее большинство этих граждан фактически не владеет эвенкийским языком, что делает его сохранение крайне актуальным.

3. Языковая ситуация в Нерюнгринском районе Республики Саха (Якутия) (г. Нерюнгри, с. Иенгра)

Нерюнгринский район расположен в предгорьях Станового хребта на юге Республики Саха (Якутия). Площадь района составляет 98,8 тыс. кв км. На юге Нерюнгринский район граничит с Амурской областью, на востоке – с Хабаровским краем. На территории района находятся город Нерюнгри и шесть поселков: Чульман, Серебряный Бор, Беркакит, Хани, Золотинка, Нагорный, а также два села – Иенгра и Большой Хатыми.

История Нерюнгринского района началась с промышленного освоения Южной Якутии в области добычи коксующегося угля и разведки черных и цветных металлов, а также минеральных удобрений в 1950-х годах. В 1972 г. по указу Президиума Верховного Совета ЯАССР был образован Нерюнгринский поселковый совет с центром в поселке Нерюнгри, который получил статус города в 1975 г. Быстрое развитие района стимулировалось началом

строительства Байкало-Амурской магистрали [Историко-географическая справка МР «Нерюнгринский район].

Сегодня Нерюнгри – крупный административный, промышленный и культурный центр Южной Якутии, важный транспортный узел республики. Через Нерюнгри проходят железнодорожные линии Беркакит–Томмот–Якутск и малый БАМ, федеральная автодорога «Лена». В Нерюнгри функционирует аэропорт [Историко-географическая справка Муниципальное образование «Нерюнгринский район», 2018].

Такая промышленная структура района предполагает сложную языковую ситуацию, которая напрямую зависит от промышленной специфики города. Большинство жителей города занято в основных и вспомогательных отраслях промышленного комплекса, связанного с добычей коксующегося угля, золота, энергосфере (Нерюнгринская ГРЭС). Одновременно здесь проживают родовые общины эвенков, которые ведут свою традиционную деятельность: оленеводство и охотничий промысел. Согласно переписи населения 2020 г., численность населения Нерюнгринского района составляет 75 446 чел. Городское население района насчитывает 74 381 чел., включая 35 764 мужчин и 38 617 женщин. Сельское население составляет 1065 жителей, из которых 513 мужчин и 552 женщины. Национальный состав населения Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия) включает русских (75,24 %), украинцев (3,21 %), якутов (2,49 %), эвенков (1,79 %), бурятов (2,26 %) и другие национальности (6,29 %) [Всероссийская перепись населения 2020 года]. Из общего числа эвенков Нерюнгринского района 77,17 % признают эвенкийский язык родным; при этом 84,1 % из них проживают в сельской местности, а 15,9 % — в городских районах [ПМА-2022].

По национальному составу района очевидно, что русскоязычное население превалирует, а коренное население сталкивается с дилеммой: продолжать ли традиционную деятельность, сохранять ли этнокультурную и языковую специфику, либо жить так, как живет остальное сообщество.

Моноязычный русскоязычный ландшафт региона предопределяет и функциональную дистрибуцию языков в районе. В Нерюнгринском районе во всех сферах общения доминирует русский язык. Так, сфера средств массовой информации в Нерюнгри представлена ТВ Нерюнгринский филиал «НВК «Саха» и ТВ «Вести Нерюнгринский район», где телепередачи транслируются на русском языке. Общественно-политические издания, такие как газета «Час досуга» и сетевое издание «Индустрия Севера», функционируют преимущественно на русском языке.

Сфера культуры является важной сферой для поддержания витальности языка, поскольку многие к языку приобщаются через культуру. В Нерюнгри якутский язык можно услышать во

время праздников и культурных муниципальных и районных мероприятиях, а также в бытовом общении дома или среди друзей старшего поколения. В городе работает единственный в РС(Я) театр кукол, в репертуаре которого постановки на русском и якутском языках

В сфере семейно-бытового общения функционируют языки сообществ Нерюнгри, включая якутский, бурятский, эвенкийский и другие. Представители якутской общины Нерюнгринского района отмечают, что в современных условиях дети и родители коренных народов чаще выбирают для изучения и общения русский язык. Несмотря на толерантное отношение к родному языку, среди молодежи и среднего поколения отсутствует социальная потребность в знании и использовании этнического языка, отмечаются низкая мотивация направлять своих детей в якутские классы, а также низкий интерес к изучению родного языка у детей и подростков. Наблюдается сдвиг в пользу русского языка, что вызывает обеспокоенность среди старшего поколения представителей народа саха. Наблюдается также поздняя самоидентификация и проявление интереса у молодого поколения саха к изучению своего родного языка и культуры.

В образовательных заведениях г. Нерюнгри основной язык обучения русский. Однако в Нерюнгри функционирует «Экспериментальная школа-интернат «Арктика», специализирующаяся на гуманитарно-культурологическом профиле. Школа реализует программы основного общего и среднего общего образования с 8-го по 10-й класс для детей коренных малочисленных народов Севера из арктических улусов республики. Обучение проводится на двух государственных языках – русском и якутском, а также на пяти официальных языках Республики Саха (Якутия): эвенском, эвенкийском, чукотском, юкагирском и долганском. Языки преподаются как родные по 3 часа в неделю и 2 часа в неделю во внеурочное время по заявлению родителей. Школа малокомплектная, в 2020 г. в ней обучалось 125 учеников на бюджетной основе. В Нерюнгри действуют Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова и Южно-Якутский технологический колледж, где преподавание ведется на русском языке.

Несмотря на то, что якутский является государственным языком РС(Я), он не присутствует в образовательном ландшафте города. Это вызывает некоторое социальное напряжение, поскольку запрос на его преподавание есть со стороны якутоязычной группы. Представители якутской общины «Саха Аймах» обратились в Министерство образования и науки Республики Саха (Якутия) и администрацию МО «Нерюнгринский район» с инициативой изучить потребность родителей (законных представителей) в обучении их детей якутскому языку, ввести якутский язык в учебный процесс в школах г. Нерюнгри. Общественная организация «Саха Аймах» была создана в 1985 г., основной задачей ассоциации является

организация поддержки национальной культуры саха. 2 ноября 2022 г. они получили ответ с конкретными предложениями по изучению родных языков в промышленных районах от Председателя постоянного комитета по науке, образованию и культуре Ф.В. Габышевой (№25–6633), введены часы якутского языка в школе Нерюнгри в 2024 г.

В Нерюнгринский район входит сельское поселение «Иенгринский эвенкийский национальный наслег». В 1926 г. на активно осваиваемой промышленной территории было образовано село Золотинка. В 1975 г. с. Золотинка было включено в состав Нерюнгринского городского исполнительного комитета, а в 1977 г. переименовано в Иенгру [Стратегии социально-экономического развития сельского поселения «Иенгринский эвенкийский национальный наслег» ..., 2019]. В 2007 г. по инициативе жителей села Иенгра Иенгринскому эвенкийскому наслегу был присвоен статус «национальный» по решению Государственного Собрания (Ил Тумэн) в 2009 г. [Изменения в административно-территориальном делении..., 2015]. Статус эвенкийского национального района способствует сохранению исконных территорий, традиционного уклада жизни и этнических особенностей коренного населения. Это позволяет поддерживать культурную и духовную специфику, повышая самосознание и гражданскую активность населения. В районах компактного проживания эвенкийский язык получает статус официального, что способствует его сохранению [Постановление Правительства Республики (Якутия)..., 2009].

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) на 1 апреля 2023 г., численность постоянных жителей села Иенгры составляла 948 человек. Этнический состав населения села Иенгры преимущественно представлен эвенками (86%) [Всероссийская перепись населения 2020 года].

В Иенгре функционируют средняя школа-интернат имени Г.М. Василевич, МКУ дополнительного образования «Детская школа искусств» и ДОУ «Золотинка». Обучение эвенкийскому языку начинается в детском саду и продолжается в школе с начальных классов до окончания. В детском саду «Золотинка» функционируют четыре группы общеразвивающей направленности. Во всех образовательных учреждениях углубленно изучаются эвенкийский язык и культура. Иенгринская школа-интернат обеспечивает изучение родного языка (эвенкийского) пять часов в неделю, включая два часа внеурочных занятий по заявлению родителей. Преподавание общеобразовательных предметов ведется на русском языке. В Иенгринской средней школе-интернате учебно-воспитательная деятельность направлена на социокультурное развитие села.

Традиционный уклад жизни эвенков, связанный с оленеводством и передачей родного языка, постепенно исчезает: старшее поколение все реже передает эвенкийский язык своим

детям, а самих носителей языка и представителей оленеводческой культуры становится все меньше. «*Раньше многие уходили в тайгу, особенно те, кто был связан с оленеводством. Например, мои одноклассники заканчивали восьмой класс и сразу уезжали к родителям в тайгу. Им ничего другого не нужно было – ни дальнейшего обучения, ни городской жизни. Они просто возвращались домой, чтобы заниматься оленеводством. Там, в тайге, их родители всегда говорили с ними на эвенкийском. Но сейчас ситуация изменилась. Родители перестали разговаривать со своими детьми на родном языке. Между собой они еще общаются на эвенкийском, но с детьми – только по-русски. В результате их дети уже не говорят на эвенкийском. А в самом оленеводстве сейчас осталось совсем мало представителей старшего поколения, оно постепенно исчезает. К сожалению, таких старейшин, которые строго настаивали на использовании только эвенкийского языка, сейчас очень мало* [ПМА-2022].

Однако межпоколенческая передача языка все еще сохраняется и этому способствуют в том числе и инициативы самой общины. Иенгринцы бережно хранят обычаи своих предков, уважают вековые традиции, древний уклад жизни и сохраняют язык и национальную культуру, передавая знания и умения новым поколениям. В 1997 г. была создана эвенкийская община, способствующая сохранению культурных традиций эвенков, а также работает муниципальное учреждение культуры – этнокультурный центр «Эян», чья работа направлена на пропаганду обычаев, традиций, промыслов и ремесел, а также воспитание у молодежи интереса и бережного отношения к национальной культуре. Благодаря усилиям этого коллектива в последние годы, как отмечают общественники села, среди детей подросткового возраста и молодежи наблюдается растущий интерес к языку и культуре.

Молодые люди активно участвуют в различных конкурсах, в том числе в языковых олимпиадах по эвенкийскому языку, молодежных фестивалях, различных конкурсах в рамках «Дня оленевода», «Монаховских чтений»[2]. *«У нас был интересный опыт. Мы организовали языковой лагерь для молодежи. Он был недолгим, всего две недели, но мы погрузили участников в языковую среду. Все старались говорить только на эвенкийском, рассказывали сказки, проводили мероприятия. И за такой короткий срок многие начали воспроизводить язык, пытались говорить, а некоторые даже заговорили. У них словно проснулось что-то внутреннее, что-то давно забытое*» [ПМА-2022].

Функционирует летний языковой лагерь для молодежи, где общение проходит на эвенкийском языке. Согласно интервью с местными активистами, многие участники за короткий

[2] Научная конференция, проводимая в память об Ираиды Васильевны Монаховой, эвенкийского педагога, лингвиста, специалиста по тунгусо-маньчжурским языкам.

период начинают активно использовать язык, и у некоторых даже пробуждается интерес к активному изучению и применению родного языка.

В сфере семейно-бытового общения эвенкийский язык сохраняется среди пожилых людей в быту как внутрисемейный язык и язык общения в узком кругу друзей и соседей, среди исследователей называемый как «язык бабушек» или «секретный язык». Якутский язык функционирует в Иенгре среди узкого круга пожилых людей, многие из которых являются полилингвами, поскольку до вхождения в Нерюнгринский район село входило в состав Алданского района. В селах Угоян и Хатыстыр Алданского района якутский язык не только сохранился, но и практически ассимилировал эвенкийский.

При более близком рассмотрении оказывается, что функционально первым языком у молодежи и среднего поколения в Иенгре является русский язык. Согласно информантам среднего поколения переход на русский язык и языковой сдвиг в эвенкийском связаны с притоком русских, украинцев, армян во времена строительства БАМа в 1980-х годах. Старожилы связывают утрату языка с социальными факторами, такими как промышленный характер освоения территории, что значит активные миграционные движения населения, многонациональный состав населения и т.д.

4. Языковая ситуация в Алданском районе Республики Саха (Якутия) (г. Алдан, с. Хатыстыр, с. Угоян)

Алдан является административным центром промышленного района, который был образован 5 мая 1930 г. Район расположен в южной части Республики Саха (Якутия) и включает в себя значительную часть ее территории – 156,8 тыс. кв км; в нем насчитывается 18 населенных пунктов, включая 13 сельских населенных пунктов, два города (Алдан и Томмот) и три поселка.

Промышленное освоение района началось с даты основания города Алдан 19 июня 1923 г. В 1925 г. был образован Алданский административный округ, который включал Тунгиро-Олекминский улус (позднее вошедший в состав Олекминского района), Алданский, Учурский и Тимптонский улусы с центром в г. Томмот. В октябре 1928 г. центр округа был перенесен в п. Незаметный. 20 сентября 1932 г. поселок Незаметный получил статус города, а в мае 1939 г. был переименован в Алдан [Муниципальный район «Алданский район»: История].

Населенные пункты Хатыстыр и Угоян входят в состав муниципального образования «Беллетский эвенкийский национальный наслег» Алданского района. Алданский район пересекает Амуро-Якутская железнодорожная магистраль и автомобильная дорога «Лена».

Население района занято в добыче полезных ископаемых – 22,8 %, строительстве – 11,9 %, образовании – 11,7 %, транспорте – 11,1 %, здравоохранении – 11,1 %, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 9,8 %.

Население Алданского района отличается многонациональностью. Коренные жители района – эвенки, однако большинство населения составляют русские. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., доля русских составляет 76,9 %, эвенков – 5,35 %, якутов – 3,13 %, украинцев – 1,2 %, татар – 0,56 %, других национальностей – 3,99 %, не указали национальность – 8,87 % [Всероссийская перепись населения 2020 года]. Другие национальности представлены украинцами, татарами, бурятами и потомками китайцев, прибывших на золотые прииски в советские времена.

Горнодобывающая промышленность занимает ведущее место в экономике Алданского района, включая добычу золота и слюды, а также развитие производства строительных материалов, ремонтно-механических и автотранспортных предприятий, деревообработки, ювелирной и пищевой промышленности. С 2010 г. активно развивается добыча урана, при этом Эльконская группа урановых месторождений является одной из крупнейших в мире.

Одновременно в селе Хатыстыр развиты традиционные отрасли хозяйства: оленеводство и пушной промысел, а также другие крестьянские хозяйства.

Согласно статистике численность постоянного населения Алданского района на 1 января 2022 г. составила 39 971 чел., что на 2,98 % или на 1155 чел. больше, чем на 1 января 2021 г. Рост численности городского населения за год составил 1247 чел., в то время как численность сельского населения уменьшилась на 92 чел. Естественная убыль населения в 2021 г. составила 239 чел.

Прирост населения в 2021 г. был обеспечен за счет миграционного притока в размере 1387 чел., главным образом за счет трудовых мигрантов из Средней Азии. Большая часть мигрантов сосредоточена в городах Алдан и Томмот, где они заняты в строительстве, торговле и других сферах [Муниципальный район «Алданский район»: Основные итоги..., 2023].

Русский язык функционирует во всех социальных сферах общения. Якутский язык выполняет второстепенное значение в плане функционального применения, а использование эвенкийского языка ограничивается образовательной и культурной сферами.

Языковой и социальный контраст между городами Алдан и Томмот образуют такие места проживания коренных народов, как села Хатыстыр, Угоян и Кутана.

Рассмотрим функциональное распределение языков, компонентов социально-коммуникативной системы Алданского района. В сфере образования в Алданском районе функционируют 23 школы, 22 учреждения дошкольного образования, три детские музыкальные

школы, музыкальный колледж имени М.Н. Жиркова, политехнический техникум и медицинское училище. Образовательные организации включают 25 дневных и одну вечернюю. В районе действует одна кочевая школа (до 9-го класса) и восемь малокомплектных школ. Три средних специальных учебных заведения района: Алданский политехнический техникум, Алданский медицинский колледж и филиал Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Республики Саха (Якутия) «Якутский музыкальный колледж имени М.Н. Жиркова» [Стратегия социально-экономического развития МО «Алданский район» ...].

Язык обучения в 18 общеобразовательных школах Алданского района – русский. Обучение якутскому языку в городских школах Алданского района по состоянию на 1 января 2022 г. организовано в Томмотской санаторной школе-интернате. Здесь якутский язык изучают 99 из 126 обучающихся. Ранее якутский язык как государственный преподавался в шести школах: Гимназии г. Алдан, Гимназии п. Нижний Куранах, Алданском лицее, Томмотской санаторной школе-интернате, СОШ № 25 с. Большой Нимныр и СОШ № 4 п. Нижний Куранах.

Языковой контраст между городами Алдан и Томмот составляют места проживания коренных народов, такие как села Хатыстыр, Угоян и Кутана. В этих населенных пунктах языком общения является якутский язык среди большинства населения, идентифицирующего себя эвенками. Информаторы отмечают, что в рамках государственной языковой политики 1930-х годов в сельских школах Алданского района преподавание осуществлялось на якутском языке, тогда как в городе Алдан использовался русский язык. Начиная с 1980-х годов в регионе было начато обучение эвенкийскому языку в контексте широкомасштабного эксперимента по переходу на четырехлетнее обучение в начальной школе, который был инициирован визитом представителей Центрального Комитета КПСС. Многие информанты избегали или отказывались отвечать на вопросы, касающиеся исторического прошлого и связанные с утратой этнического языка и проблемами межпоколенческой передачи языка. Языками обучения в школах Хатыстыра, Угояна и Кутана — якутский для 1–9-го классов, русский язык для 10–11-го классов.

Согласно пунктам 18 и 21 Порядка организации образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, утвержденного Приказом Министерства просвещения РФ от 22 марта 2021 г. №115, – законный представитель (родитель) ребенка имеет право выбирать язык обучения. По итогу выбора между якутским и эвенкийским языками классы делятся на две группы для изучения предметов «Родной язык» и «Родная литература».

Статистика обучающихся в образовательных организациях в местах компактного проживания эвенков на 01.09.2021 г. (по данным статистического отчета ОО-1 2021) выглядит следующим образом:

– село Кутана (МБОУ СОШ №1) – 80 детей изучают якутский язык как родной (100 %);

– село Хатыстыр (МБОУ СОШ №20) – из 198 обучающихся 76 изучают русский язык (10–11-е классы), а 122 – якутский язык;

– село Угоян (МКОУ СОШ №37) – 47 из 60 обучающихся изучают якутский язык как родной, а 13 — эвенкийский;

– МОУ («Основная общеобразовательная малокомплектная (кочевая) школа №38») – обучаются два ученика [Статистический отчет Отдела образования-1, 2021].

С 2018 г. введено обучение эвенкийскому языку как родному в образовательных организациях Алданского района. Например, в МОБУ СОШ №20 с. Хатыстыр, эвенкийский язык изучается учащимися начиная с 3-го класса. Отмечается, что из-за малочисленности школ в с. Угоян и с. Кутана возникают проблемы с делением на группы. Обучение эвенкийскому языку проходит в формате: 1) как родной язык (деление на группы); 2) как отдельный предмет; 3) в рамках внеурочной деятельности. Эвенкийский язык входит в часть учебного плана, формируемого участниками образовательных отношений, с одним часом в неделю для всех обучающихся.

В Хатыстырской школе № 20 наблюдается разделение по языковым группам: обучение ведется на якутском языке и эвенкийском языке. По мнению Майи Дмитриевны Марфусаловой, заместителя директора по учебной работе Хатыстырской школы № 20, значительная часть учащихся (около 80 %) идентифицируют себя как эвенки, однако практически не владеют родным языком, что подчеркивает сложность сохранения и передачи этнокультурных знаний [ПМА-2022].

Изучение эвенкийского языка в школе имеет свою историю. Впервые попытка разделить обучение по языковым группам была предпринята в 1990-х годах, но спустя семь лет, из-за отсутствия квалифицированных кадров, программа была свернута. Лишь пять лет назад, благодаря приходу педагога, владеющего эвенкийским языком, обучение возобновилось. Тем не менее трудности остаются: недостаточное количество учебников (издания ограничены до 4-го класса) и слабая мотивация со стороны родителей.

Учебный процесс осложняется отсутствием языковой среды: в селе преимущественно используется якутский язык, что усложняет формирование активных навыков владения эвенкийским языком среди детей. Несмотря на сложности, у детей наблюдается высокий уровень интереса к изучению родного языка. Преподавание эвенкийского языка начинается с 3-

го класса, однако охват учащихся ограничен. Например, из 18 детей в 3-м классе только пятеро изучают эвенкийский язык.

Проблемы усугубляются отсутствием учебно-методической базы, что требует от учителей самостоятельной разработки учебных материалов. Тем не менее школа активно использует дополнительные инструменты для сохранения языка: участие в конкурсах, театральных постановках, вокальных и фольклорных коллективах, что помогает формировать интерес к языку через культуру и искусство [ПМА-2022].

В с. Хатыстыр и Угоян активно развивается внеурочная деятельность, посвященная эвенкийскому языку и культуре (1–2 часа в неделю), что в настоящее время оценивается как оптимальный вариант в условиях отсутствия разработанных учебно-методических комплексов по предмету. По данным Управления образования г. Алдан, в районе в местах компактного проживания коренных народов эвенкийский язык изучают 76 % обучающихся.

Влияние языковой политики и интернатной системы привело к сокращению числа носителей эвенкийского языка. Ранее дети, проживавшие в интернатах, находились в условиях, которые способствовали переходу на русский язык. Ассимиляционные и миграционные процессы в регионе также способствовали ослаблению языковой среды. В школе реализуется преподавание трех языков: эвенкийского, якутского и английского. Однако численность учащихся, изучающих эвенкийский язык, остается невысокой. Например, из 18 учеников в одном из классов только десять выбрали эвенкийский как родной язык. Причинами этого являются низкая языковая компетенция родителей, отсутствие языковой среды в деревне, где доминирует якутский язык, и недостаток квалифицированных педагогов. Тем не менее школа активно предпринимает шаги для поддержки изучения эвенкийского языка. Учебная нагрузка включает два часа языка и три часа литературы еженедельно, а участие в конкурсах и олимпиадах способствует повышению интереса среди учеников.

Проблемой остается дефицит педагогических кадров, способных эффективно преподавать эвенкийский язык. Молодежь, получившая образование в университетах, не возвращается в село для работы в образовательных учреждениях, что усугубляет кадровый кризис.

В Алданском районе эвенкийский язык играет роль языка культурного наследия, основным носителем которого является убывающая пожилая часть населения. Среди молодежи и людей среднего возраста практически не осталось носителей эвенкийского языка, однако среди эвенков сохраняется высокая степень самоидентификации, что, вероятно, связано с государственной поддержкой культуры коренных малочисленных народов Севера на федеральном и региональном уровнях, начавшейся в 1990-х годах. В городе Алдан также

активно функционирует якутский язык в рамках проведения культурных мероприятий района, таких как национальные праздники Бакалдын и Ысыах.

Основным языком СМИ остается русский. Приложение на эвенкийском языке в газете «Алданский рабочий» прекратило свое существование в начале 2000-х годов из-за перехода газеты на цифровой формат.

В семейно-бытовой сфере города Алдан якутский язык используется преимущественно в узком кругу – внутри семьи и друзей. В некоторых семьях общение происходит на двух языках – русском и якутском. Эвенкийский язык сохраняется как элемент культурного наследия преимущественно среди пожилого населения, в то время как среди молодежи он практически не используется, несмотря на выраженную этническую самоидентификацию.

Функционирование языков в городах и селах Южной Якутии представлено в таблице.

Таблица 1

Функционирование языков согласно языковой биографии в городах и селах Южной Якутии

Местность	Языки	Сфера используемых языков	Установки
Нерюнгри, город	Эвенкийский	Практически отсутствует, кроме обучения в республиканской арктической школе-интернате в качестве родного языка по выбору родителей	Язык функционирует в качестве языка культурного наследия на праздниках, культурных мероприятиях
	Якутский	Функционирует только в бытовой сфере (дома, с соседями)	Язык функционирует в качестве языка культурного наследия на праздниках, культурных мероприятиях; вероятность конфликтогенной ситуации из-за отсутствия якутского языка в городских, муниципальных школах, садах, в СМИ
	Русский	Функционирует во всех сферах	Престижный язык, язык образования
Иенгра, село (Нерюнгринский район)	Эвенкийский	1. Функционирует в бытовой сфере (дома, с соседями среди пожилых); 2. Функционирует в	Секретный язык, язык бабушек, молодежь старается приобщаться в последние годы

		сфере образования. Преподается в качестве родного языка по выбору родителей в детских садах, школах	
	Якутский	Распространен среди старшего поколения – пожилых; поколения Иенгры, родившиеся начиная с периода строительства БАМа до сегодняшнего времени языком не владеют	В узком кругу полилингвов пожилого возраста
	Русский	Функционирует во всех сферах	Престижный язык, язык образования; БАМ, промышленность
Алдан, город	Эвенкийский	Практически отсутствует	Функционирует в качестве языка культурного наследия на праздниках, культурных мероприятиях.
	Якутский	Функционирует в бытовой сфере (дома)	Функционирует в качестве языка культурного наследия на праздниках, культурных мероприятиях
	Русский	Функционирует во всех сферах – в образовании, общественных местах, СМИ, в бизнесе, торговле	Престижный язык, язык образования, промышленность
Угоян, село; Хатыстыр, село (Алданский район)	Эвенкийский	Функционирует в сфере образования; преподается в качестве родного языка по выбору родителей в детских садах, школах	Функционирует в качестве языка культурного наследия на праздниках, культурных мероприятиях
	Якутский	Функционирует во всех сферах – общественных местах, СМИ, в торговле	Язык общения
	Русский	Престижный язык, язык образования; БАМ, промышленность	Язык образования

5. Выводы

Результаты исследования показывают, что языковой сдвиг в эвенкийском языке вызван, прежде всего, внешними –политическими – факторами государственной языковой политики и политической идеологии советской эпохи, основанными на национальных и государственных приоритетах, предпочитающих использование одного или двух языков большинства – русского и якутского; экономическими и демографическими факторами – притоком интернационального населения, связанным с промышленным освоением территорий, строительства БАМа, а также дисперсным расселением и малочисленностью, типом поселения и видом хозяйствования коренного населения, смешением браков, социально-неблагополучными факторами.

Языковой сдвиг в эвенкийском языке связан, прежде всего, с государственной политикой в 1930-х годов. Причинами языкового сдвига у эвенков является прирост русскоязычного населения на Севере, соответственно переход на русский язык, укрупнение хозяйств, насильственное переселение из мест исконного обитания, сокращение преподавания языка в школе [Красная книга, 1994: 71 и др.], с промышленным освоением Севера. За длительный период до возобновления учебников в 1969 г. на языках коренных малочисленных народов Севера, в том числе эвенкийского, существенно произошли изменения языковой ситуации в негативную сторону [Стручков, 2007].

Внутренними факторами, повлекшими языковой сдвиг, являются диалектные особенности в эвенкийском, которые территориально варьируются и отличаются от литературного языка. Тимптонские эвенки, проживающие в с. Иенгре, сегодня сохранили среди старшего поколения разговорный язык, отличающийся от остальных говоров эвенкийского. Старшее поколение являются двуязычным (эвенкийский, русский) или полиязычным (эвенкийский, русский, якутский). У среднего и младшего поколения иенгринцев доминантным является русский язык и наблюдается сужение функционирования эвенкийского языка, ограниченного сферой образования и семейно-бытовой сферы. Томмотские эвенки, проживающие в сельской местности Алданского района, полностью утратившие этнический язык, являются несбалансированными билингвами якутско-русского. Для городских жителей коренного населения Южной Якутии функционирующим языком является русский.

Сегодня эвенкийский язык, как правило, этнический язык, искусственно осваиваемый эвенками. Среди педагогов стало расхожей фразой, что дети изучают эвенский, эвенкийский или юкагирский как иностранные языки, но при этом методика коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам, предлагаемая в методике преподавания языков КМНС, остается невнедренной, учебники остаются обучающими языку не как средству общения, а только грамоте.

Однако аналогичная тенденция наблюдается и в сахаязычных семьях, особенно среди детей, которые перешли на русский язык через информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Учителя и специалисты Управления образования выделяют актуальную проблему: отсутствие программного и учебно-методического обеспечения по эвенкийскому языку, соответствующего требованиям Рособрнадзора. В частности, школы сталкиваются с проблемой отсутствия учебников по эвенкийскому языку в Федеральном перечне учебников. На данный момент школы используют устаревшие пособия, подготовленные в конце 1980-х – начале 1990-х годов сотрудниками Института национальных школ. Что касается методик преподавания официальных языков республики, включая эвенкийский, концепция «языкового гнезда» воспринимается многими на уровне идеи, но технологически еще не разработана полностью. Эта концепция связана с идеей перехода на обучение на родном языке. Учителя и специалисты Управления образования предлагают создание временного творческого коллектива или рабочей группы на федеральном или региональном уровне для разработки и внедрения технологии «языкового гнезда» в образовательный процесс. Они также предлагают привлечь к этой деятельности носителей языка, общественные организации и родительскую общественность.

Кадровый вопрос остается нерешенным – в дошкольных учреждениях не хватает специалистов. Для решения этой проблемы возникает необходимость мотивации педагогов, преподающих родные языки коренных малочисленных народов Севера (КМНС), мерами государственной поддержки через участие в государственных программах, таких как «Земский учитель» и «Учитель Арктики».

Учителя видят перспективу в развитии сети языковых лагерей на федеральном и республиканском уровнях, а также в расширении географии международной олимпиады по родным языкам КМНС «Турэн».

По предварительным данным, уровень владения русским языком составляет свыше 90 % населения рассматриваемых районов. Якутский язык активно используется, в основном, жителями сел Хатыстыр и Угоян, городов Алдан и Нерюнгри. В с. Иенгра наблюдается функционирование эвенкийского языка в семейно-бытовом общении и в общественных местах.

Считают якутский язык родным 33,7 % опрошенных, русский – 6,7 %, эвенкийский – 25 %, что свидетельствует о достаточно высокой степени самосознания эвенков, учитывая невысокий процент фактического владения этим языком среди населения. Признают одновременно родными русский и якутский 9,6 %, русский и эвенкийский – 1 %. Выражают уверенность в будущем якутского языка 38,5 % респондентов, а 26,9 % испытывают тревогу за язык. В отношении эвенкийского языка 35,6 % выразили тревогу, а 26 % – отчаяние.

Респонденты отмечают среди проблем, влияющих на развитие якутского языка, языковой сдвиг в сторону русского языка среди молодежи и сниженную мотивацию к его изучению. В отношении эвенкийского языка проблемами являются отсутствие языковой среды и сужение сферы его использования. Меры по сохранению языков варьируются: для якутского языка большинство предлагают увеличить его использование в семейно-бытовой сфере, для эвенкийского – создать языковую среду [ПМА-2022].

Традиционная религия эвенков играет значительную роль в сохранении эвенкийской идентичности: 48 % подтверждают ее присутствие в этой сфере, 26,9 % придерживаются традиционной религии. Для якутского языка эти показатели ниже: его присутствие в религии подтверждают 28,8 %, а традиционной религии якутов придерживаются 20,2 % респондентов. Выразили смешанные взгляды 10 % респондентов, только 10 % указали на положительное влияние религии на сохранение якутского и эвенкийского языков [ПМА-2023].

В южном регионе Республики Саха (Якутия) преимущественно наблюдается мирное сосуществование различных этносов, что также подтверждается в беседах с информантами из многонациональных с. Хатыстыр и г. Нерюнгри. Однако 14,4 % респондентов сообщили о неоднократных случаях столкновения с дискриминацией на языковой основе. В отношении межэтнических отношений только 6 % опрошенных выразили недоверие к представителям других национальностей, в то время как большинство (51 %) относится к этому вопросу нейтрально, а 31,7 % – с симпатией.

Региональные усилия по сохранению языков включают традиционные методы ревитализации, такие как «языковое гнездо», направленное на детей дошкольного возраста, что является значимым аспектом языковой активности. Метод предполагает, что в детском саду воспитатель, являющийся носителем возрождаемого языка, использует его при общении с детьми. С 2022 г. он реализуется в детском саду с. Хатыстыр (Алданский район) для сохранения эвенкийского языка. Театр кукол г. Нерюнгри регулярно проводит спектакли на якутском языке. В образовательной системе школы-интерната «Арктика» в Нерюнгри активное использование языков малочисленных народов Севера также способствует их сохранению.

Результаты опросов о перспективах малых языков, проведенных в местах компактного проживания эвенков в Угояне, Хатыстыре Алданского района, где население с самоидентификацией эвенки владеет в основном якутским языком, и в Иенгре Нерюнгринского района, где исторически эвенкийский язык является родным языком, но в последнее время наблюдается доминирование русского языка, показывают, что существует обеспокоенность населения за будущее эвенкийского языка, но при этом сохраняется достаточно ощутимый оптимизм. Будущее эвенкийского языка респонденты в Угояне, Хатыстыре и Иенгре оценивают

с тревогой – 35,57 %, с отчаянием – 25 %, затрудняются ответить – 24,03 % и 13,46 % оценивают уверенно, что язык сохранится. Тревожные прогнозы у респондентов по поводу вероятности сохранения эвенкийского языка и тенденции к его утрате связаны с тем, что дети не говорят на родном языке (55,88 %), молодежь не говорит на родном языке (37,5 %). Отмечают отсутствие языковой среды – 31,73 %, отмечают, что отсутствуют мотивация и стимул в изучении родного языка – 29,8 %, указывают на сужение среды употребления эвенкийского языка – 17,3 %, также 14,42 % связывают ситуацию с усилением роли русского языка и 8,65 % – с усилением роли якутского языка. Несмотря на наличие тревоги за будущее эвенкийского языка, в целом, прогнозы его сохранения у респондентов достаточно оптимистичные: 38,46 % – считают, что эвенкийский язык сохранится в бытовом, разговорном варианте, 24,03 % – верят, что эвенкийский язык будет развиваться. Следует отметить также и опасение, высказанное респондентами, за исчезновение эвенкийского языка: 22,5 % – считают, что язык исчезнет через некоторое количество лет, 0,96 % – считают, что он исчезнет через 50 лет, 0,96 % – считают, что эвенский язык исчезнет через 100 лет. Как показывают результаты опроса, сохранение эвенкийского языка возлагается больше на молодежь и языковых активистов – 28,84 %, отмечается, что язык сохранится благодаря государственной языковой политике – 22,11 %, новым интернет-технологиям – 6,73 %, не ответили – 7,69 %, затруднились ответить – 3,84 % и не знают – 3,84 % [ПМА-2022].

Будущее якутского языка, согласно опросу в Угояне, Хатыстыре и Иенгре, респонденты прогнозируют оптимистичнее по сравнению с ситуацией эвенкийского языка: оценивают уверенно – 38,46 %, отмечают будущее якутского языка с тревогой – 25,96 %, с отчаянием – 2,88 %, затрудняются ответить – 29,8 %. Достаточно большой (29,8 %) показатель затруднения ответить на вопрос получен у респондентов Иенгры с доминантным русским, не владеющими якутским языком. При большой вероятности хорошего прогноза респонденты связывают тревожность за будущее якутского языка с тем, что дети не говорят на якутском языке (43,26 %), что молодежь не говорит на родном языке (30,76 %), 23,07 % – отмечают, что отсутствуют мотивация и стимул в изучении родного языка, 14,42 % – отмечают некомпетентность владения якутским языком (неправильно говорят), 13,46 % – указывают на сужение среды употребления якутского языка, 10,57 % – связывают ситуацию с усилением роли русского языка [ПМА-2022].

Тем не менее согласно результатам опроса в Угояне, Хатыстыре и Иенгре в целом 47,11 % респондентов считают, что якутский язык сохранится в бытовом, разговорном варианте; 34,61% – верят, что якутский язык будет развиваться и только 4,8 % считают, что якутский язык исчезнет через некоторое количество лет. Согласно опросу, в отношении сохранения якутского языка, респонденты отмечают, прежде всего, роль государственной языковой политики – 41,35 %,

благодаря которой сохранится язык. Разумеется, статус якутского языка в республике как государственного языка и имеющего положение как символа республики законодательно закреплен для обязательного использования во всех официальных сферах. В этом отношении официальный язык (по Конституции Республики Саха (Якутия), официальными являются эвенкийский, эвенский, долганский, юкагирский, чукотский) уступает по праву государственному языку, отмечают исследователи, как более узкое понятие по сфере использования и набору выполняемых функций, он тождественен понятию «рабочий язык» [Доровских, 2007: 13–14]. Далее, согласно опросу, якутский язык сохранится благодаря усилиям молодежи и языковых активистов – 35,57 %, новым интернет-технологиям – 6,73 %, не ответили – 7,69 %, затруднились ответить – 3,84 %, не знают – 3,84 % [ПМА-2022].

Результаты опроса в Нерюнгри показывают, что 42,93 % якутских респондентов оценивают будущее якутского языка с тревогой, 12,3 % – оценивают с отчаянием, при этом 16,92 % респондентов за будущее якутского языка уверены, 21,53 – % затруднились ответить. Тревога за родной язык и за ее тенденции к утрате связаны с тем, что дети не говорят на родном языке – 75,38%, что молодежь не говорит на родном языке – 53,84 %, указывают на сужение среды употребления родного языка – 41,53 %, отмечают отсутствие компетенции на знание языка (неправильно говорят) –32,3 %, указывают на массовое употребление заимствований из русского языка – 44,61 % [ПМА-2022].

Следует отметить, что несмотря на наличие тревоги за будущее эвенкийского языка, в целом прогнозы сохранения эвенкийского языка у респондентов эвенков достаточно оптимистичные. Респонденты – представители коренных малочисленных народов – оценивают будущее якутского языка в целом благоприятно, но в якутской группе и эвенкийской группе, владеющей якутским языком, отмечается сужение среды употребления якутского языка, при этом у обеих групп наблюдается среди детей и молодежи языковой сдвиг с доминированием русского языка. Якутские респонденты также отмечают, что языковая компетенция владения якутским языком подвержена влиянию русского языка и, как следствие, происходят изменения в узусе языка.

Полевые материалы авторов

ПМА-2022 – Полевое исследование промышленных городов Арктики м Субарктики: 20 автобиографических интервью, 178 опросов (запись в октябре 2022 г., Алданский район, Нерюнгринский район).

ПМА-2023 – Полевое исследование промышленных городов Арктики м Субарктики: 17 автобиографических интервью (запись в ноябре 2023 г., Алданский район, Нерюнгринский район).

Литература

Александров О.А. (2012) Основные черты языковой биографии немцев Томской области в военные и послевоенные годы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 2 (19). С. 120–125.

Бабаков В.Г. (1993) Кризисные этносы. М. Режим доступа: https://iphras.ru/elib/Babakov_Krizisn.html Дата обращения: 01.12.2024.

Биткеева А.Н. (2022) О новых задачах и методах исследования языковой политики // Современная языковая политика в мире: теория и практика / Отв. ред. М.Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М.: ИМЛИ РАН. С.34–52. DOI: https://doi. org/10.22455/978-5-9208-0707-6

Булатова Н.Я. (1997) Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. С. 42–53.

Бурыкин А.А. (1997) Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН.

*Валеева А.*Ф. (2002) Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтнического региона // Социологические исследования. № 8. С. 40–49.

Вахтин Н.Б. (2001) Условия языкового сдвига: (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. № 1. СПб. С. 11–16.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Табл. 1. Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: https://rosstat.gov.ru Дата обращения: 24.10.2024.

Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020. Дата обращения: 04.12.2024

Гренобль, Л. (2021) Социолингвистика и языковой сдвиг: К пониманию процессов сдвига через призму носителей // Социолингвистика. № 2 (6). С. 9–35. DOI:10.37892/27132951-2021-2-6-9-38

Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. № 12. 2007. С. 8–20.

Дьяконова М.П. (2019) Проблемы сохранения эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) // Языки в полиэтническом государстве: Развитие, планирование, прогнозирование, проблемы сохранения и развития эвенкийского языка в Республике Саха. Материалы международной конференции. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2019. С.156–159. DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-156-159

Ермолаев Т.С. (2015) Особенности этносоциальных процессов в контексте промышленного освоения Южной Якутии // Теория и практика общественного развития. Вып. № 22. С.19–22.

Иванова Н.И. (2022) Современные тенденции в языковой компетенции якутов (саха): Лингвистический и экстралингвистический контекст // Этносоциальные процессы в Якутии: Современный ракурс и перспективы развития. Новосибирск. С. 221–238.

Изменения в административно-территориальном делении (2015). Режим доступа: https://www.sakha.gov.ru/izmenenija-v-administrativno-territorialnom-ustrojstve. Дата обращения: 05.12.2024

Историко-географическая справка Муниципальное образование «Нерюнгринский район» (2018) Режим доступа: http://neruadmin.ru/neryungrinskiy-rayon/istoriko-geograficheskaya-spravka/ Дата обращения: 05.12.2024

Историко-географическая справка МР «Нерюнгринский район». Режим доступа: https://mr-nerjungrinskij.sakha.gov.ru/nerjungrinskij-rajon/Geograficheskaya-i-istoricheskaya-spravka Дата обращения: 05.12.2024

Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.

Маклашова Е.Г. (2010) Этносы и политика: Границы политических ориентаций населения Республики Саха (Якутия) // Власть и управление на Востоке России. № 3. С. 116–123.

Муниципальное образование «Нерюнгринский район» (2018). Режим доступа: http://www.neruadmin.ru/. Дата обращения: 05.12.2024.

Муниципальный район «Алданский район»: Общая информация. Режим доступа: https://www.aldanray.ru/district/index.php. Дата обращения: 05.12.2024

Муниципальный район «Алданский район»: История. Режим доступа: https://www.aldanray.ru/district/history.php. Дата обращения: 04.12.2024

Муниципальный район «Алданский район»: Основные итоги социально-экономического развития 2023. Режим доступа: https://www.aldanray.ru/district/main-results-socio-economic-development/ Дата обращения: 05.12.2024

Основные итоги социально-экономического развития в МР «Алданский район», 2023. Режим доступа: https://www.aldanray.ru/district/main-results-socio-economic-development/#:~:text=%D0%92%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BC%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%20%D0%90%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%B0,%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B8%20%E2%80%93%2011%2C2%20%D0%BC%D0%BB%D1%80%D0%B4. Дата обращения: 04.12.2024

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года (1897–1905) / Изд. Центр. Стат. комитетом МВД; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.

Постановление Правительства Республики (Якутия) от 30 июля 2009 года № 321 «О наделении Иенгринского наслега (сельского округа) Нерюнгринского улуса (района) Республики Саха (Якутия) статусом «эвенкийский национальный». Режим доступа: https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2296335. Дата обращения 04.12.2024.

Проект социально-экономического развития муниципального образования «Город Алдан» на 2017–2022 годы. Режим доступа: https://disk.yandex.ru/i/xu2mLs2sA7eElA Дата обращения: 04.12.2024

Рязанцев С.В. (2001) Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: Современные тенденции. Ставрополь. 542 с.

Сила Сибири пришла в Иенгру // Сетевое издание Индустрия Севера (ИА SakhaNews) от 08.10.2017 г. Режим доступа: https://1sn.ru/sila-sibiri-prisla-v-iengru. Дата обращения: 04.12.2024

Симонова В. (2020) Об освоенном пространстве и неосвоенной мечте: Факторы оттока населения из Южной Якутии // «Дети девяностых» в современной Российской Арктике / Отв. ред. Н. Вахтин, Ш.Дудек. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. С.174–187.

Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): Социопсихолингвистический аспект (2013). Новосибирск: Наука. 252 с.

Соловьев Е.В. (2012). Урбанизация и этногенез // Марийский юридический вестник. № 9. С. 74–81.

Статистический отчет Отдела образования-1 (2021)

Стратегии социально-экономического развития сельского поселения «Иенгринский эвенкийский национальный наслег» Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы Приложение №5-22 от 24 декабря 2019 г. Режим доступа: https://disk.yandex.ru/i/FRn0vIjES3VuUA Дата обращения: 04.12.2024

Стратегия социально-экономического развития МО «Алданский район» Республики Саха (Якутия) до 2030 г. Режим доступа: https://www.aldanray.ru/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D0

%A1%D0%AD%D0%A0%20%D0%9C%D0%9E%20%D0%90%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%20%D0%B4%D0%BE%202030%20%D0%B3.%20%D1%81%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BB.%2014.11.18.docx Дата обращения: 04.12.2024

Стручков Н.К. (2007) Социолингвистические проблемы обучения языкам коренных малочисленных народов Севера: Состояние и перспективы: На материалах эвенкийского языка: дис. ... канд. филол.наук. 10.02.19 – Теория языка. Барнаул. 168 с.

Стручков Н.К. (2011) Социолингвистические факторы языковой картины мира эвенков в РС (Я) // Вестник ЧитГУ № 2 (69). С. 38–44.

Томаска А.Г. (2017) Внутреннее миграционное движение в Республике Саха (Якутия) // Общество: Социология, психология, педагогика. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.9

Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): Стат. сб. (2016). Якутск.

Busch, B. (2013) Mehrsprachigkeit. Wien: UTB, Facultas.

Danilova, N.K., Khokholova, I.S., Pestereva, K.A., Tomaska, A.G., Vasileva, A.P. (2022) Urban Population Identities and Symbolic Value Cities in the Sakha Republic (Yakutia) // Sibirica Vol.21. Iss. 3. Pp. 97–127. DOI: https://doi.org/10.3167/sib.2022.210306

Leopold, W.F. (1939–1949) Speech development of a bilingual child: A linguist's record (4 vol.). Evanston: Northwestern University Press.

Ronjat, J. (1913) Le developpement du language observé chez un enfant bilingue. Paris: Champion.

Vinokurova, A., Khokholova, I., Osipov, B., Pavlov, S., Tokhtobina, Y., Platonova, V. (2022) The Language Situation in the Eveno-Bytantaiskii National District of the Republic of Sakha (Yakutia) // Sibirica. Vol. 21. Iss.3. DOI: https://doi.org/10.3167/sib.2022.210308

Zielińska, A., Księżyk F. (2021) Language shifts in the language biographies of immigrants from Upper Silesia residing in Germany // Multilingua. No. 40 (5). Pp. 675–706.

References

Aleksandrov, O.A. (2012) Osnovnye cherty yazykovoj biografii nemcev Tomskoj oblasti v voennye i poslevoennye gody [Main features of the linguistic biography of Germans of the Tomsk region during the war and post-war years] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. No. 2 (19). Pp. 120–125. (In Russ.)

Babakov, V.G. (1993) Krizisnye etnosy [Crisis ethnic groups]. M. Available at: https://iphras.ru/elib/Babakov_Krizisn.html Access date: 01.12.2024. (In Russ.)

Bitkeeva, A.N. (2022) O novyh zadachah i metodah issledovaniya yazykovoj politiki // Sovremennaya yazykovaya politika v mire: Teoriya i praktika [The new trends and methods of language policy research] / Otv. red. M.Ya. Kaplunova, CHzhao ZHunhuej. M.: IMLI RAN. Pp.34–52. (In Russ.) DOI: https://doi. org/10.22455/978-5-9208-0707-6. (In Russ.)

Bulatova, N.Ya. (1997) Evenkijskij yazyk i ego regional'nye varianty v sociolingvisticheskom aspekte [The Evenki language and its regional variants in sociolinguistic aspect] // Malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka.Pp. 42–53. (In Russ.)

Burykin, A.A. (1997) Dinamika yazykovoj situacii, funkcionirovanie pis'mennosti i etapy evolyucii etnicheskih kul'tur malochislennyh narodov Severa [Dynamics of the language situation, writing system functioning and the stages of evolution of ethnic cultures of minority peoples of the North] // Malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Problemy sohraneniya i razvitiya yazykov. SPb.: ILI RAN (In Russ.).

Busch, B. (2013) Mehrsprachigkeit [Multilingualism]. Wien: UTB, Facultas. (In Germ.)

Danilova, N.K., Khokholova, I.S., Pestereva, K.A., Tomaska, A.G., Vasileva, A.P. (2022) Urban Population Identities and Symbolic Value Cities in the Sakha Republic (Yakutia) // Sibirica Vol.21. Iss. 3. Pp. 97–127. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.3167/sib.2022.210306

Dorovskikh E.M. K voprosu o razgranichenii ponyatij «gosudarstvennyj yazyk» i «oficial'nyj yazyk» [On the issue of distinguishing between the concepts of "state language" and "official language"] // Zhurnal rossijskogo prava. № 12. 2007. Pp. 8–20. (In Russ.)

Dyakonova, M.P. (2019) Problemy sohraneniya evenkijskogo yazyka v Respublike Saha (Yakutiya) [Problems of Preserving the Evenki Language in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: Razvitie, planirovanie, prognozirovanie, problemy sohraneniya i razvitiya evenkijskogo yazyka v Respublike Saha. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Ulan Ude: Buryatskij nauchnyj centr SO RAN, 2019. Pp.156–159. (In Russ.)

Ermolaev, T.S. (2015) Osobennosti etnosocial'nyh processov v kontekste promyshlennogo osvoeniya Yuzhnoj Yakutii [Peculiarities of ethnosocial processes in the context of industrial development of South Yakutia] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Issue 22. Pp.19–22. (In Russ.)

Grenoble, L. (2021) Sociolingvistika i yazykovoj sdvig: K ponimaniyu processov sdviga cherez prizmu nositelej [Sociolinguistics and language shift: toward understanding the processes of shift through the prism of speakers] // Sociolingvistika. No. 2 (6). Pp. 9–35. (In Russ.) DOI:10.37892/27132951-2021-2-6-9-38

Istoriko-geograficheskaya spravka MR «Neryungrinskij rajon». Available at: https://mr-nerjungrinskij.sakha.gov.ru/nerjungrinskij-rajon/Geograficheskaya-i-istoricheskaya-spravka Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Istoriko-geograficheskaya spravka Municipal'noe obrazovanie «Neryungrinskij rajon» (2018) [Historical and geographical information Municipal formation "Neryungri district"]. Available at: http://neruadmin.ru/neryungrinskiy-rayon/istoriko-geograficheskaya-spravka/ Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Ivanova, N.I. (2022) Sovremennye tendencii v yazykovoj kompetencii yakutov (Sakha): Lingvisticheskij i ekstralingvisticheskij kontekst [Modern trends in the language competence of the Yakuts (Sakha): Linguistic and extralinguistic context] // Etnosocial'nye processy v Yakutii: Sovremennyj rakurs i perspektivy razvitiya. Novosibirsk. Pp. 221–238. (In Russ.)

Izmeneniya v administrativno-territorial'nom delenii 2015 [Changes in administrative-territorial division 2015]. Available at: https://www.sakha.gov.ru/izmenenija-v-administrativno-territorialnom-ustrojstve Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii [The red book of languages of the peoples of Russia]. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Moscow, 1994. (In Russ.)

Leopold, W.F. (1939–1949). Speech development of a bilingual child: A linguist's record (4 vol.). Evanston: Northwestern University Press. (In Eng.)

Maklashova, E.G. (2010) Etnosy i politika: Granicy politicheskih orientacij naseleniya Respubliki Saha (Yakutiya) [Ethnicities and politics: Borders of political orientations of the population of the Republic of Sakha (Yakutia)] // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. No. 3. Pp. 116–123. (In Russ.)

Municipal'noe obrazovanie «Neryungrinskij rajon» (2018) [Municipality "Neryungri District"] . Available at: http://www.neruadmin.ru/ Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Municipal'nyj rajon «Aldanskij rajon»: Obshchaya informaciya [Municipal district "Aldansky district": general information]. Available at: https://www.aldanray.ru/district/index.php Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Municipal'nyj rajon «Aldanskij rajon»: Osnovnye itogi social'no-ekonomicheskogo razvitiya 2023. Available at: https://www.aldanray.ru/district/main-results-socio-economic-development/ Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Municipal'nyj rajon «Aldanskij rajon»: Istoriya [Municipal district "Aldan district": history]. Available at: https://www.aldanray.ru/district/history.php Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Osnovnye itogi social'no-ekonomicheskogo razvitiya v MR «Aldanskij rajon» (2023) [The main results of the socio-economic development of MP "Aldansky District"]. Available at: https://www.aldanray.ru/district/main-results-socio-economic-

development/#:~:text=%D0%92%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BC%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%20%D0%90%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%B0,%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B8%20%E2%80%93%2011%2C2%20%D0%BC%D0%BB%D1%80%D0%B4. Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda (1897–1905) [The first general population census of the Russian Empire in 1897 (1897–1905)] / Izd. Centr. Stat. komitetom M-va vn. del; pod red. N.A. Trojnickogo. [SPb.]. (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki (Yakutiya) ot 30 iyulya 2009 goda № 321 «O nadelenii Iengrinskogo naslega (sel'skogo okruga) Neryungrinskogo ulusa (rajona) Respubliki Saha (Yakutiya) statusom «evenkijskij nacional'nyj» [Decree of the Government of the Republic (Yakutia) of July 30, 2009 No. 321 “On granting the Iengri nasleg (rural district) of the Neryungri ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia) the status of “National Evenki”]. Available at: https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2296335. Access date: 04.12.2024 (In Russ.)

Proekt social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya «Gorod Aldan» na 2017–2022 gody [Project of socio-economic development of the municipality "City of Aldan" for 2017–2022]. Available at: https://disk.yandex.ru/i/xu2mLs2sA7eElA Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Ronjat, J. (1913) Le developpement du language observé chez un enfant bilingue. Paris: Champion. (In Fr.)

Ryazancev, S.V. (2001) Vliyanie migracii na social'no-ekonomicheskoe razvitie Evropy: Sovremennye tendencii [The impact of migration on the socio-economic development of Europe: current trends]. Stavropol. 542 p. (In Russ.)

Sila Sibiri prishla v Iengru [The power of Siberia came to Iengra] // Setevoe izdanie Industriya Severa (IA SakhaNews) ot 08.10.2017 g. Available at: https://1sn.ru/sila-sibiri-prisla-v-iengru. Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Simonova, V. (2020) Ob osvoennom prostranstve i neosvoennoj mechte: Faktory ottoka naseleniya iz Yuzhnoj Yakutii [On the developed space and the undeveloped dream: factors of the population outflow from South Yakutia] // «Deti devyanostyh» v sovremennoj Rossijskoj Arktike / Otv. red. N. Vahtin, Sh. Dudek. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Pp.174–187. (In Russ.)

Solovjev, E.V. (2012). Urbanizaciya i etnogenez [Urbanization and ethnogenesis] // Marijskij yuridicheskij vestnik. No. 9. Pp. 74–81. (In Russ.)

Sovremennaya etnoyazykovaya situaciya v Respublike Saha (Yakutiya): Sociopsiholingvisticheskij aspekt (2013) [Modern ethnolinguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): sociopsycholinguistic aspect]. Novosibirsk: Nauka. 252 p. (In Russ.)

Statisticheskij otchet Otdela obrazovaniya-1 (2021) [Statistical report of the education department-1]

Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skogo poseleniya «Iengrinskij evenkijskij nacional'nyj nasleg» Neryungrinskogo rajona Respubliki Saha (Yakutiya) na 2020–2024 gody Prilozhenie №5-22 ot 24 dekabrya 2019 g. Available at: https://disk.yandex.ru/i/FRn0vIjES3VuUA Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya MO «Aldanskij rajon» Respubliki Saha (Yakutiya) do 2030 g. Available at: https://www.aldanray.ru/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8%20%D0%A1%D0%AD%D0%A0%20%D0%9C%D0%9E%20%D0%90%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%

BE%D0%BD%20%D0%B4%D0%BE%202030%20%D0%B3.%20%D1%81%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BB.%2014.11.18.docx. Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Struchkov, N.K. (2007) Sociolingvisticheskie problemy obucheniya yazykam korennyh malochislennyh narodov Severa: sostoyanie i perspektivy: na materialah evenkijskogo yazyka [Sociolinguistic problems of teaching languages of indigenous peoples of the North: status and prospects: on the materials of the Evenki language] Dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.19 – Teoriya yazyka. Barnaul. 168 p. (In Russ.)

Struchkov, N.K. (2011) Sociolingvisticheskie faktory yazykovoj kartiny mira evenkov v RS (Ya) [Sociolinguistic factors of the linguistic picture of the world of the Evenks in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Vestnik ChitGU. No. 2 (69). Pp. 38–44. (In Russ.)

Tomaska, A.G. (2017) Vnutrennee migracionnoe dvizhenie v Respublike Saha (Yakutiya) [Internal migration movement in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Obshchestvo: Sociologiya, psihologiya, pedagogika. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.9

Trud i zanyatost' v Respublike Saha (Yakutiya) [Labor and employment in the Republic of Sakha (Yakutia)]: Stat. sb. (2016). Yakutsk. (In Russ.)

Vakhtin, N.B. (2001) Usloviya yazykovogo sdviga: (K opisaniyu sovremennoj yazykovoj situacii na Krajnem Severe) [Conditions of language shift: towards a description of the modern language situation in the Far North)] // Vestnik molodyh uchenyh. Seriya: Filologicheskie nauki.No. 1. SPb. Pp. 11–16. (In Russ.)

Valeeva, A.F. (2002) Vliyanie urbanizacii na yazykovoe povedenie zhitelej polietnicheskogo regiona [The impact of urbanization on the linguistic behavior of residents of a multiethnic region] // Sociologicheskie issledovaniya. No. 8. Pp. 40–49. (In Russ.)

Vinokurova, A., Khokholova, I., Osipov, B., Pavlov, S., Tokhtobina, Y., Platonova, V. (2022) The Language Situation in the Eveno-Bytantaiskii National District of the Republic of Sakha (Yakutia) // Sibirica. Vol. 21. Iss.3. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.3167/sib.2022.210308

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Tabl. 1. Gorodskoe i sel'skoe naselenie po sub"ektam Rossijskoj Federacii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Available at: https://rosstat.gov.ru Access date: 24.10.2024. (In Russ.)

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020. Access date: 04.12.2024. (In Russ.)

Zielińska A., Księżyk F. (2021) Language shifts in the language biographies of immigrants from Upper Silesia residing in Germany // Multilingua. No. 40 (5). Pp. 675–706. (In Eng.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда No 23-28-01318 https://rscf.ru/project/23-28-01318/

The research was funded by No 23-28-01318 project of Russian Sciences Foundation

Биткеева Айса Николаевна – доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

https://orcid.org/0000-0003-3765-2144

Адрес: 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Хохолова Ирена Семеновна – кандидат филологических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, научный сотрудник Института языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0003-0066-7537
Адрес: 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58, каб. 812.
Эл. адрес: iskhokholova@mail.ru

Данилова Роза Александровна – младший научный сотрудник Института языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0002-4529-1011
Адрес: 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1 стр. 1.
Эл. адрес: roza_dan96@mail.ru

Aisa N. Bitkeeva – Doctor of Philological Sciences, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
https://orcid.org/0000-0003-3765-2144
Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Irena S. Khokholova – Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Modern Languages and International Studies, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-0066-7537
Address: Belinsky str. 58 off. 812, Yakutsk, Russian Federation, 677000.
E-mail: iskhokholova@mail.ru

Roza A. Danilova – Junior Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-4529-1011
Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail: roza_dan96@mail.ru

Для цитирования: *Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А.* Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия): (на материале полевых исследований 2022–2023 гг.) // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 41–70. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-41-70

For citation: *Bitkeeva, A.N., Khokholova, I.S., Danilova, R.A.* Language situation in industrial regions of the Republic of Sakha (Yakutia): (on the field research 2022–2023) // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 41–70. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-41-70

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 28.08.2024;
approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

УДК 81’272 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-71-84

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОНГОЛИИ: ОПЫТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Дина Б. Сундуева
Забайкальский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается языковая ситуация в среде русской общины Монголии. На основе анализа автобиографических нарративов русских граждан, проживающих в Монголии на постоянной основе, установлены основные вехи становления современной языковой ситуации в среде русской общины Монголии. Анализ автобиографических нарративов представителей старшего поколения показал, что в начальный период становления русской общины в Монголии единственным языком общения внутри своей группы оставался родной русский язык. Определено, что сохранению русского языка в среде русских старожилов Монголии способствовала языковая политика социалистической Монголии. Литературный узус русского языка поддерживался в сфере образования монгольских учебных заведений. Современная языковая ситуация в среде русской общины Монголии характеризуется тем, что русский язык остается основным языком общения в семейно-бытовой сфере. Нарративы представителей среднего и молодого поколений, родившихся уже в Монголии, свидетельствуют об изменениях в наборе функций контактирующих языков. Несмотря на сокращение сфер использования русского языка, сохраняется высокая лояльность к родному языку. Установлено, что вытеснение русского языка в системе образования, неизбежное при наличии доминирующей культуры, не стало причиной сужения его функций в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: *русская община, языковая ситуация, языковая политика, сферы функционирования русского языка, формы существования русского языка*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Д. Б. Сундуева, 2024

AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES OF RUSSIAN OLD-RESIDENT POPULATION OF MONGOLIA: EXPERIENCE OF SOCIOLINGUISTIC READING

Dina B. Sundueva
Trans-Baikal State University, Russian Federation

The linguistic context of the Russian minority in Mongolia is examined in both synchrony and diachrony in this essay. The main milestones of the formation of the modern language situation in the environment of the Russian community of Mongolia have been established based on the analysis of the analysis of the autobiographical narratives of native Russian citizens. The examination of the elder generation representatives' autobiographical narratives revealed that during the early stages of the Russian community's establishment in Mongolia, Russian was the sole language used for intragroup communication. It is determined that the language policy of the state in relation to the Russian language during the period of socialism contributed to the maintenance of the literary usage of the Russian language in the field of education. The current linguistic situation in the Russian community of Mongolia is characterized by the fact that Russian remains the dominant language of communication inside the family and domestic sphere. Narratives of representatives of the middle and younger generations, born already in Mongolia, indicate changes in the set of functions of the contacting languages. Despite the reduction in the use of the Russian language, high loyalty towards the native language remains. The

younger generation is characterized by bilingualism while preserving the Russian native language with elements of preserving the Russian old-timer dialects of Transbaikal. It is known that spiritual identity is not lost when the original language loses its unique functions, which is unavoidable when a dominant culture is present. According to narrative analysis, the native idiom's predicted parameters for communicative compatibility, artistic worth, and prestige are all fairly high.

Keywords: *language situation, language policy, Russian language abroad, education sphere, Russian-Mongolian bilateral relations, Mongolia*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Dina B. Sundueva, 2024

1. Введение

Автобиографические нарративы как источник социального знания проливают свет на разные стороны социального опыта как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. В данной работе нарратив трактуется как «один из способов передачи прошедших событий из биографии рассказчика при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий посредством этой упорядоченности» [Labov et al, 2007: 48]. По мнению У. Лабова, «структура нарратива может варьировать в зависимости от социального опыта рассказчика» [Ibid.]. В нарративном анализе интерпретируются не конкретные факты социальной реальности, а смысловые структуры автобиографических нарративов, которые возникают из переплетения описываемых в них реалий жизненного опыта и наличествующих в культуре общества форм объяснения и осмысления этого опыта. И если представлять возможные перспективы изучения такого эмпирического материала, то кажется совершенно очевидным, что он может быть использован в русле социолингвистической проблематики. Коллективные социальные смыслы, базируясь на «чувствах сердца» (Дж. Александер), на общих моральных основаниях, эмоциях и ценностях, оказывают влияние на формирование оценок, языковых установок индивидов.

2. Методология

Существующее разнообразие методов анализа автобиографических нарративов показывает, что в их основе лежит разная исследовательская логика, разные методы и стратегии. Как отмечают исследователи, «универсальных методик такой работы и быть не может, так же и как интерпретации нарративов, в том числе и составление методик их анализа» [Ярская-Смирнова, 1997: 45]. Придерживаясь точки зрения П. Томпсона, подчеркнем, что «обнаружение информации и развитие интерпретации идут параллельно, «рука об руку» [Томпсон, 2003: 372]. Мы считаем, что интерпретация автобиографических нарративов, являясь открытым процессом, не связана

напрямую с количеством материала. Даже единственный полный рассказ о прожитой жизни может дать ключ к достижению поставленных задач, а неполнота представленной в нарративе информации о каких-то этапах жизненного опыта человека также может стать основанием для целого ряда вопросов. Материалами исследования являются автобиографические нарративы, записанные в ходе полевых исследований в Монголии в разные годы: начиная с 2011 по 2023 г.

3. Результаты и обсуждение

В данной статье анализируются нарративы потомков русских старожилов Монголии, проживающих в этой стране на постоянной основе. По данным монгольских источников, «местных русских людей, эмигрантов из России в Улан-Баторе проживает 1150 чел. (450 мужчин и 701 лицо женского пола)» [Одонтуяа, 2023: 18]. В противопоставление россиянам, проживающим в стране, монголы называют группу «местнорусских» *«месны», нутгийн манай орос,* т.е. наши «отечественные» русские.

В период социализма советские специалисты, работающие в Монголии, именовали русских старожилов Монголии *местнорусскими, семёновцами, белогвардейцами.* В результате среди монголов сложилась практика именования данной группы *цагантануд,* т.е. белые, или белоэмигранты. Несмотря на сложившиеся идеологические установки по отношению к данной группе со стороны советского государства, «местнорусские» Монголии на протяжении всей своей истории идентифицировали себя с русской национальной общностью. Безусловно, длительный опыт проживания в инокультурной среде наложил отпечаток на духовную жизнь группы, но не привел к утрате устоев русской ментальности и культуры в ее региональном проявлении. В свое время ярко представил колоритный коллективный портрет «местнорусских» Монголии советский журналист А.С. Ярошевский: «Рядом с монгольскими ребятишками, скотоводами пригородных селений в праздничных, золотом шитых одеждах, с принаряженными семьями строителей, шоферов, энергетиков из Советского Союза и веселыми европейцами-чехами, немцами, болгарами, венграми, в разноликой толпе, внутри нее и, не сливаясь с ней, шла группа “местных русских”. Странным образом они отличались от всех вокруг. Блондины с азиатскими глазами-миндалинами, жгуче-черноволосые парни с лицами абсолютно славянскими. Коренастые ветераны, в полушубках, обликом похожие на крестьян из российской глубинки. Пожилые женщины и малыши. Братья и сестры. Небогато одетые, не очень разговорчивые. Потомки семей, смешанных и чисто русских, совсем разные и все равно похожие друг на друга» [Ярошевский, 1990: 26]. До настоящего времени основу самобытности «местнорусских» Монголии определяет культурный мир их предков – русских старожилов Забайкалья.

Как известно, основную часть русского населения Байкальского региона до конца XVII в. составляли потомки семейских (старообрядцев) и представители забайкальского казачества. «Проживая на одной территории с коренным населением, эвенками и бурятами, русские старожилы Забайкалья постепенно приобретали некоторые антропологические особенности, заимствовали отдельные элементы быта и культуры этих народов, сохраняя при этом, как правило, свой язык, самосознание, свой культурно-бытовой облик» [Спиридонова, 2007: 17]. Здесь важно отметить, что русские старожилы Забайкалья, несмотря на длительное проживание в соседстве с автохтонными народами этой территории, сумели сохранить общерусские традиции в значительной чистоте.

Принято считать, что «русская община современной Монголии состоит в основном из потомков трех миграционных волн из приграничных с Монголией территорий Забайкалья. Первая переселенческая волна была связана с событиями Гражданской войны лесостепи» [Кручкин, 2011: 76]. Как пишут историки, «особенно кровопролитным и жестоким было противостояние красных и белых в приграничных забайкальских селах» [Константинов, 2009: 124]. Кровавые события тех лет, а именно поражение Белого движения, заставили жителей приграничных забайкальских деревень уйти в Северную и Восточную Монголию. Следует сказать, что жители приграничных с Монголией русских поселений задолго до событий Гражданской войны обживали земли сопредельной страны, у многих крестьян там были свои заимки, сенокосные угодья. Русские крестьяне забайкальских сел постоянно совершали поездки на территорию Монголии, хорошо знали реалии монгольской действительности. Для жителей приграничных российских сел Забайкалья были характерны сезонные миграции в монгольские пределы, связанные с сельскохозяйственными работами, охотой и рыболовством.

Трансграничные практики русских старожилов Забайкалья конца XIX – начала XX в. получили отражение в дореволюционных работах исследователей. По наблюдениям В. Птицына, сделанным в 80-е годы XIX в., «молодежь, живущая в русских приграничных с Монголией селах, соединяется в одну или несколько артелей… и едут на двухколесных тележках в Монголию ловить рыбу. Подъезжают, по их словам, к какой-нибудь речке за границей и разыскивают ямы, в которых собирается самая крупная рыба и вся видна с берега: так прозрачны и чисты быстрые горные речки. Нашедши такую яму, охотники достают из нее баграми и другими способами осетров и другую самую крупную рыбу, солят ее и укладывают в припасенную посуду, затем переходят к следующей яме и через 10–15 дней возвращаются домой с запасом рыбы для постов, для своего употребления» [Птицын, 1912: 149]. Особое внимание обращает исследователь на доброжелательный характер взаимоотношений между монголами и русскими крестьянами. Русские крестьяне, по наблюдениям В. Птицына, не только хорошо знают быт и нравы своих

монгольских соседей, но и «живут с ними в наилучших отношениях, чему, вероятно, способствует и то, что забайкальские крестьяне не ездят в Монголию для торговли с кочевниками и для спаивания их водкой». В исследовании В. Птицына отмечается, что монголы «всегда радушны и нисколько не препятствуют им ловить рыбу, которой сами монголы не употребляют» [Там же].

А.П. Свечников в 1912 г., путешествуя по Северной Монголии, тоже отмечает, что «русских в Монголии работает не одна тысяча человек. Русские встречаются там каждый день и в среднем через каждые 30–50 верст… Вообще, между русскими-сибиряками и монголами, – отмечает исследователь, – в течение нескольких столетий установилась такая тесная связь, что в настоящее время вряд ли даже путем запретительных мер удалось бы прекратить дальнейшую работу русских в Монголии» [Свечников, 1912, 149]. Следует отметить, что в силу сложившегося образа жизни русские старожилы Забайкалья первой переселенческой волны не воспринимали свой переезд в Монголию как факт внешней миграции, считая его временным явлением.

Центром притяжения для переселенцев первой волны стала усадьба кяхтинского купца Ивана Иакинфовича Корнакова (1863–1921). В начале XX в. все русские поселения, расположенные в приграничной полосе на территории Монголии, тяготели к бывшей усадьбе купца. Воспоминания о русской Корнаковке сохранились в памяти «местнорусских».

Зовут меня Григорий Иннокентьевич Самсонов. Родился я в сороковом году в деревне Корнаковка, здесь недалеко по реке Еро. Отсюда километров сто. В двадцатые годы граница же была открыта. Люди ехали туда, где есть работа. Там было много места для пашни, для покоса, для выпаса скота. А потом закрыли границу, не разрешали уже туда-сюда ездить. Отец у меня родился в Урлуке, а проживал в Корнаковке. Я в семье самый младший. Нас много в семье было ребят. Самый старший в двадцать пятом году родился, дальше в двадцать шестом, седьмом, двадцать девятом, тридцать первом…. В Корнаковке нам хорошо жилось. Корнаков-то еще при царе устроил паромную переправу через Еро, а на другом берегу построил лесопильный завод. Люди весной и осенью работали на полях, а летом на лесопильне. Мы и не знали, что это Монголия. На этой стороне Чикоя пасли скот, а на той стороне реки косили сено. Так жили мы. А в пятидесятом все на железную дорогу переехали. Кто в Сухэ-Батор, кто в Дзунхару, Дархан, Орхон, в Баруун-Хара, но сейчас там никого нет (Г. С., муж., 80 лет).

История русской Корнаковки такова. В конце 1880-х годов кяхтинские купцы Корнаковы уехали в Монголию и поселились на берегу реки Иро, основав земледельческую факторию. Журналист пишет: «Вы здесь видите дворик чистенький, правильный, словом, настоящий русский помещичий дворик… водруженный крест распятия, заставляют вас громко произнести “здесь русский дух, здесь Русью пахнет”» [Байкал, 1904: 2]. Е.М. Даревская также отмечает, что «это

была небольшая сибирская деревня с мужиками и бабами, крестьянскими детьми, с сибирскими избами, деревянными изгородями, где жили 23 семьи чикойских крестьян-староверов» [Даревская, 1994: 18]. В настоящее время село не сохранилось. Известно, что Августина Дмитриевна Корнакова, как и многие кяхтинские купцы, хорошо знала монгольский язык и свободно ездила в Монголию. В ее этнографических очерках содержатся ценные для нас сведения об интенсивных этнокультурных контактах: «Ежедневно у нас бывает не менее 10–15 человек монголов, кто по делу, кто на перепутье выпить чашку чая, кто повидаться с другими или обменяться впечатлениями и слухами. Одним словом, мы невольно живем общими с ними интересами» (цит по: [Сергеева, 2015: 122].

Вторая переселенческая волна среди жителей приграничных русских поселений была вызвана деятельностью советско-монгольских золотодобывающих предприятий, которые развернулись в бассейне реки Еро. Русские жители приграничной полосы составляли основной контингент всех приисковых наемных рабочих, а после оформления демаркационной линии между МНР и СССР в 1928 г. некоторые русские села оказались на территории Монголии. В 1930-е годы период коллективизации породил третью волну миграции из СССР.

Автобиографические нарративы представителей старшего поколения общины «местнорусских» Монголии проливают свет на языковую жизнь в среде русских старожилов Забайкалья, обосновавшихся в пределах новой родины. Ко времени исхода с родных пределов, «местнорусские» были носителями русских старожильческих говоров Забайкалья, характерной чертой которых являлось соединение языковых черт северного и южного русских наречий с включением в них языковых особенностей автохтонного населения Забайкалья. Как свидетельствуют наши информанты, в 30-е годы XX в. повседневный быт русских поселений в Монголии мало чем отличался от уклада жизни русских старожилов Забайкалья. Воспоминания людей, родившихся уже вне России, позволяют увидеть особенности функционирования русского языка в 30-е годы XX в. вне метрополии, понять, как именно жил родной язык в условиях иноязычного окружения.

Я же росла в деревне русской Бельчир, большая деревня была. Все русские жили. В семье разговаривали на русском. Монголы сами по себе, мы жили сами по себе. Мы их и не видели. Коренны-то монголы жили в худоне. Раньше все по-русски было! Я до сей поры плохо монгольский понимаю. Знаю несколько слов, но это уже когда я большенька была, стала немного понимать по-ихнему. А дома-то нее... Не говорили. А зачем? Нас у родителей четверо было, один скончался. Мама нас троих поднимала, пока отец не вернулся с фронта. Отца только в сорок втором году призвали, так как он работал комбайнером. Помню, как провожали его. На телеги мужчин посадили и повезли в Сухэ-Батор. Помню, как отец вернулся с войны. Когда

папка зашел, мама печь русскую выгребала. Это ж какое было счастье, дождаться отца. Многие, очень многие не дождались. До сей поры помню этот день. Такое не забыть! (В. Т., жен., 82 года).

Автобиографические нарративы свидетельствуют, что языковая ситуация в среде русских старожилов была монокомпонентной. В семейно-бытовой сфере функционировал родной русский язык. В воспоминаниях русских старожилов Монголии прослеживается патриотизм, высокая степень языковой лояльности по отношению к родному русскому языку.

Воспитывали нас в любви ко всему русскому, к своей Родине. В 1939 году мы тогда переехали в городок Алтанбулак, я пошла в советскую школу. Когда я перешла в третий класс, в это время началась Великая Отечественная война. В 1942 году осенью двух моих братьев взяли в Красную Армию. Они оба были на фронте, к счастью, оба остались живы. Тяжело было слушать плохие новости по радио. Но самое страшное было смотреть на страдания мамы, когда подолгу не было писем от братьев. Никому не желаю такое пережить… Счастью не было предела, когда Красная Армия прогнала фашистов с нашей земли. Мы ненавидели Америку и Англию за то, что они не открывали второй фронт. Мы гордились, что наша Родина – Совесткий Союз! (М. Т., жен., 84 года).

В воспоминаниях о 40-х годах XX в. прослеживаются упоминания о представителях других этносов, что свидетельствует об этнической пестроте Монголии; но можно предположить, что активные русско-монгольские языковые контакты в этот период еще не носили массовый характер.

Как со стороны России перевалишь через Хэнтэйский хребет, оказываешься в местности Мунгэн морьт, это с южной стороны по реке Менза. Монголы называют ее Мендж гол… Переводится как бобровая река. Там всегда жили буряты, а с северной, с российской стороны, в Мензе жили казаки. Дружили с бурятами, помогали друг другу. В 50- е годы бабушка моя, еще молодая тогда была, все любила ездить к ним. Бабушка была очень сильная. Метко стреляла. Охотилась. Как-то они нашли слиток золота. Отец не разрешил ей взять. Моя бабушка говорила: «Поедешь на Онон, на Керулен, встретишь там бурят, скажи, что ты Евгешкиной девки внук. Тебя там все примут». Буряты и монголы так и звали мою бабушку – «Евгешкина девка» (А. Т., муж., 64 года).

Опираясь на эмпирический материал, можно предположить, что только к середине XX в. наметились тенденции в изменении набора языков и их функций. Молодое поколение, родившееся в Монголии, в общении со сверстниками начинает осваивать монгольский язык.

В 1956 году мы всей гурьбой пошли поступать в Монгольский университет. Мы из консульского поселка никто не знал языка, все русские получили двойки, но тем не менее нас всех

до единого зачислили по одному в группу с монгольскими студентами. Я потом поняла, что это правильно. Обучение в медицинском велось на русском языке. Вся литература была на русском. Мы помогали монгольским ребятам, кто не знал русского… И работать мне было трудно с моим монгольским, так как я за пять лет учебы, так и не овладела языком, могла общаться только на бытовом уровне. Но со мной рядом всегда был мой муж Юрий с хорошим знанием монгольского (С. А., жен., 74 года).

В социолингвистическом плане информативны автобиографические нарративы выходцев из смешанных русско-китайских семей, появившихся в 1930-е годы в русско-монгольском приграничье. В таких смешанных семьях определяющую роль в сохранении русских традиций, родного русского языка сыграли матери – хранительницы русской старины. Нарративы русских старожилов Монголии свидетельствуют, что в смешанных семьях русский язык являлся основным языком внутрисемейного общения. Вместе с тем следует отметить, что в их воспоминаниях имеют место отдельные лексические единицы, свидетельствующие о русско-китайских языковых контактах. Например: *твоя корефана куда ходи?* Допуская факт использования лексики пиджина во внутрисемейном общении в русско-китайских смешанных семьях, отметим, что он не становился языком общения, поскольку в системе школьного образования дети овладевали литературной формой русского языка. В социолингвистических работах также отмечается, что «в местах новых поселений русские…не имели традиции общения с китайцами на пиджине [Жданова, 2016: 40].

Где вот не запрещали китайцам жены говорить по-китайски, то в таких семьях дети говорили по-китайски. Кто из китайцев жил с русскими женами, брали русские фамилии. Они фамилии жен брали почему-то. Вот, например, дядя Коля Кривогорнищев, а ее тетка Василина звали. Это ее фамилия-то. Для нас это было естественно. Дома мы говорили только на русском языке. Все было строго, по распорядку, шторки у мамы всегда накрахмалены, дома чистота, все блестит. Видимо, такие были властные женщины-сибирячки. Как-то же они сумели поставить себя? Все было по-русски (С. Н., жен., 75 лет).

В социалистический период монгольской истории произошли значительные изменения в языковой жизни русских старожилов Монголии, основной причиной которых стало исчезновение русских сел на территории Монголии. В 1949 г. в связи с подписанием Соглашения между правительствами СССР и МНР о создании Акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД) население русских деревень Селенгинского аймака стали переселять в поселки вдоль железной дороги (Сухэ-Батор, Зунхара, Мандал и др.). В сложившейся ситуации жители новых русских рабочих поселков уже не могли составлять единый языковой континуум, происходило вытеснение ярких диалектных черт, особенно в русской речи молодого поколения.

Система школьного образования способствовала овладению литературной формой русского языка. Популярность русского языка в монгольской среде, его функционирование в монгольских образовательных учреждениях тоже способствовали закреплению его литературного узуса в среде русских старожилов Монголии.

Оценивая современность, монгольские лингвисты пишут: «В диалоге языков русский язык по популярности и престижности пока занимает второе после английского языка место. В условиях языковой конкуренции существует вероятность его вытеснения другими важными иностранными языками азиатско-тихоокеанского региона (китайский, корейский, японский)» [Саранцацрал, 2021: 18]. В начале XXI в., несмотря на стремительное сокращение сфер функционирования русского языка в Монголии, он сохраняет свои позиции в обучении, в научной переписке, в периодической печати, в культуре и самодеятельности, в пропаганде и в церковной деятельности [Одонтуяа, 2023:45].

В целях сравнения с современными данными монгольских коллег приведем результаты социолингвистического обследования, проведенного нами в 2014 г. Анкетированием были охвачены русские старожилы, жители г. Улан-Батора, поскольку подавляющее их большинство проживали и проживают в настоящее время в монгольской столице. Генеральную совокупность в 2014 г. составляла общая численность русской общины – 965 чел. [Кручкин, 1994: 18]. В данном обследовании приняло участие 60 чел., что составляет 5,1 % от общего числа соотечественников, что считается «вполне удовлетворительным, чтобы судить о надежности данных» [Беликов и др., 2001: 57]. Выборка при анкетировании охватывала все поколения генеральной совокупности. Таким образом, возрастная структура респондентов распределилась следующим образом: старше 60 лет – 24 %; с 30 до 59 лет – 50 %; учащиеся и студенческая молодежь до 29 лет – 26 %. Из числа участников опроса лиц мужского пола – 40 %; женщин – 60 %. Ответили, что являются гражданами РФ 88 % опрошенных. Гражданство Монголии имеют 12 % респондентов, это в основном молодые люди из смешанных монголо-русских семей. Указали, что отцы являются монголами 12 % опрошенной молодежи, матери – 2 %. Примечательно, что на вопрос «кем вы себя ощущаете?» ответили «русским и монголом одновременно» – 10 %, монголом – 2 %, остальные 88 % участников анкетирования ответили, что считают себя русскими. В этой группе 24 % опрошенных указали себя потомками китайско-русских семей во втором и третьем поколениях. Соотнося наши данные с результатами социолингвистического опроса, сделанного монгольскими коллегами в 2021 г., согласимся, что, действительно, существует «вероятность его вытеснения другими важными иностранными языками» [Саранцацрал, 2021: 18].

Данные, полученные нами в Селенгинском аймаке в августе 2023 г., также показывают, что информанты, с которыми нам удалось побеседовать, в той или иной мере владели

монгольским языком. Чем моложе были русские информанты, тем выше был их уровень владения монгольским языком. В единичных случаях среди представителей старшего поколения встречались такие, которые только понимали монгольскую речь. Нарративный материал, записанный нами во время полевых исследований в 2024 г., проливает свет на современные тенденции в языковой ситуации в среде русских старожилов Монголии.

Сейчас хуже положение стало, чем в советское время. Русского нормального здесь больше не будет. Русская речь у нашей молодежи бедная. На работе русский язык не нужен, только монгольский или английский. Так я думаю, хорошо, что они хоть говорят по-русски на бытовом уровне (Т.Ш., жен., 57 лет).

В большинстве своем молодые люди из среды русских старожилов Монголии двуязычны, т.е. способны к «активной устойчивой коммуникации на двух или нескольких языках, один из которых является в жизни индивида функционально основным» [Пуссинен, 2011: 35]. Русско-монгольское и монголо-русское двуязычие у них проявляется в переключении и смешении кодов. В автобиографических нарративах «местнорусских» отмечаются заимствования из монгольского языка, обозначающие культурные реалии доминирующего этноса.

Бабушка из тайменя пирог рыбный делала. А еще она его засаливала. Завернет в мешковину, затянет сильно, а на завтра можно уже есть. Вкуснотища! Она у меня все хулту варила. При простуде очень хорошо помогает. Надо измельчить рыбу, картошку добавить, лук. Вот тебе и хулта. А цумугун какой вкусный! Ты не путай, это в костях цумугун, а в леденцах чумуг. В детстве, помню, сядем с бабушкой на тыргу и едем в Убулун черемуху собирать. Раньше китайцы все ездили на ильдигушках, а мы на тыргах. Одна знакомая брачеха там жила. Она потом в Дзунхаре на Гахайке долго жила, свиней пасла. А в каком хашане они жили, не помню (Т.А., муж., 67 лет).

Иноязычное слово употребляется как полноправный элемент русского текста, без перевода его на русский язык. Например: *На горе, на горочке стояли две монголочки. У них гутулы лаковы, а дэли одинаковы.*

4. Заключение

Таким образом, автобиографические нарративы русских старожилов Монголии обнаруживают, что в начальный период становления русской общины в Монголии родной язык являлся единственным языком внутригруппового общения. В период социализма языковая политика монгольского государства способствовала поддержанию литературного узуса русского языка. Изучение русского языка в качестве обязательной дисциплины в учебных заведениях Монголии не только стало основой широкого его распространения в Монголии, но и

во многом способствовало его сохранению в среде «местнорусских». Современная языковая ситуация в среде русской общины характеризуется тем, что русский язык остается основным языком общения в семейно-бытовой сфере. Нарративы молодых потомков русского старожильческого населения Монголии свидетельствуют об изменениях в наборе функций контактирующих монгольского и русского языков. Для молодежной среды характерен билингвизм при сохранении родного русского языка в семейно-бытовой сфере. Нарративный материал показывает, что оценочные параметры коммуникативной пригодности родного идиома, его эстетической ценности и престижности остаются высокими. В родную речь русских старожилов Монголии активно включаются заимствования из мажоритарного языка, главным образом лексемы, обозначающие культурные реалии доминирующего этноса.

Литература

Байкал // Троицкосавск Забайкальской области. Типография И.А. Лушникова**,** 1904. № 65. С. 2. Режим доступа: https://vtome.ru/jurnali/jgumanitarnie/61138-arhiv-gazety-baykal-za-1904-god-77-nomerov.html Дата обращения: 2.10.2022.

Беликов В.И., Крысин, Л.П. (2001) Социолингвистика. М.: РГГУ. 440 с.

Брокмейер Й., Харре, Р. (2000) Нарратив: Проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. № 3. С. 29–42.

Даревская (1994) Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 273.

Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд С. (2023) Русский язык как иностранный в образовательном пространстве Монголии: Компетенции, лояльность, установки // Социолингвистика. № 1 (13).

Жданова Н.А. (2016) Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: на материале китайского этнолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 18 с.

Жуков А.В. (2014) Социокультурная среда Забайкалья: Забайкальские казаки и их потомки. Чита: ЗабГУ. С. 133.

Земская Е.А. (2000) Речевой портрет эмигрантки первой волны // Русский язык сегодня. М. С. 119.

Константинов (2009) История Забайкалья (с древнейших времен до 1917). Чита: ЗабГУ. 310 с.

Кручкин Ю.Н. (1994) Монголия: энциклопедический справочник. Улан-Батор: Хас-банк. 1021 с.

Кручкин Ю.Н. (2011) Россияне в Монголии // Современная Монголия: Энциклопедический справочник. Улан-Батор: Хас Банк. С. 795.

Одонтуяа Л. (2023) Двуязычие и русская диаспора Монголии //Язык и культура. С. 32–46. Режим доступа: https://www.ff.unipo.sk/jak/5354_2023/ Luvsanbaldan_Odontujaa_ studia.pdf Дата обращения: 4.10. 2023.

Петрова Е.В. (1999) Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 117.

Птицын (1912) Тамир. Русская община на границах Монголии // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы.Т.6 (1894). С. 668–684.

Пуссинен О. (2011) Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально не первого // Языки соседей: Мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. СПб.: ЕУСПб. С. 35.

Рогова А.С. (2010) Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания. № 4. С. 30.

Саранцацрал (2021) Русский язык в системе образования Монголии: состояние, динамика проблемы /Социолингвистика. №1(5). С. 31.

Свечников (1912) Русские в Монголии.Спб: тип-лит «Энергия». 150 с.

*Сергеева Е.Н. (*2015) Авгу-Багши: Жизнеописание Августы Дмитриевны Корнаковой в кругу Шевелевых, Бринеров, Токмаковых и ее этнографические работы о Монголии. Владивосток. 200 с.

Спиридонова (2007) Региональная культура: диалектика локального и универсального (по материалам Восточного Забайкалья): дис.... канд.культурологии. Чита: ЗабГУ. 187 с.

Томпсон П. (2003) Голос Прошлого: Устная история / Пер. с англ. М.: Весь мир. 368 с.

Ярошевский (1990) Местнорусские Монголии.Эхо планеты №9 (110) 5-11 мая. С. 26–28.

Ярская-Смирнова Е.Р. (1997) Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. № 3. С. 38–61.

Labov (2007) Narrative pre-construction. In Michael Bamberg (ed.) Narrative: State of the Art. Philadelphia, Pennsylvania/Amsterdam, The Netherlands: John Benjamins Publishing Company. 47–56.

References

Baikal Troitskosavsk Zabaikalskoi oblasti. Tipografiia I.A. Lushnikova [Troitskosavsk Zabaikalskaya oblast. Printing house I.A. Lushnikova] 1904. No. 65. Pp. 2. Available at: https:// vtome.ru/jurnali/jgumanitarnie/61138-arhiv-gazety-baykal-za-1904-god-77-nomerov. html Access date: 02.10.2022. (In Russ.)

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) Sociolinguistika [Sociolinguistics]. M.: RGGU. 440 p. (In Russ.)

Brokmeier, Y., Kharre, R. (2000) Narrativ: Problemi i obeschaniya odnoy alternativnoy paradigm [Narrative: The challenges and promises of one alternative paradigm] // Voprosy philosophii. No. 3. Pp. 29–42. (In Russ.)

Czerenchimed, Saranczaczral (2021) Russkij yazyk v sisteme obrazovaniya Mongolii: sostoyanie, dinamika, problemy/Sociolingvistika. No.1(5). [Russian in Mongolian Education System: state, dynamics, problems/ Sociolinguistics. No.1(5)]. 31 p. (In Russ.)

Darevskaya, E.M. (1994) Sibir` i Mongoliya: Ocherki russko-mongol`skix svyazej v konce XIX nachale XX vekov [Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian Relations in the late XIX-early XX centuries]. Irkutsk. 2003. 273 p. (In Russ.)

Dyrkheeva, G.A., Tsybenova, Ch.S., Tserenchimed Sarancacral (2023) Russkii yazyk kak inostrannyi v obrazovatelnom prostranstve Mongolii: Kompetentsii loialnost ustanovki [Russian as a foreign language in the educational space of Mongolia: Competencies, loyalty, attitudes] // Sotsiolingvistika. No.1 (13). Pp. 31. (In Russ.)

Konstantinov, A.V. (2009) Istoriya Zabajkal`ya (s drevnejshix vremen do 1917). [The history of Transbaikalia (from ancient times to 1917)]. Chita: Zabspu. 310 p. (In Russ.)

Kruchkin, U.N. (1994) Mongoliya: e`nciklopedicheskij spravochnik. [Mongolia: an encyclopedic reference]. Ulan-Bator: Xas-bank. 1021 p. (In Russ.)

Kruchkin, U.N. (2011) Rossiyane v Mongolii [Russians in Mongolia] // Sovremennaya Mongoliya. Ulan-Bator: Has Bank. Pp. 795. (In Russ.)

Odontuyaa, L. (2023) Dvuiazychie i russkaia diaspora Mongolii [Bilingualism and the Russian Diaspora in Mongolia] // Language and culture. Pp. 32–46. Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/5354_2023/Luvsanbaldan_Odontujaa_studia.pdf Access date: 04.10.2023. (In Russ.)

Petrova, E.V. (1999) Sotsiokulturnaia adaptatsiia semeiskikh Zabaikalia [Socio-cultural adaptation of the Transbaikalian families]. Ulan-Ude. Pp. 117. (In Russ.)

Pticyn, V.V. (1912) Tamir. Russkaya obshhina na graniczax Mongolii\\Vestnik Evropy`. Zhurnal istorii, politiki, literatury. (1894) [Tamir. The Russian community on the borders of

Mongolia\\ Bulletin of Europe. Journal of History, Politics, Literature (1894)]. Pp. 668–684. (In Russ.)

Pussinen, O. (2011) Tipy kommunikativnykh neudach pri vladenii russkim iazykom v kachestve funktsionalno ne pervogo [Types of communicative failures in Russian language proficiency as a functionally non-first language] // Yazyki sosedei: Mosty ili bariery? Problemy dvuiazychnoi kommunikatsii. SPb. Pp. 35. (In Russ.)

Rogova, A.S. (2010) Osobennosti yazykovogo povedeniia russkoiazychnykh immigrantov v russko-norvezhskom prigranichе [Peculiarities of the linguistic behavior of Russian-speaking immigrants in the Russian-Norwegian border area] // Voprosy yazikoznaniya No. 4. Pp. 30. (In Russ.)

Sergeeva, E.N. (2015) Avgu-Bagshi: ZHizneopisanie Avgusty Dmitrievny Kornakovoi v krugu SHevelevykh Brinerov Tokmakovykh i ee etnograficheskie raboty o Mongolii [Avgu-Bakshi: The biography of Augusta Dmitrievna Kornakova in the circle of the Shevelevs, Brinners, Tokmakovs and her ethnographic works on Mongolia]. Vladivostok. 200 p. (In Russ.)

Spiridonova, A.V. (2007) Regional`naya kul`tura: dialektika lokal`nogo i universal`nogo (po materialam Vostochnogo Zabajkaliya). [Regional culture: the dialectic of local and universal (based on the materials of the Eastern Transbaikalia)] Chita: Zabspu. 187 p. (In Russ.)

Svechnikov, A.P. (1912) Russkie v Mongolii. [Russians in Mongolia]. Spb: tip-lit «E`nergiya». 150 p. (In Russ.)

Thompson, P. (2003) The voice of the past: Oral History / Per. s angl. M. 368 p. (In Russ.)

Yaroshevskij, V. (1990) Mestnorusskie Mongolii. [Local Russian Mongolia] Ekho planety №9 (110) 5-11 May. Pp. 26–28. (In Russ.)

Yarskaya-Smirnova, E.R. (1997) Narrativnyi analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology] // The Sociological Journa. No. 3. Pp. 38–61. (In Russ.)

Zemskaya, E.A. (2000) Rechevoi portret emigrantki pervoi volny [A speech portrait of an emigrant of the first wave] // Russii yazyk segodnya. M. P. 119. (In Russ.)

Zhdanova, N.A. (2016) Sovremennyi russko-kitaiskii pidzhin Zabaikalia v strukturno-sistemnom i kommunikativnom aspektakh: Na materiale kitaiskogo etnolekta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Modern Russian-Chinese Pidgin of Transbaikalia in structural, systemic and communicative aspects: Based on the material of the Chinese ethnolect]. Ulan-Ude. 18 p. (In Russ.)

Zhukov, A.V. (2014) Sotsiokulturnaia sreda Zabaikalia: Zabaikalskie kazaki i ikh potomki [The socio-cultural environment of Transbaikalia: Trans-Baikal Cossacks and their descendants]. Chita: Zabspu. Pp. 133. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)».

Сундуева Дина Борисовна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30.
https://orcid.org/0009-0005-0623-9164
Адрес: 672039, Российская Федерация, г. Чита, Александро-Заводская, 30.
Эл. адрес: dina-sundueva@yandex.ru

Dina B. Sundueva – professor, doctorate of Cultural Studies, Transbaikal State University, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0005-0623-9164
Address: Aleksandro-Zavodskaya str. 20, Chita, Russian Federation, 672039
Email: dina-sundueva@yandex.ru

Для цитирования: *Сундуева Д.Б.* Автобиографические нарративы русского старожильческого населения Монголии: Опыт социолингвистического прочтения // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 71–84. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-71-84

For citation: *Sundueva, D.B.* Autobiographical narratives of Russian old-resident population of Mongolia: experience of sociolinguistic reading // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 71–84. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-71-84

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 24.09.2024;
approved after reviewing 16.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

УДК 81’272 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-85-105

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ ЯКУТИИ: ЯЗЫКОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Ирена С. Хохолова
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Виктория В. Филиппова
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Годонимы служат языком ландшафта, наглядно показывающим языковую ситуацию изучаемой местности, а тем самым функционирование языков. Проведено исследование, включающее лингвосемантический анализ более пятисот топонимических примеров, раскрывающих язык топонимических систем российских северных городов. Решающим моментом в построении многомерного городского текста является сочетание взаимосвязанных политически мотивированных пространственных процессов, которые включают политические идеологии, в том числе и языковую идеологию, маркеры этнической идентичности. В символическом пространстве северных городов русский язык является доминирующим. Большинство годонимов северных городов советского периода преимущественно наименовано в честь персоналий, сыгравших определенную роль в развитии советской и российской политики, культуры, искусства и науки, а также событий, связанных с советским народом, где советскость «стирает» этнические принадлежности многонациональной страны. После распада СССР, с середины 1990-х годов, в г. Якутске функционирование якутского языка как второго государственного языка начинает отражаться в годонимах, представляющих культуру коренных этносов. Якутский язык начинает «конкурировать» с русским языком, прорастая в периферии города как маркер национальной идентичности, возросшей за счет урбанизации. Основную специфику в символическом пространстве промышленного города Мирного, алмазной столицы России, с функционированием русского языка как доминантного представляют годонимы, связанные с добычей алмазов, основанием самого города вокруг алмазного месторождения, с личностями, посвятившими себя покорению тайги, строительству дорог, открытию недр, становлению промышленности в СССР в 1950-е годы.

***Ключевые слова**: языковая политика, годонимы, топонимы, языковая идеология, политическая идеология, СССР, коренные народы Севера*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© И.С. Хохолова, В.В. Филиппова, 2024

CULTURAL LANDSCAPE OF THE NORTHERN CITIES OF YAKUTIA: LINGUISTIC AND POLITICAL CONTEXT

Irena S. Khokholova
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Viktoriya V. Filippova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Godonyms serve as the language of the landscape, clearly showing the linguistic situation of the studied area, and thus the functioning of languages. A study has been conducted that includes a linguosemantic analysis of more than five hundred toponymic examples that reveal the language of the toponymic systems of Russian northern cities. In the symbolic space of the northern cities, Russian is the dominant language. Most of the names of the northern cities of the Soviet period are mainly named after personalities who played a role in the development of Soviet and Russian politics, culture, art and science, and events related to the Soviet people, where Sovietism "erases" the ethnicities of a multinational country. After the collapse of the USSR, since the mid-1990s in Yakutsk, the functioning of the Yakut language as the second state language begins to be reflected in the godonyms representing the culture of indigenous ethnic groups. The Yakut language begins to "compete" with the Russian language, sprouting in the periphery of the city as a marker of national identity, which has increased due to urbanization. The main specifics in the symbolic space of the industrial city of Mirny, the diamond capital of Russia, with the functioning of Russian as the dominant language, are the place names associated with diamond mining, the foundation of the city itself around the diamond deposit, personalities, professions dedicated to the conquest of the taiga, road construction, the discovery of mineral resources, the formation of industry in the USSR in the 1950s.

***Keywords**: language policy, place names, toponyms, linguistic ideology, political ideology, USSR, indigenous peoples of the North*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Irena S. Khokholova, Viktoriya V. Filippova, 2024

1. Введение

Значимость данного исследования обусловлена тем, что топонимы имеют ключевое значение в формировании памяти и идентичности людей; они представляют собой фоновые знания о языке и культуре, которые отражают многослойную историю этноса. Поэтому в условиях многоязычного городского пространства существует необходимость упорядочивания и нормативно-правового регулирования языковых процессов в использовании географических названий.

Одним из инструментов, позволяющих проанализировать данные процессы, являются топонимы [Басик, 2018]. В условиях полипарадигмальности научного знания и применения в геокультурных исследованиях теоретических и методических подходов различных социальных, социолингвистических дисциплин появляется возможность по-новому интерпретировать

социальные, политические и экономические процессы, происходящие в общественных территориальных системах различного уровня. Переход от традиционного ономастического подхода к анализу пространственной политики наименования действительно может дать более глубокое понимание того, как политические, социальные и экономические процессы влияют на особенности наименования местного ландшафта. Это открывает новые горизонты для исследований, включая вопросы идентичности, власти и культурной памяти.

Целью статьи является выявление роли политической и языковой идеологий в номинации годонимов на примере северных городов Якутска и Мирного.

Выбор городов как объекта исследования обусловлен тем, что эти два города являются самыми крупными в Якутии, отличающимися по численности жителей и плотности населения, разнородностью градообразующих отраслей, связей между отраслевой структурой экономики и занятостью, а также историей их формирования.

2. Исследования по критической топонимике и топонимической политике

В начале XXI в. многие топонимические исследования сосредоточились на критическом и политическом подходах. Используя достижения критической социальной теории, специалисты добились значительных успехов в объяснении мотивов и допущений, связанных с наименованием топообъектов. Это способствовало осмыслению процессов, относящихся к пересмотру некоторых номинативных тенденций [Мартыненко, 2021].

Критическая топонимика тесно связана с политической топонимикой, но на данный момент нет общепризнанного четкого определения ни одного, ни другого из упомянутых научных направлений. При этом критико-топонимический и политико-топонимический подходы в исследованиях часто переплетаются ввиду того, что изучение политической топонимики требует более критического подхода с точки зрения масштабов, и оно существенным образом касается языковой политики [Там же].

Топонимическая политика имеет дело с так называемыми официальными топонимами – именами, которые предназначены в первую очередь для использования в сфере деловой коммуникации. Такие топонимы вне зависимости от того, были ли они созданы в ситуации именования нового объекта или выбраны из набора некоторых вариантов, бытующих в употреблении для закрепления в качестве основных, фиксируются в текстах предписывающего характера. На первом этапе это тексты административных документов: указов, постановлений и т.п.. Их дополняют тексты нормативные, нормативно-справочные, нормативно-технические, к которым относятся реестры, классификаторы, карты, атласы, справочники, словари, адресные книги и т.д. [Голомидова, 2018: 45].

В последние десятилетия в области топонимических исследований наблюдается значительный сдвиг в сторону критического подхода, который акцентирует внимание на анализе процессов наименования и переименования географических объектов и территориальных единиц. Этот подход подчеркивает, что названия мест не являются нейтральными или случайными, они глубоко укоренены в социальных контекстах и отражают сложные взаимодействия между культурными, политическими и историческими факторами. В этом ключе мы неизбежно сталкиваемся с правовым регулированием языковых процессов, в СССР зачастую не учитывавшим такие важные социальные факторы, как этническая идентичность, культурные ориентации и предпочтения этнических групп, стремление развития их этнических языков при планировании функций языков [Биткеева и др., 2020: 36].

Критический анализ топонимов позволяет выявить, как именно названия могут служить инструментами власти, способствуя навязыванию определенных политических и культурных нарративов. Например, переименование улиц или площадей может быть связано с попытками переписать историю, подчеркивая одни события и игнорируя другие. Это, в свою очередь, влияет на формирование коллективной идентичности, поскольку названия мест становятся символами, которые объединяют или разделяют людей в зависимости от их культурного или исторического контекста. Кроме того, топонимические практики могут способствовать социальному производству пространства. Это означает, что названия не просто обозначают географические объекты, но и формируют наше восприятие этих объектов, задавая определенные рамки для взаимодействия с окружающей средой. Например, использование определенных названий может вызывать ассоциации с историческими событиями или личными воспоминаниями, что влияет на то, как люди воспринимают и используют пространство. Таким образом, критический подход к топонимическим исследованиям не только раскрывает механизмы, с помощью которых формируются названия мест, но и подчеркивает их роль в более широком контексте социальной динамики. Он позволяет исследовать, как наименования могут быть использованы для утверждения власти, создания идентичностей и формирования общественного мнения и как они могут стать предметом споров и конфликтов в условиях изменения политической или социальной ситуации. Важно отметить, что такие исследования могут способствовать более глубокому пониманию культурного наследия и его влияния на современное общество, а также помочь в решении актуальных вопросов, связанных с идентичностью и памятью.

Первые работы по топонимике с использованием концептуальных подходов критической географии появились в англоязычной академической среде в 1980-х годах. На основе зарубежных исследований было выявлено, что топонимическая система может выступать в качестве символа национальной идентичности, установлено, какую роль играют региональная

геополитика топонимии и геополитические закономерности в современных переименованиях [Berg et al. ,2009; Rose-Redwood et al., 2010; Rose-Redwood et al., 2011; Rose- Redwood, 2016].

Ввиду того что детальный анализ развития дисциплины с конца XX в. до середины 2010-х годов проведен в диссертационной работе социолога Е.А. Терентьева, который выделил три основных подхода к критическим топонимическим исследованиям: структуралистский подход (гегемонические топонимические ландшафты, вопросы наименования и переименования географических объектов); интеракционистский подход (сопротивление топонимической власти); феноменологический подход (практики употребления топонимов в повседневной деятельности) [Терентьев, 2016], мы остановимся на последних работах, в которых применен подход критической топонимики на постсоветском пространстве. Здесь следует выделить работы С.Н. Басика [Basik, 2020: Basik, 2023]. Им предложен ряд новых направлений критического анализа в геотопонимических исследованиях постсоветского пространства: выявление универсальных закономерностей топонимического производства пространства (топонимических универсалий); исследование региональной пространственной символики топонимии; анализ современных тенденций топонимической политики и практики топонимической номинации в различных регионах и на различных уровнях, в том числе территорий с полиэтничным составом и топонимии малых народов; изучение функционирования топонимов в рамках семиотического ландшафта в контексте эмоциональной географии; анализ топонимии геоэкологических проблем и трансформации ландшафтов и роль властных структур, субъектов хозяйствования и населения в данных процессах [Басик, 2018].

Большой интерес представляют работы Н.А. Мамонтовой, посвященные концептуализации пространства, места и ландшафта в языках коренных народов [Мамонтова, 2019], а также включению топонимов коренных народов в картографическое представление государства [Mamontova, 2022]. В исследованиях, которые непосредственно касаются рассматриваемого региона и его городов, можно увидеть работы, где авторы данной статьи выступают в роли соавторов. В работе, посвященной пространственной семантике города Якутска как компонента культурного ландшафта, на основе теоретических подходов Тартуско-Московской школы семиотики, научных традиций постсоветской культурной (или так называемой гуманитарной) географии и современных критических исследований топонимики авторами эмпирически показана взаимосвязь, взаимодействие и позиционирование трех культур: якутской, русской и советской [Lavrenova et al., 2023]. Одной из последних работ по критической топонимии является статья, в которой представлена эволюция отношений между местными названиями коренных народов и официальными географическими названиями в трех

исторических периодах (1920-е годы, 1950-е годы и настоящее время) на примере гидронимов Южной Якутии и севера Амурской области [Mamontova et al., 2024].

Резюмируя, можно сказать, что критическая топонимика – это направление в исследовании географических названий, которое акцентирует внимание на социальном, политическом и культурном контексте, в котором они используются и воспринимаются. Этот подход предполагает анализ топонимов (географических названий) не только как нейтральных маркеров местоположения, но и как значимых символов, которые могут отражать историю власти, колониализм, идентичность и социальные отношения. Топонимическая политика же является частью критической топонимики и представляет собой многогранную деятельность, включающую в себя не только практические аспекты, но и организационные, правовые, научные и методические компоненты. Топонимическая политика прежде всего формирует правила и нормы, касающиеся присвоения и использования географических названий, где важная роль отводится уполномоченным органам и специалистам. Также следует учитывать, что топонимическая политика неразрывно связана с вопросами идентичности и исторической памяти. Названия мест не только обозначают географические объекты, но и отражают культурные, исторические и социальные аспекты жизни общества. Поэтому изменения в топонимической политике могут вызвать общественные споры и дискуссии, особенно когда речь идет о переименовании объектов, связанных с определенными историческими событиями или личностями. Таким образом, топонимическая политика – это не просто набор правил и норм, а целая система, которая требует комплексного подхода и учета множества факторов. Она играет важную роль в формировании общественного сознания и культурной идентичности, а также в организации пространства и управления им.

3. Результаты исследования

Языковая политика Советского Союза развивалась на протяжении нескольких периодов, демонстрируя изменения в государственном подходе к вопросам этнической идентичности. В первые годы существования СССР государство оказывало активную поддержку народам и их языкам. Однако с течением времени произошел языковой сдвиг: несмотря на декларируемое равенство всех языков, русский язык стал доминировать. Масштабные переименования географических объектов в Советском Союзе были не просто административной процедурой, а мощным инструментом идеологического воздействия, призванным перекроить общественное сознание и стереть следы прошлого. Главной движущей силой этих изменений было убеждение в политической функции топонимов – названий географических мест. Т.В. Давыдова на основании анализа нормативно-правовых актов советской власти, регулирующих сферу

административно-территориального устройства и систему наименования объектов, сделала вывод, что в СССР доминировала идеологическая направленность в политике наименования и переименования объектов, подчиненная исполнительным органам власти, что полностью соответствовало духу административно-командной системы [Давыдова, 2003].

Далее нами будет изучена взаимосвязь периодов развития языковой политики в Якутии с периодами переименования географических объектов, нормализации написания топонимов на языках народов Российской Федерации и выпуском картографических произведений (см. таблицу), и тем самым все перечисленное оказало влияние на наименование годонимов северных городов – Якутска и Мирного. В истории развития языковой политики и языкового строительства в Якутской АССР – Республике Саха (Якутия) П.А. Слепцовым несколько условно, как он сам отмечает, выделены четыре периода: 1-й – с Февральской революции до второй половины 1930-х годов; 2-й – со второй половины 1930-х до начала 1960-х годов; 3-й – с начала 1960-х до конца 1980-х годов; 4-й – с конца 1980-х годов по настоящее время [Слепцов, 2003].

Таблица 1

Взаимосвязь языковой политики с стандартизацией географических наименований и картографированием территории Якутии

Периоды	**Языковая политика в Республике Саха (Якутия)**	**Стандартизация географических наименований**	**Картографирование территории Якутии**
1917–1930-е годы	Введение обучения на родном языке; введение языка местного населения в делопроизводство; обучение работников аппарата государственных учреждений и предприятий разговорной речи и письменности коренного населения. В 1932 г. завершена работа по созданию письменности для 16 народов Севера на латинице. Публикация изданий на языках местного населения: в 1932 г были созданы первые буквари на 15 языках, с 1934 г. – первые учебники на родных языках народов Севера.	Топонимические данные собирались во время экспедиций, извлекались из дореволюционных карт, содержащих сведения о крупных географических объектах и основных населенных пунктах.	Карта Якутской Автономной Социалистической Советской Республики 1924 г. Издана Партией по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов Управления водными путями Сибири по поручению и на средства Совнаркома. Средний масштаб 1:2 500 000. Карту составлял и издание проводил А.С. Герасимов.

Вторая половина 1930-х – начало 1960-х годов	Переход обучения на русский язык, согласно постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей с первого класса». Латинские алфавиты стали заменяться кириллическими, переход в основном завершился к 1941 г. Сужение сферы функционирования родного языка как языка обучения и воспитания подрастающего поколения. Отсутствие социального заказа на родной язык обусловливалось тотальным сворачиванием всякого языкового строительства, утратой позиций, завоеванных в 1930-е годы.	Инструкция по транскрипции географических названий в Якутской АССР (1941).	Публикация карт строго контролируется ГУГК. Карта Якутской АССР на 6 листах издания Всесоюзного Картографического треста ГГУ-НКТП СССР, Академия наук СССР, совет по изучению производственных сил. Масштаб в 1 см. 20 км. Якутская АССР, ныне Республика Саха (Якутия). Главное управление геодезии и картографии МВД СССР. Москва. Масштаб: в 1 см. 15 км. Административные границы даны на 7.11.57. Карта составлена Новосибирской картографической фабрикой в 1957 г.
Начало 1960-х – конец 1980-х годов	Усугубление интенсивного сужения «сферы употребления родных языков как языка обучения и воспитания подрастающего поколения.	Инструкции по передаче на картах географических названий Якутской АССР (1963). Инструкция по передаче на картах географических наз ваний Якутской АССР. М.: [б. и.], 1966. 22 с. Инструкция по передаче на картах эвенкийских географических названий. М.: ЦНИИГАиК, 1966. 23 с. Инструкция по передаче на картах эвенских географич еских названий. М., 1966. Инструкция по русской передаче географических	Покрытие всей территории Якутии топографическими картами. Контроль издания карт все еще находится в ведении ГУГК.

		названий Якутской АССР. М.: Наука, 1976. 36 с.	
С конца 1980-х годов по настоящее время	Развертывание конструктивной языковой политики в Якутии. Разработаны важнейшие нормативно-правовые, юридические основы новой языковой политики. Закреплены государственный статус русского и якутского языков; официальный статус языков коренных малочисленных народов Севера. Массовая деятельность по возрождению языков коренных народов республики, в первую очередь в сфере образования, в сфере массовой информации, периодической печати. Разработка и принятие Закона «О языках в РС (Я)», концепции Государственной программы по возрождению, сохранению и развитию языков коренных народов РС (Я), реализации языковой политики в РС (Я).	Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. М.: Наука, 1985. 54 с. Словарь географических названий Якутской АССР. М.: [б/и], 1987. 316 с.	Приватизация картографических и аэрогеодезических предприятий в 1990-е годы практически разрушил эту отрасль, поставил основной целью извлечение прибыли, что привело к падению качества картографических изданий. К сожалению, до сих пор положение не улучшилось.

Годонимы дореволюционного периода в Якутске характеризуют эпоху царской России. Улицы дореволюционного периода в основном названы по принципу наименований исходя из географических особенностей: 1) по пространственному принципу, где по расположившимся учреждениям названы улицы; например, по церковным локусам: улицы *Монастырская, Соборная, Николо-Преображенская*; далее – наименования по местонахождению учреждений: *Казарменная, Полицейская, Правленская, Гостинодворная* и др.; 2) по рельефной морфологии: такие годонимы как *Логовая, Полевая, Набережная, Талоозерная*. Наименования по антропонимическим особенностям не были популярными, но некоторые улицы носили фамилии известных личностей, внесших вклад в развитие города, например *Громовская* улица (в честь купцов, золотопромышленников, выходцев из архангельских крестьян, активно ведших деятельность в Якутске), или известных российских личностей: *Пушкинская, Лермонтовская*.

В 1920-х годах новое советское государство инициировало политику коренизации, цель которой заключалась в устранении «буржуазных» названий, установленных царским режимом на территориях Российской Империи. В период правления Временного правительства в Якутске образовались новые органы власти, которые приступили к пересмотру наименований улиц. Старые названия, зачастую имевшие вполне нейтральное происхождение, указывая на владельца земли (например, имения помещиков), природные особенности местности (река, гора, лес) или исторические события, никак не связанные с советской идеологией, объявлялись «пережитками прошлого», «классовыми врагами» в символическом смысле. Их замена на имена революционеров, партийных деятелей, героев Гражданской войны и социалистического строительства преследовала цель не просто переименования, а активной политической пропаганды. Например, главная центральная улица города под названием *Большая* (ныне проспект Ленина) после революции была переименована на *ул. Октябрьской революции*, затем *ул. Октябрьская,* и в 1962 г. была переименована на *проспект Ленина*. Полицейская улица была переименована после революции в *Советскую*, затем в 1962 г. – *ул. Ярославского*. Интересно отметить, что не все старые названия были действительно «буржуазными» или «вредными». Многие из них имели глубокие исторические корни, отражали особенности местной культуры и идентичности. Их насильственное устранение привело к потере важной части культурного наследия, что было характерно для регионов с преобладанием коренного населения. Кроме того, частые переименования вызывали путаницу, затрудняли навигацию и картографирование, что создавало дополнительные проблемы для граждан.

Так, для устранения затруднений, создаваемых в работе правительственных органов переименованиями населенных пунктов, а также во избежание излишних финансовых расходов, Декретом ВЦИК от 9 мая 1923 г. было воспрещено без разрешения Президиума ВЦИК переименовывать населенные пункты. Вопросы наименования вновь возникающих населенных пунктов впервые были затронуты в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования вновь возникающих поселений». Декрет распределил полномочия по регистрации и утверждению наименований вновь возникающих населенных пунктов между административными отделами краевых, областных и губернских исполнительных комитетов, народными комиссариатами внутренних дел и центральными исполнительными комитетами [Дамбуев, 2015: 291].

Что касается автономных республик, в 1920–1930-х годах государственная политика способствовала интеграции языков национальных меньшинств в систему образования и в местное самоуправление. Кроме того, представители разных этнических групп были назначены на руководящие и партийные должности. Существенной частью этой инициативы стал вопрос

географической номенклатуры. Советские власти основали несколько учреждений, отвечающих за реализацию нерусской топонимической политики. Одним из таких было Бюро по транскрипции географических названий, созданное в 1932 г., которое занималось точной трансформацией и переводом названий географических объектов на языки народов СССР. В его задачи входило также присвоение названий на картах для вновь образованных национальных автономий и республик 1930-х годов, которые служили административными образованиями для нерусских народов. В 1937 г. была проведена стандартизация языков коренных народов. С созданием в 1938 г. при СНК СССР Главного управления геодезии и картографии (ГУГК) было установлено единое написание географических названий, обязательных для всех картографических учреждений в стране [Там же: 292]. Так, после революции улицы Якутска были названы на якутском языке, хотя и ненадолго, как упомянуто в работе Прокопьева В.П. [2002], нарицательно назван *Хамначитский переулок* (ранее *Карамзинская*, ныне не существует), буквально означает *Батрацкий переулок. Улица Дыгыновская* (ранее *Башенная*, ныне *переулок им. М. Жиркова*), где находилась Башня Дыгына как символ якутского острога; *Саха омукская* (ранее *Парниковский переулок*), вероятно, названа в честь культурно-просветительского общества «Саха омук» (1920–1923), движения якутской интеллигенции пророссийской ориентации, внесшей вклад в советизацию населения, активно проводя общественно-политическую и культурно-просветительскую деятельность, основавшей советскую якутскую литературу, но в конце 1920-х годов приостановившей деятельность в связи с репрессией его членов. В 1923 г. *Саха омукская* была переименована в *улицу Курашова*, в честь героя Гражданской войны в Якутии, освободившего героический гарнизон Сасыл-Сысыы.

По административной принадлежности географические названия были разделены на относящиеся к географическим объектам, расположенным в русскоязычных областях и краях РСФСР, и относящиеся к географическим объектам, расположенным в национальных республиках, краях и областях. Эти упрощенные государственные топонимические типологии определяли порядок дальнейшего картографирования и управления географическими названиями. В нем говорится, что географические названия объектов, расположенных в национальных республиках и областях, которые ранее не были транскрибированы на русском языке, теперь должны были быть транскрибированы с использованием метода фонетической транскрипции и на государственном языке соответствующей национальной административной единицы. Этот документ устанавливал приоритет топонимических данных, собранных в ходе полевых работ, над другими источниками информации, такими как старые топографические карты и официальные записи [Mamontova, 2022: 124].

В связи с переходом обучения на русский язык согласно постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей с первого класса» сузилась сфера функционирования родного языка как языка обучения, что также отразилось в именовании топонимов. Названные на якутском языке улицы Якутска (*Саха омукская, Хамначитский переулок*) имели короткую жизнь. В начале 1940-х годов Мархинская улица была переименована на *улицу Дзержинского*, *улица Заложная* на *улицу Крупской* и др. Во время Великой Отечественной войны улицы были переименованы в честь ее героев, например *улица Алданская* на *улицу Красильникова*, *улица Пролетарская – Ф. Попова* в районе Залога (сейчас застроена). В послевоенные годы (1950–1960-е гг.) традиция переименования в честь героев продолжалась в Якутске. Например, ранее *Академическая улица* была переименована и названа в честь героя СССР *В.Д. Лонгинова*, улица в окрестностях оз. Сайсары получила имя Героя СССР *Ф. Охлопкова.*

В 1950-е годы интерес к народным географическим названиям значительно возрос как в академических исследованиях, так и в прикладной топонимике. С середины 50-х годов XX в. политика государства была направлена на упорядочение наименований и переименований объектов с точки зрения официальной государственной идеологии, были установлены основополагающие принципы наименования объектов. Наряду с «Общей инструкцией по передаче географических названий на картах» (1955), устанавливающей правила написания географических названий и терминов, Отдел географических названий и картографической научной информации ГУГК выпустил отдельные инструкции для каждого языка и национальности и терминов. Несмотря на языковую политику сужения функционирования языков малых народов, в Якутске с середины 1950-х годов, в связи с реабилитацией имен героев Гражданской войны и революционеров, государственных и общественных деятелей Якутии улицы именуются в их честь. Например, с 1957 г. *улица Комсомольская* (ранее *Собранская*, затем *Клубная улица*) переименовалась на улицу *М.К. Аммосова*, в честь якутского советского государственного и партийного деятеля; *улица Студенческая* была переименована на *улицу П.А. Ойунского* – в честь якутского общественного деятеля, основоположника якутской советской литературы; *улица Интернациональная* переименовалась на *улицу Строда*, в честь советского военачальника, героя Гражданской войны.

На формирование языкового ландшафта города Мирного в большей степени повлияла история возникновения и развития самого города, связанная со становлением горной промышленности в СССР в 50-е годы XX в. Годонимы промышленного города Мирного в основном связаны с добычей алмаза. Это прежде всего географические наименования (27,7 %), служащие ориентиром в пространстве в промышленном городе (*Северная улица, 1-й Северный*

проезд, Южная улица, Фабричная улица, Площадка Хвостохранилища, Нижнепалаточная улица, Складская улица, Речной проезд, 9-я Портовая улица и др.), а также местонахождение алмазодобычи по руслу рек индигенного (эвенкийского и якутского) происхождения. Например, *Мухтуйская улица*, что означает с якутского «мох, да глина»; *Иреляхская улица, Ирелях площадка (Ирелях* переводится с эвенкийского как «тальниковая река», первое название Алмазного города, затем Мирного, одноименного по названию реки Ирелях); *Ботуобинская улица* – по наименованию притока Вилюя Малая Ботуобия, что с эвенкийского означает «костер, очаг над небесами»; *Ленская улица* – от эвенкийского *йене* «большая река»; *Вилюйская улица* – с якутского «глухая тайга, местность, заросшая лесом, кустарником»; *Сунтарская улица* – с эвенкийского «глубокое».

Группа годонимов, названных в честь известных личностей, занимает основное место (23,14 %) в языковом ландшафте города Мирного, из которых 84 % улиц, названных в честь личностей советского периода; 16 % – досоветской эпохи – известных государственных, партийных деятелей, коммунистических лидеров, военачальников, писателей и др., внесших свой вклад в историю и культуру советского и мирового общества, и только 1,85 % названий из регионального – якутского общества (*улицы Ойунского, Аммосова*). 36 % из всех годонимов названы в честь личностей, сыгравших роль в добыче алмаза в советское время (*улица Бобкова, улица Хабардина, улица Елагиной, улица Соболева, улица Солдатова* и др.).

Годонимы, названные в честь профессий, связаны также с алмазодобычей (20,37 %) – основной экономической составляющей Мирного: *Рудовозная улица, Геологическая улица, Геологическая площадка, Индустриальная улица, Заводской переулок, улица Обогатителей, Экспедиционная улица, Улица 4-я Горняков* и др.

Годонимы, названные по историческим признакам, в основном связаны с историей СССР и становлением промышленного города на основе интернационального населения: *Комсомольская улица, Майская улица, 1-й Пионерский переулок, улица 40 лет Октября, улица 40 лет ЯАССР, Интернациональная улица, улица Мира* и др. Само название города – *Мирный* – получено в связи с интернациональным составом населения города.

Группа описательных и благозвучных годонимов (13,88 %) представлена такими названиями, как *Светлая улица, Вербная улица, Семейный проезд, Уютный переулок, Молодежная улица, улица Романтиков, Весенняя улица, Осенняя улица*, что в свою очередь связано с периодом оттепели в стране.

С 1968 г. все инструкции приобрели общегосударственный статус. Инструкции по русской передаче географических названий Якутской АССР выходили в 1963, 1966 и в 1976 г. В 1985 г. вышло руководство по сбору и установлению географических названий на

топографических картах и планах, где были изложены общие правила и методы сбора и нанесения географических названий на топографических и картографических работах для карт масштаба от 1:500 до 1:1 000 000, издаваемых картографическими агентствами ГУГК. Пособие охватывает практически все аспекты документирования, картографирования, транскрипции, переименования и картографического нанесения географических названий. В нем объясняется, как должна быть организована работа с информантами и к каким источникам топонимических знаний следует обращаться в тех или иных случаях. Данное пособие отражает полувековую эволюцию прикладной политики топонимического наименования мест в СССР [Mamontova, 2022]. Данные документы не потеряли своей научной значимости и являются основополагающими руководствами и сегодня. Все эти мероприятия по систематизации топографических и картографических работ, возможно, были связаны с подготовкой и проведением Всесоюзных переписей населения в 1970 и в 1979 гг., о которой говорит В.П. Прокопьев. Были переименованы улицы, которые имели одинаковые названия в разных районах города Якутска, им были даны имена героев-летчиков, летчиков-космонавтов, что, очевидно, связано с таким научно-техническим прорывом человечества, как первый полет человека в космос (*улица Нестерова* вместо *улица Громовой*, *улица Комарова* вместо *улица Алданская*); были упразднены несуществующие сейчас улицы (*Привокзальная, Пятилетки, Романовка, Чапаева, Пугачева, Новгородова* и др.), а вновь образовавшиеся были названы в честь 50-летия Октября; были изменены названия улиц в честь революционеров, исследователей и других известных личностей, которые сыграли огромную роль в истории Якутии (революционера *В.К. Курнатовского*, этнографа *Ф. Кона*, врача *С. Мицкевича*; академика *В.В. Киренского* и др.) [Прокопьев, 2002]. Политика наименования годонимов данного периода, как и, впрочем, ранних периодов, зависит не только от политической идеологии государства, но и от языковой политики, для которой характерно интенсивное сужение функционирования родных языков коренных народов.

С конца 1980-х годов по настоящее время обозначена конструктивная языковая политика в Якутии. Разработаны важнейшие нормативно-правовые, юридические основы новой языковой политики. Закреплены государственный статус русского и якутского языков и официальный статус языков коренных малочисленных народов Севера. В конце 1990-х годов был взят курс на возврат к национальной топонимике, восстановление национальных названий на языках коренных народов Севера, отлажен механизм единой централизованной государственной регистрации и учета существующих и присваиваемых наименований географических объектов, установлены правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов. С 1992 г. были

переименованы некоторые улицы в честь известных личностей индигенного происхождения, сыгравших основную роль в жизни республики. Например, *улица 50 лет ВЛКСМ* переименована в улицу А.Е. *Кулаковского* – в честь якутского писателя, основоположника якутской литературы; переулок близ оз. Сергелях на окраине города был назван в честь *Ивана Арбиты* – якутского писателя; и параллельный ему переулок получил название *Хоро* в честь этнонима хоринцев, населяющих долину Туймаада, где расположен город Якутск.

Однако на современном этапе государственная политика в области сохранения и возрождения национальных топонимов северных народов носит исключительно декларативный характер. Созданная нормативно-правовая база и законодательное провозглашение национальных топонимов как исторического и культурного наследия народов Севера не способствует практической деятельности государства и органов власти в отношении возвращения исконных, первоначально созданных коренными народами национальных названий конкретным географическим объектам в Сибири и на Дальнем Востоке на официальном уровне со всеми вытекающими отсюда последствиями. Названия улиц индигенного происхождения в Якутске занимает примерно 5 % от всех годонимов, связанных именно с этнокультурой основной части населения, представленной саха, и распространенных в основном на окраинах города. В годонимах Якутска официальные языки республики (эвенский, эвенкийский, чукотский, долганский, юкагирский) вовсе не представлены, за исключением одного антропонима юкагирского происхождения – *улица Тэки Одулока*, основоположника юкагирской литературы, советского общественного деятеля. Преобладание названий индигенного происхождения на окраинах города Якутск О.А. Лавренова с соавторами [Lavrenova et al. Здесь встает вопрос о необходимости Здесь встает вопрос необходимости пересмотра языковой политики в целом с целью «поддержки языков как сохранение“слабых языков”, своего рода позитивной дискриминации большинства в пользу меньшинства», и следования либеральной нейтральности, которая подразумевает «создание условий, при которых носители языков сами определяют судьбу родных языков, их статус и функциональную дистрибуцию» [Биткеева и др., 2020: 42, 43].

В настоящее время правовые основы переименования географических объектов, а также нормализации, использования, регистрации, учета и сохранения наименований географических объектов как части историко-культурного наследия народов Российской Федерации установлены Федеральным законом от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (Закон о наименованиях географических объектов, 1997). 30 мая 2017 г. был принят Закон РС (Я) «О порядке рассмотрения предложений о присвоении наименований географическим объектам или о переименовании географических объектов на территории

Республики Саха (Якутия)». В списке наименований географических объектов на русском языке содержится множество недостоверной передачи названий объектов, искажающих их оригинальное топонимическое наименование на якутском и на других языках народов Якутии. На сегодня создана постоянная правительственная комиссия по вопросам административно-территориального устройства и географическим названиям Республики Саха (Якутия), в задачи которой входит осуществление по единой системе установления, нормализации, употребления, учета и сохранения наименований географических объектов, расположенных на территории Республики Саха (Якутия).

4. Заключение

С применением критического подхода к годонимам авторами не только раскрыты механизмы, с помощью которых формируются названия мест, но и прослежена их роль в динамике. Критический подход позволил исследовать, как годонимы могут выступать в качестве политического инструмента для формирования идентичностей и общественного мнения. На примере исследования принципов номинации годонимов авторами изучена роль политической и языковой идеологий в функционировании языков посредством их дистрибуции в языковом ландшафте в динамике. При этом необходимо отметить, что основным актором является власть и только потом остальные инстанции, регулирующие правовые аспекты и отвечающие за языковое оформление годонимов.

В символическом пространстве северных городов доминирующим является русский язык. В языковом ландшафте одного из крупных северных городов – г. Якутска – годонимы индигенного якутского происхождения (5 %) представлены в основном антропонимами и расположены на периферии. Годонимы на официальных языках республики (эвенском, эвенкийском, чукотском, долганском, юкагирском) в Якутске не представлены. В Мирном годонимы индигенного эвенкийского происхождения (8 %) образованы в основном по принципу номинации географических особенностей.

Полученные результаты исследования не только способствуют глубокому пониманию лингвокультурных особенностей годонимов в северных городах, но и расширяют знания о взаимосвязи между языком, культурой и городским пространством. Исследование важно для планирования и разработки городских топонимов, сохранения языкового и культурного наследия и формирования городской идентичности. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в различных областях гуманитарных знаний, включая лингвистику, социолингвистику, культурологию, географию.

Литература

Басик С. Н. (2018) Коммодификация топонимии как феномен социально-экономической и культурной географии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. № 2. С. 59–70. DOI: 10.18384/2310-7189-2018-2-59-70

Биткеева А.Н., Вингендер М. (2020) Сценарии в языковой политике России: Вопросы концепции и методологии // Социолингвистика. № 1. С. 34–53. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53.

Голомидова М.В. (1994) Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. Екатеринбург: [УрГУ]. С. 76–86. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36099/1/ez_nii_rc-1995-08.pdf Дата обращения: 04.08.2024.

Голомидова, М.В. (2018) Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: Теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. Т. 15. № 3. С. 36–61.

Давыдов, Т.В. (2003) Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: Историографический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. 22 с.

Дамбуев И.А. (2015) Советское законодательство о наименованиях географических объектов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (55). С. 290–293.

Инструкция по русской передаче географических названий Якутской АССР (1976) / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.: Наука. 36 с.

Мамонтова Н.А. (2019) Этнофизиография и исследования места и пространства среди коренных народов: Ключевые темы и обзор литературы // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 205–222.

Мартыненко И.А. (2021) Испаноязычные географические имена сквозь призму критической и политической топонимики // Известия РАН. Серия географическая. Т. 85. № 5, С. 763–772.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (1941). Ф. 50. Оп. 65. Д. 6. Инструкция по транскрипции географических названий в Якутской АССР.

Общая инструкция по передаче географических названий на картах (1955) / Сост. С.А. Тюрин; Глав. упр. геодезии и картографии МВД СССР. М.: Геодезиздат. 32 с.

Описание карты Якутской АССР 1932 г., составленной Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР [Текст] (1933) / М.Я. Кожевников, А.Г. Бауэр. Л.: Изд-во и тип. 1 картографич. ф-ки ВКТ. 66 с.

Поспелов Е.М. (2008) Географические названия России: Топонимический словарь. М.: Астрель; АСТ. 523 с.

Правила написания на картах географических названий СССР (1967) / Глав. упр. геодезии и картографии Министерства геологии СССР. 2-е изд. М.: Недра. 27 с.

Прокопьев В.П. (2002) Происхождение наименований улиц и площадей г. Якутска. Якутск: Издательство СО РАН, Якутский филиал. С. 126–144.

Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. ГКИНП 13-42-82 (Геодезические, картографические инструкции, нормы и правила) (1985). М.: Наука. 54 с.

Слепцо, П.А. (2003) Языковая политика и языковое строительство в Якутской АССР – Республике Саха (Якутия) // Республика Саха (Якутия): от автономии к современной государственности. Якутск: Бичик. С. 51–69.

Терентьев Е.А. (2016) Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик: (На примере Москвы и Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. 29 с.

Alderman, D.H., Inwood, J. (2013) Street Naming and the Politics of Belonging Spatial Injustices in the Toponymic Commemoration of Martin Luther King Jr. // Social & Cultural Geography. No. 14 (2). Pp. 211–233. DOI: 10.1080/14649365.2012.754488

Basik, S. (2020) Rethinking the Toponymic Politics in Belarus in the 20–21 Centuries: Toward the Post-Colonial Perspective // Journal of Geography, Politics and Society No. 10 (3). Pp. 5–15. DOI: 10.26881/jpgs.2020.3.02

Basik, S. (2023) Encountering Toponymic Geopolitics Place Names as a Political Instrument in the Post-Soviet States. London: Routledge.

Berg, L.D., Vuolteenaho J. (2009) Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming. Farnham, UK: Ashgate Publishing.

Lavrenova, O., Filippova, V., Khokholova, I. (2023) Reading the Siberian city-text: Spatial semantics and semiotic politics of urban toponymic landscapes in Yakutsk (Russia) // Journal of the Geographical Institute "Jovan Cvijić" SASA. No. 73 (2). Pp. 205–220. DOI: 10.2298/IJGI2302205L

Mamontova, N. (2022) Naming the Arctic and Siberia: The Role of Cartographic Agencies in the Soviet Toponymic Policy and Practice // Encountering Toponymic Geopolitics / Ed. by S. Basik. Pp. 120–136. London: Routledge.

Mamontova, N., Filippova, V. (2024) Soviet and Russia's Regimes of Spatial Inscription: A Critical Analysis of Indigenous vs Official Place Names on Maps in Siberia (1920s – 2000s) // Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization. Vol. 59. No. 1. Pp.1–16. DOI: 10.3138/cart-2023-0015

Rose-Redwood, R. (2016) Reclaim, Rename, Reoccupy: Decolonizing Place and the Reclaiming of PKOLS // ACME: An International Journal for Critical Geographies. No. 10 (1). Pp. 34–41.

Rose-Redwood, R., Alderman, *D* (2011) Critical Interventions in Political Toponymy // ACME: An International for Critical Geographies. No. 10 (1). Pp. 1–6.

Rose-Redwood, R., Alderman, D., Azaryahu M. (2010) Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies // Progress in Human Geography. No. 34 (4). Pp. 453–470. DOI: 10.1177/0309132509351042

References

Basik, S.N. (2018) Kommodifikacija toponimii kak fenomen social'no-jekonomicheskoj i kul'turnoj geografii [The commodification of toponymy as a phenomenon of socio-economic and cultural geography] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Estestvennye nauki. No. 2. Pp. 59–70. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7189-2018-2-59-70

Bitkeeva, A.N., Vingender, M. (2020) Scenarii v jazykovoj politike Rossii: Voprosy koncepcii i metodologii [Scenarios in the language policy of Russia: Issues of concept and methodology] // Sociolingvistika. No. 1. Pp. 34–53. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53 (In Russ.)

Golomidova, M.V. (1994) Urbanonimy v kontekste kul'tury sovremennogo goroda [Urbanonyms in the context of culture of a modern city] // Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoj kul'tury. Ekaterinburg: [UrGU]. Pp. 76–86. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36099/1/ez_nii_rc-1995-08.pdf. Access date: 04.08.2024. (In Russ.)

Golomidova, M.V. (2018) Toponimicheskaja politika v sfere nominacii vnutrigorodskih ob#ektov: Teoreticheskie i prikladnye problemy [Toponymic policy in the field of nomination of inner-city objects: Theoretical and applied problems] // Voprosy onomastiki. Vol. 15. No. 3. Pp. 36–61. (In Russ.)

Davydova, T.V. (2003) Toponimika severnyh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii: Istoriograficheskij aspect [Toponymy of the northern peoples of Siberia and the Russian Far East: Historiographical aspect]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09 / Sankt-Peterb. gos. un-t. SPb. 22 p. (In Russ.)

Dambuev, I.A. (2015) Sovetskoe zakonodatel'stvo o naimenovanijah geograficheskih ob'ektov [Soviet legislation on names of geographical objects] // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. No. 6 (55). Pp. 290–293. (In Russ.)

Instrukcija po russkoj peredache geograficheskih nazvanij Jakutskoj ASSR [Instructions on the Russian transfer of geographical names of the Yakut ASSR] (1976). Gl. upr. geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR. M.: Nauka. 36 p. (In Russ.)

Mamontova, N. A. (2019) Etnofiziografija i issledovanija mesta i prostranstva sredi korennyh narodov: Kljuchevye temy i obzor literatury [Ethnophysiography and research of place and space among indigenous peoples: Key topics and literature review] // Sibirskie istoricheskie issledovanija. No. 4. Pp. 205–222. (In Russ.)

Martynenko, I.A. (2021) Ispanojazychnye geograficheskie imena skvoz' prizmu kriticheskoj i politicheskoj toponimiki [Spanish-language geographical names through the prism of critical and political toponymy] // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. Vol. 85. No. 5. Pp. 763–772. (In Russ.)

Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Jakutija) [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)] (1941). F. 50. Op. 65. D. 6. Instrukcija po transkripcii geograficheskih nazvanij v Jakutskoj ASSR. (In Russ.)

Obshhaja instrukcija po peredache geograficheskih nazvanij na kartah [General instructions on the transfer of geographical names on maps] (1955) / Sost. S.A. Tjurin; Glav. upr. geodezii i kartografii MVD SSSR. M.: Geodezizdat. 32 p. (In Russ.)

Opisanie karty Jakutskoj ASSR 1932 g., sostavlennoj Sovetom po izucheniju proizvoditel'nyh sil Akademii nauk SSSR [Description of the map of the Yakut ASSR in 1932, compiled by the Council for the Study of Productive Forces of the USSR Academy of Sciences] (1933) / Ed. by M.Ja. Kozhevnikov, A.G. Baujer. L.: Izd-vo i tip. 1 kartografich. f-ki VKT. 66 p. (In Russ.)

Pospelov, E.M. (2008) Geograficheskie nazvanija Rossii: Toponimicheskij slovar' [Geographical names of Russia: Toponymic dictionary]. M.: Astrel'; AST. 523 p. (In Russ.)

Pravila napisanija na kartah geograficheskih nazvanij SSSR [Rules for writing geographical names on maps of the USSR] (1967) / Glav. upr. geodezii i kartografii Ministerstva geologii SSSR. 2nd ed. M.: Nedra. 27 p. (In Russ.)

Prokop'ev, V.P. (2002) Proishozhdenie naimenovanij ulic i ploshhadej g. Jakutska [The origin of the names of streets and squares in Yakutsk]. Yakutsk: Izdatel'stvo SO RAN, Jakutskij filial. Pp. 126–144. (In Russ.)

Rukovodstvo po sboru i ustanovleniju geograficheskih nazvanij na topograficheskih kartah i planah. GKINP 13-42-82 (Geodezicheskie, kartograficheskie instrukcii, normy i pravila) [Guidelines for the collection and establishment of geographical names on topographic maps and plans. GKINP 13-42-82 (Geodetic, cartographic instructions, norms and rules)] (1985). M.: Nauka. 54 p. (In Russ.)

Slepcov, P.A. (2003) Jazykovaja politika i jazykovoe stroitel'stvo v Jakutskoj ASSR – Respublike Saha (Jakutija) [Language policy and language construction in the Yakut ASSR – Republic of Sakha (Yakutia)] // Respublika Saha (Jakutija): Ot avtonomii k sovremennoj gosudarstvennosti. Yakutsk: Bichik. Pp. 51–69. (In Russ.)

Terent'ev, E.A. (2016) Teoretiko-metodologicheskaja konceptualizacija toponimicheskih praktik: (Na primere Moskvy i Sankt-Peterburga) [Theoretical and methodological conceptualization of toponymic practices: (On the example of Moscow and St. Petersburg)]: Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. M. 29 p. (In Russ.)

Alderman, D.H., Inwood, J. (2013) Street Naming and the Politics of Belonging: Spatial Injustices in the Toponymic Commemoration of Martin Luther King Jr. // Social & Cultural Geography. No. 14 (2). Pp. 211–233. DOI: 10.1080/14649365.2012.754488

Basik, S. (2020) Rethinking the Toponymic Politics in Belarus in the 20–21 Centuries: Toward the Post-Colonial Perspective // Journal of Geography, Politics and Society. No. 10 (3). Pp. 5–15. DOI: 10.26881/jpgs.2020.3.02

Basik, S. (2023) Encountering Toponymic Geopolitics Place Names as a Political Instrument in the Post-Soviet States. London: Routledge.

Berg, L. D., Vuolteenaho, J (2009) Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming. Farnham, UK: Ashgate Publishing.

Lavrenova, O., Filippova, V., Khokholova, I. (2023) Reading the Siberian city-text: Spatial semantics and semiotic politics of urban toponymic landscapes in Yakutsk (Russia) // Journal of the Geographical Institute "Jovan Cvijić" SASA. No. 73 (2). Pp. 205–220. DOI: 10.2298/IJGI2302205L

Mamontova, N. (2022) Naming the Arctic and Siberia: The Role of Cartographic Agencies in the Soviet Toponymic Policy and Practice // Encountering Toponymic Geopolitics / Ed. by S. Basik. Pp.120–136. London: Routledge.

Mamontova, N., Filippova, V. (2024) Soviet and Russia's Regimes of Spatial Inscription: A Critical Analysis of Indigenous vs Official Place Names on Maps in Siberia (1920s – 2000s). Cartographica // The International Journal for Geographic Information and Geovisualization. Vol. 59. No. 1. Pp.1–16. DOI: 10.3138/cart-2023-0015

Rose-Redwood, R. (2016) Reclaim, Rename, Reoccupy: Decolonizing Place and the Reclaiming of PKOLS // ACME: An International Journal for Critical Geographies. No. 10 (1). Pp. 34–41.

Rose-Redwood, R., and D. Alderman (2011) Critical Interventions in Political Toponymy // ACME: An International for Critical Geographies. No. 10 (1). Pp. 1–6.

Rose-Redwood, R., Alderman, D., Azaryahu, M. (2010) Geographies of Toponymic Inscription: New Directions in Critical Place-Name Studies // Progress in Human Geography. No. 34 (4). Pp. 453–470. DOI: 10.1177/0309132509351042

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда No. 23-28-01318 https://rscf.ru/project/23-28-01318/

The reported study was funded by No. 23-28-01318 project of Russian Sciences Foundation

Хохолова Ирена Семёновна – кандидат филологических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, научный сотрудник Института языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0003-0066-7537
Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58, каб. 812.
Эл. адрес: iskhokholova@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
https://orcid.org/0000-0002-3900-918X
Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1.
Эл. адрес: filippovav@mail.ru

Irena S. Khokholova – Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Modern Languages and International Studies, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
https://orcid.org/0000-0003-0066-7537
Address: Belinsky str. 58, off. 812, Yakutsk, Russia, 677000
E-mail: iskhokholova@mail.ru

Viktoriya V. Filippova – Candidate of History, Senior Researcher, Department of the Arctic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.
https://orcid.org/0000-0002-3900-918X
Address: Petrovskogo St. 1, 677027, Yakutsk, Russia, 677000
E-mail: Filippovav@mail.ru

Для цитирования: *Хохолова И.С., Филиппова В.В.* Культурный ландшафт северных городов Якутии: языковой и политический контекст // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 85–105. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-85-105

For citation: *Khokholova I.S., Filippova V.V.* Cultural landscape of the northern cities of Yakutia: linguistic and political context // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 85–105. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-4-20-85-105

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.08.2024;
approved after reviewing 10.10.2024;
accepted for publication 15.12.2024.

УДК 811.512.31(571.54) DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-106-118

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Баирма Ж. Цыбденова
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
Российская Федерация

В современном многополярном мире с его ускоренными процессами глобализации все большую актуальность приобретают вопросы сохранения культурного многообразия, сохранения языков коренных и миноритарных народов не только России, но и всего мира. В статье ставится цель раскрыть важную роль школы, традиционного села и традиционной семьи в качестве инструментов трансляции и сохранения родного языка и культуры коренных и миноритарных народов. В контексте сегодняшних социокультурных процессов, негативно влияющих на состояние и функционирование родных языков в многонациональных обществах, школа, как социальный институт, выполняет роль воспитания, образования и социализации личности. Традиционное село, как хранилище традиционной культуры, языка, и традиционная семья, как носитель традиционной культуры, являются важными инструментами трансляции и сохранения родного языка и культуры, передачи социально-исторического опыта народа последующим поколениям. Эти институты должны выработать определенную языковую политику и практику для приобщения молодого поколения к родному языку с целью сохранения языка как главной традиционной ценности народа.

***Ключевые слова**: межгенерационная трансляция языка, моноязычное село, традиционная семья, социализация индивида, языковая политика*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Б.Ж. Цыбденова, 2024

PRESERVATION OF THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION: LANGUAGE POLICY EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Bairma Zh. Tsybdenova
East Siberian State Institute of Culture, Russian Federation

In today's multipolar world, with its accelerated globalization processes, the issues of preserving cultural diversity and preserving indigenous and minority languages are becoming increasingly relevant, not only in Russia, but also globally. The purpose of the article is to reveal the important role of schools, traditional villages and traditional families as tools for the transmission and preservation of native language and culture of indigenous and minority peoples. In the context of today's socio-cultural processes negatively affecting the status and functioning of native languages in multinational societies, the school as a social institution fulfils the role of upbringing, education and socialization of the individual. The traditional village as the repository of traditional culture and language and the traditional family as the bearer of traditional culture are important tools for the transmission and preservation of native language and culture and the transmission of the socio-historical experience of the people to subsequent generations. These institutions should develop certain language policies and practices to introduce the younger generation to their native language in order to preserve the language as the main traditional value of the people.

Keywords: *intergenerational transmission of the language, monolingual village, traditional family, individual socialization, language policy*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Bairma Zh. Tsybdenova, 2024

1. Введение

Среди наиболее актуальных и дискутируемых проблем в современном многополярном мире являются проблемы постепенной утраты языков коренных народов, возрождения и сохранения миноритарных, этнических, национальных языков в многонациональных государствах и регионах во всем мире. «Утрата языков в современный период является частью более широкого процесса утраты культурного и интеллектуального многообразия, в котором политически доминирующие языки и культуры замедляют развитие коренных местных языков и культур, ставя их в условие, которое может быть описано только как “напряженное”» (embattled, перевод наш. – *Б.Ц.*) [Hale et al., 1992].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., около 50 языков малочисленных народов России находятся под угрозой исчезновения. С начала XX века в России вымерли 15 языков, один язык заснувший[3], около 10% языков народов России находятся на грани исчезновения, более 60% приближаются к этой границе, вполне благополучными можно признать только 7%, согласно аналитической записке «Список языков России в итогах Всероссийской переписи населения», подготовленной учеными Института языкознания РАН и о чем говорил директор Института Андрей Кибрик [Перепись населения…, 2020]. Вместе с процессом постепенного разрыва межпоколенческой передачи языка происходит процесс ассимиляции коренных народов и утраты их традиционного уклада жизни, который впоследствии сложно будет остановить и повернуть вспять. Провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция A/RES/74/135) периода с 2022 по 2032 г. Международным десятилетием языков коренных народов мира (IDIL 202202023) было нацелено на обеспечение права коренных народов на сохранение, возрождение и продвижение своих языков, а также интеграцию аспектов языкового разнообразия и многоязычия в усилия по устойчивому развитию [Международное десятилетие языков...,].

Проблема сохранения и развития бурятского языка как государственного (наряду с русским) в Республике Бурятия (далее – РБ) является актуальной в последние десятилетия,

[3] Заснувший язык – это язык, у которого нет полноценных носителей, но есть люди, которые знают и помнят отдельные слова, песню, или люди, частично выучившие такой язык во взрослом возрасте.

активно обсуждается общественностью, в СМИ, на уровне правительства республики и находит отражение в важных правительственных документах РБ.

С целью создания условий для сохранения, развития и повышения социальных функций бурятского языка в Республике Бурятия Правительством РБ утверждена Государственная программа РБ «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы». Реализация государственной программы предусматривает решение важных задач: визуализацию бурятского языка в информационно-коммуникационном пространстве, международное и межрегиональное сотрудничество в сфере развития бурятского языка, создание электронных ресурсов, учебной литературы нового поколения, принятие мер по кадровому обеспечению и т.д.

Реализация государственной программы предоставляет бурятскому народу возможность и перспективы для сохранения его языка при комплексном и целенаправленном подходе и взаимодействии усилий государственных, правительственных, региональных и общественных структур. В данной статье мы делаем попытку обосновать роль традиционного моноэтнического/моноязычного села, традиционной семьи и школы как наиболее эффективных механизмов этнокультурной преемственности, социальной стратегии сохранения и воспроизводства языка(-ов) коренного(-ых) народа(-ов) России.

2. Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили материалы СМИ, правительственные документы, включая Государственную программу РБ «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы», «Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г.», исследования отечественных и зарубежных исследователей об условиях и факторах, способствующих сохранению родного языка и культуры. В качестве метода исследования выбран социологический опрос, проведенный автором данной статьи в 2022–2023 гг. по вопросам сохранения родного языка среди представителей бурятской национальности г. Улан-Удэ в возрасте от 16 лет и старше (выборочная совокупность составила 300 чел.). На основе анализа результатов социологического опроса выявлена и обоснована важная роль межгенерационной передачи родного языка, необходимость создания речевой среды на родном языке с целью сохранения родного языка.

3. Факторы, ведущие к сдвигу языка

3.1. Политический и идеологический факторы

В современных социокультурных и социально-экономических реалиях и в условиях нарастающей глобализации и индустриализации сохранение языков коренных народов становится весьма сложной проблемой, поскольку сложился целый комплекс факторов, ведущих к сдвигу языков, утрате языков коренных, миноритарных народов как России, так и других стран мира. Одними из основных факторов, повлиявших на дисбаланс в языковой ситуации национальных республик РФ, являются политический и демографический факторы, последствия индустриализации и миграции населения, связанная с этими факторами и проистекающая из них языковая среда.

Современная языковая ситуация в национальных республиках и областях РФ является результатом проводимой Советским Союзом языковой политики, нацеленной на всемерное повышение роли русского языка для взаимопонимания, межэтнической интеграции и социального продвижения. Действительно, как пишут И.Г. Балханов и Ж.Б. Сультимова: «...двуязычие является результатом исторического развития бурятского этноса. Это объективная реальность, без которой была бы невозможной межэтническая интеграция, формирование общегражданской идентичности у генетически неоднородных этносов» [Балханов и др., 2005: 4]. Языки малочисленных коренных народов национальных республик России постепенно стали терять свою исконную роль важного фактора формирования этнической идентичности и формирования языковой личности, языковой картины мира. Все эти факторы в совокупности привели к утрате важных социальных функций языков коренных и миноритарных народов многонациональной страны и явились причиной спада интереса к изучению этнических/миноритарных языков.

3.2. Демографический фактор

Другим немаловажным фактором неблагоприятной языковой ситуации с национальными языками является демографический фактор, обусловленный преобладающим количеством русского населения Республики Бурятия (64 % русских, 32,5 % бурят) [Национальный состав населения Республики Бурятия...,]. Демографический фактор определяет напрямую языковую среду, т.е. среду общения.

3.3. Школьная языковая политика

Введение урока этнического (родного) языка в школе не дает положительных результатов в плане овладения школьниками родными языками в первую очередь из-за мизерного

количества часов (2 час.) в неделю. Практически отсутствуют среда и сферы применения родного этнического языка вне урока родного языка и частично сферы семьи (в основном в более традиционном моноэтническом селе).

Важная роль в этнокультурном воспитании и этноязыковой социализации подрастающего поколения отводится школе, в которой реализуется правильная языковая политика, направленная на сохранение и поддержку этнического языка с тем, чтобы молодое поколение сохраняло мотивацию в знании родного языка и пользовании им в различных сферах. Требуют решения вопросы совершенствования методики преподавания бурятского языка, методической обеспеченности учебниками нового поколения, кадрового обеспечения и вопрос об увеличении часов на изучение второго государственного языка. Большую роль играет и личность учителя-энтузиаста, который сочетает в себе все качества языкового активиста и может заинтересовать детей и мотивировать их к изучению языка.

3.4. Востребованность языка в обществе. Функциональная сторона языка, ограниченность сфер и сред общения

Следующий фактор – востребованность языка в обществе − очень сильно влияет на языковые стратегии и установки индивида. Возможности самореализации молодого поколения и особенности их этнической идентичности обусловлены языковыми стратегиями общности. Самореализация личности базируется на основных правах человека: праве на труд, на образование, праве избирать и быть избранным, свободе выбора языка общения, свободе собраний, свободе слова и т.д. Неравномерное распределение социальных функций, высокий статус и престиж языка мажоритарного этноса, несоответствие статуса большинства языков коренных народов РФ их реальному состоянию и функционированию, отсутствие востребованности национальных языков во многих сферах жизнедеятельности диктуют необходимость изучения русского языка и владения им для социального продвижения, для достижения карьерных устремлений и дают преимущества русскоязычным. Невозможность реализации многих прав на родном языке представителями национальных республик и округов, в том числе отсутствие необходимости знания языка для трудоустройства, в профессиональной деятельности, ограниченное количество сфер и сред его применения напрямую влияют на отсутствие мотивации изучения родного языка (языка этноса) у подрастающего поколения.

По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., по состоянию на 1 октября 2021 г. бурятским языком владело 22,1 % населения республики, что свидетельствует об увеличении доли людей, владеющих языком на 8,5 % по сравнению с 2010 г. (по данным Переписи населения

2010 г., бурятским языком владели 13,6 % населения республики) [Владение языками населением Республики Бурятия...,]

Результаты проведенного нами социологического опроса среди учащихся, студентов и других групп молодежи бурятской национальности г. Улан-Удэ показывают, что окружающая среда и сферы общения детерминируют выбор языка общения. Так, в учебном заведении и на работе большинство молодых респондентов обычно говорят на русском языке − 75,8 %, на бурятском и русском языках − 20,3 %, на бурятском − 4 %. В общественных местах 68,8 % говорят на русском языке, 27,3 % − на обоих языках, 4 % − на бурятском языке. Дома, в семье 43,8 % общаются на обоих языках, только на бурятском − 12,5 %, на русском общаются − 43 %. Эти данные свидетельствуют о положительных изменениях относительно функциональной стороны бурятского языка за последние годы, а именно уровня владения бурятским языком населением РБ и его использования в общении в семейно-бытовой сфере. Семья является важным проводником языковой социализации и основной сферой общения на родном бурятском языке.

3.5. Процессы миграции

Кроме того, последствия индустриализации и миграции сельского населения как в город, так и в другие регионы (и эмиграции) отрицательно влияют на сохранение национального/этнического языка. В полиэтнической городской среде, т.е. в городах, поселках городского типа, в крупных районных центрах носители разных языков используют язык межнационального общения для взаимопонимания с носителями других языков в основных сферах общения. В таких условиях родители нацеливают и мотивируют детей на изучение русского языка и хорошее владение им, а изучение родного языка, языка своего народа и овладение им не поддерживается, что ведет к культурно-языковой ассимиляции детей с самого детства.

В последнее время наблюдаются процессы миграции молодежи из села в город в связи с необходимостью трудоустройства (в поисках высокооплачиваемой работы), получения высшего образования и предоставления детям качественного образования в городе. Основной миграционный отток (60 % в среднем) из сельских и городских поселений республики приходится на столицу Бурятии г. Улан-Удэ и ближайшие три района [Бюраева, 2022: 148]. К тому же после получения образования лишь небольшая часть новых специалистов (около 10–12 % – по данным Минобрнауки РБ) возвращается в свой родной населенный пункт и район [Очирова, 2021: 185]. Отток населения в города происходит из-за низкого уровня жизни, низкой заработной платы, безработицы, отсутствия современной инфраструктуры на селе.

4. Факторы и условия для сохранения языков коренных народов

4.1. Экономическая поддержка, развитие сел, деревень

С целью улучшения качества жизни на селе и сдерживания миграции сельского населения, особенно молодежи, была принята государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий в Республике Бурятия в 2020–2022 годах». Ее мероприятия были направлены на обеспечение доступным и комфортным жильем, создание и развитие инфраструктуры по принципу проектного управления. На наш взгляд, отток молодежи в город можно приостановить путем создания таких комфортных условий для проживания на селе, в деревне, как хорошие дороги, высокая зарплата, дополнительные выплаты, компенсирующие отсутствие некоторых благ, которые имеются в городе. Необходимо эффективно развивать сельское хозяйство, производство, поддерживать предпринимательство, развивать современную инфраструктуру на селе: современное село должно иметь клуб, спортзал, связь с центром, радио и телевещание, интернет, школу с укомплектованным квалифицированным педагогическим штатом и современным оборудованием. При создании комфортных условий проживания, необходимой инфраструктуры и при достойной заработной плате не будет столь интенсивной миграции молодежи из села в город. Молодые люди, получив среднее специальное и высшее образование в городе, вернутся в родные села в качестве востребованных специалистов.

Эффективная реализация подобных программ может приостановить отток сельского населения в город и тем самым способствовать развитию не только экономики, но и национальной культуры, сохранению традиционного уклада жизни. Безусловно, важным фактором сохранения языка является экономическая поддержка, развитие моноэтнических сел, деревень, в которых сохранился язык.

4.2. Тип хозяйственной деятельности

С экономическим фактором тесно связан и другой фактор – тип хозяйственной деятельности. Если этническая общность занимается традиционной хозяйственной деятельностью, то у нее высоки шансы к сохранению языка, поскольку традиционный вид хозяйствования предполагает знание соответствующей терминологии и владение ею для ведения традиционного хозяйства. Как отмечают В.В. Доржеева и О.Ю. Слепцова., «...язык непосредственно поддерживается деятельностью, и если нет связи с традиционным образом жизни, язык не сохраняется или существует как реликтовый. Необходимы два вектора приложения сил – сохранение и поддержка традиционных форм хозяйствования, “консервирующих” и транслирующих традиционную лексику, и развитие национальных СМИ,

в деятельности которых отражение современных реалий даст толчок к развитию современного языка» [Доржеева и др., 2018: 5].

4.3. Традиционное моноязычное общество и семья. Межгенерационная передача родного языка

Национальная культура, язык малочисленных народов в относительно чистом виде могут сохраняться при условии только компактного проживания их носителей в селах, но не в городах или рабочих поселках с разноязычным населением, где они стремительно ассимилируются более многочисленными народами [Карпов, 2016: 71]. Традиционное бурятское село – хранитель бурятской культуры и языка, территория, где сохранились и функционируют язык и культура. Именно традиционное, более моноэтническое/моноязычное общество и семья являются той средой, которая способна сохранить национальный язык, поскольку здесь традиционно функционируют язык и культура, где люди старшего, среднего и частично молодого поколения владеют родным языком, используют его в повседневной речи, в общественных сферах, в семье, дома, и осуществляют межгенерационную передачу культурного наследия.

Однако сегодня все чаще наблюдается картина, когда сельская молодежь предпочитает учить своих детей русскому языку с малых лет. А дети, мигрировавшие в город с родителями, начинают забывать первый язык (этнический), полностью переходят на русский язык общения. И.Г. Балханов и Ж.Б. Сультимова справедливо отмечают, что если для первого поколения сельских мигрантов актуальным является овладение языком межнационального общения, то для их детей и внуков, наоборот – родным языком. По этой схеме утрата языка происходит в процессе адаптации в условиях города, когда ребенок соприкасается с вторичными институтами социализации, главными из которых являются образовательные [Балханов и др., 2005: 6]. В условиях вторичной социализации необходимо развивать механизмы и стратегии отмены языкового сдвига, т.е. модель развития и сохранения двуязычной/поликультурной среды, развивающей двуязычную/поликультурную личность.

Воспроизводство языка через межгенерационную передачу родного языка является определяющим фактором сохранения языка коренного народа. Язык – это один из основных этнообразующих компонентов и важнейший фактор формирования этнокультурной идентичности. Передача этнокультурных особенностей мировосприятия происходит посредством главного компонента духовной культуры – языка народа. Формирование языковой личности, языковой картины мира в сознании подрастающего поколения в современных условиях происходит под влиянием социального окружения, родителей, поскольку именно они воспроизводят локальную, этнокультурную идентичность [Глушкова, 2017: 135-136]. Утрата

языка происходит при прерывании цепи межпоколенческой передачи языка естественным путем в семье. Родители и старшее поколение должны осознавать проблему утраты родного языка и должны передавать язык молодому поколению. Ведь именно в семье происходит овладение первым языком, этноязыковая социализация, приобщение ребенка к этнокультурным ценностям народа, передача социально-исторического опыта и культурных традиций детям с помощью родного языка.

Поэтому очень важным представляется межпоколенческая преемственность родного языка, чтобы молодое поколение овладело этническим языком, использовало его в речи и передало следующему поколению, чтобы не прерывалась связь поколений, носителей, знающих родной язык. Опасность исчезновения языка (языков) связана не только с количеством говорящих на данном языке, но и с отсутствием передачи языка следующим поколениям.

Однако передача языка детям не гарантирует его сохранности, возможна ситуация, когда язык был передан детям, и они могли бы говорить на нем, но сознательно отвергают такую возможность и переходят на другой язык. Кроме того, этот фактор также взаимосвязан с другими: передача языка детям может прекратиться по целому ряду причин – от принуждения со стороны властей до добровольного решения родителей [Вахтин и др., 2004: 116]. На современном этапе проблема сохранения родных языков поддерживается на уровне правительства РФ и республик, но, с другой стороны, в деле сохранения родного языка должны сыграть свою весомую роль и сами представители этноса, а именно семья, родители и молодое поколение.

4.4. Повышение мотивации для изучения языка

Для расширения социальных функций бурятского языка в городской среде необходимо повышать мотивацию молодежи для изучения второго государственного языка и овладения им, повышать его престиж и востребованность в современном обществе. Знание второго государственного языка становится важной частью культуры индивида, если он осознает свою этническую и культурную идентичность, свои корни, историю, богатую культуру и последствия утраты языка и культуры для народа. Престиж и востребованность языка связаны с созданием новых рабочих мест со знанием родного языка, например в медиапространстве, в программировании, в области международного и межрегионального сотрудничества и т.д. Меры поощрения людей со знанием второго государственного языка, например, дополнительные выплаты для работников, стипендии для учащихся и студентов, также могут способствовать повышению мотивации к изучению языка. Проведение республиканских, районных мероприятий, таких как конкурс на знание родного языка и культуры, квест, олимпиада, диктант

по родному языку, будет большим подспорьем для изучения родного языка молодым поколением.

4.5. Создание речевой среды на родном языке

Важное условие для сохранения языка – создание речевой среды для приобщения к коммуникации на родном языке в семье и в школе. В арсенале родителей, педагогов и самих учащихся для этого существует множество возможностей для изучения и поддержания знания родного языка: языковые курсы, аудио- и видеокурсы в социальных сетях, на телевидении, текстовые, аудио- и видео-презентации, фильмы, информационные ресурсы множества сайтов, игровые, обучающие программы, различные программированные онлайн-словари с возможностью скачивания и установки на любом носителе, дистанционное обучение, включающее вебинары, видеоконференции и т.д. С целью сохранения родных языков следует популяризировать и проводить серию мероприятий по организации «*искусственной речевой среды*, необходимой для решения задач культуросберегающего характера» [Хамраева и др., 2020: 108, 109]. Необходимо использовать разные стратегии приобщения детей к родному языку с раннего возраста: практику проведения каникул в деревне у родственников, бабушек, дедушек, владеющих родным языком, применение методики «языковых гнезд»[4], летние лагеря с полным погружением в родной язык.

Немаловажную роль в поддержке и сохранении родного языка играют и другие социальные институты, такие как государственные органы, общественные организации, СМИ, школа. Расширение сети детских садов с изучением бурятского языка, учебных центров и клубов, групп в социальных чатах по изучению языка будет способствовать сохранению культуры, языка как средства общения и как основы национальной культуры, расширению сфер функционирования языка.

5. Заключение

Из вышеизложенного следует, что для сохранения языка и культуры коренного народа необходимо формирование ряда факторов и создание условий:

1) повышение роли традиционного бурятского села – хранителя бурятской культуры, экономическая поддержка и развитие моноэтнических сел, деревень с целью остановить отток сельского населения в город и сохранить традиционную культуру, язык на селе;

[4] Языковое гнездо – эффективная методика обучения детей дошкольного возраста родному языку для его возрождения (ревитализации), основанная на идее погружения в язык, когда общение с детьми в образовательном учреждении происходит полностью на родном языке.

2) повышение роли традиционной семьи для межпоколенческой передачи родного языка и трансляции этнической культуры;

3) повышение роли школы в этнокультурном воспитании и этноязыковой социализации подрастающего поколения, создании мотивации у молодого поколения для овладения родным языком, формировании языковой/речевой среды общения.

Для успешной реализации Государственной программы РБ «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы» необходим постоянный контроль правительства РБ за ходом реализации программы, тесная совместная работа правительственных подведомственных органов, гражданских институтов как ее субъектов, всех уровней власти, в том числе муниципальных органов управления, института семьи. Кроме того, необходимо понимание роли бурятского языка как фактора этнической консолидации, этноязыковой идентичности народа, в особенности в среде подрастающего поколения. Сохранение и развитие национального языка и культуры предотвратит негативные процессы сдвига языка и ассимиляции. Благоприятный исход реализации государством комплексной языковой политики по оказанию помощи и поддержки коренным народам с целью сохранения их языков возможен при наличии желания, воли и усилий самих коренных народов.

Литература

Балханов И.Г., Сультимова Ж.Б. (2005) Теоретико-методологические подходы к государственной языковой политике // Язык и культура: Межкультурная коммуникация, лингводидактика: Сб. материалов межрегиональной науч.-практ. конференции. 2–3 ноября 2005 г. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ. С. 4–10.

Бюраева Ю.Г. (2022) Миграционные процессы в Республике Бурятия: Направления, результативность, факторы // ЭКО. № 1. С. 141–166. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-141-166

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. (2004) Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. 336 с.

Владение языками населением Республики Бурятия // Национальный состав населения Республики Бурятия. Режим доступа: https:// 03.rosstat.gov.ru/ storage/mediabank/ IAM_vpn-2020_national_rb.pdf Дата обращения: 20.11.2024.

Глушкова С.А. (2017) Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка и формировании этнической идентичности // Гуманитарий Юга России. Т. 6. № 6. С. 132–139.

Доржеева В.В., Слепцова О.Ю. (2018) Проблемы сохранения родных языков коренных малочисленных народов Севера: (На материалах Магаданской области) // Общество: философия, история, культура. № 9.

Карпов В.Г. (2016) Глобализация – призрак или реальность? //Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции. Абакан, Республика Хакасия. 19–20 мая 2016 г. / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. 368 с.

Международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032). Режим доступа: https://www.unesco.org/ru/decades/indigenous-languages Дата обращения: 01.04.2024.

Национальный состав населения Республики Бурятия. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 года по состоянию на 1 октября 2021 года / Федеральная служба

государственной статистики. Режим доступа: https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020 Дата обращения: 20.11.2024.

Очирова Г.Н. (2021) Образовательная миграция из Республики Бурятия: Факторы, масштабы и направления // Вестник университета. № 4. С. 181–188.

Перепись населения насчитала в России шесть вымерших и заснувших языков. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/04/02/2024/65bcb9089a794788c65d99b2. Дата обращения: 10.09.2024.

Хамраева Е. А., Гусев А. В. (2020) Лингводидактические условия создания речевой среды в семье и школе как способ сохранения родного языка // Мир русского слова. № 4. С. 105–110.

Hale, K., Michael Krauss, M, Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto, Colette Craig, LaVerne Masayesva Jeanne and Nora C. (1992) Endangered Languages. Language. Vol. 68. No. 1 (Mar., 1992). Pp. 1–42. Linguistic Society of America. Stable. Available at: http://www.jstor.org/stable/416368 Access date: 20.06.2023.

References

Balkhanov, I.G., Sultmova, Zh.B. (2005) Teoretiko-metodologicheskie podkhody k gossudarstvennoj yazykovoj politike // Yazyk i kultura: Mezhkulturnaya communikaciya, lingvodidactika: Materialy mezhregional'noj nauchno-practicheskoj konferencii. 2–3 Noyabrya 2005 g. [Theoretical and methodological approaches to the state language policy // Language and culture: Intercultural communication, linguadidactics: Materials of interregional scientific and practical conference. Nov. 2–3 2005. Ulan-Ude: IPK VSGAKI. Pp 4–10. (In Russ.)

Buraeva, Yu.G. (2022) Migracionnye processy v Respublike Buryatiya: Napravleniya, rezultativnost', factory [Migration Processes in the Republic of Buryatia: Directions, Performance, Factors // ECO. No. 1. Pp. 141–166. (In Russ.). (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-141-166

Vakhtin, N.B., Golovko, E.V. (2004) Sociolingvstika I sociologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. Sankt-Peterburg. "Gumanitarnaya akademiya"; Evropeyskij universitet v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Vladeniye yazykami naseleniyem Respubliki Buryatiya // Nacionalnyj sostav naseleniya Respubliki Buryatiya [Language proficiency by the population of the Republic of Buryatia // National composition of the population of the Republic of Buryatia]. Available at: https:// 03.rosstat.gov.ru/ storage/mediabank/ IAM_vpn-2020_national_rb.pdf Access date: 20.11.2024. (In Russ.)

Glushkova, S.A. (2017) Rol' sem'i v mezhpokolennoj transl'acii rodnoro yazyka i formirovanii etnicheskoj identichnosti // Gumanitarij Yuga. [The role of family in the intergenerational translation of the native language and in the formation of ethnic identity // Humanities of the South of Russia]. Vol. 6 (6). Pp. 132–139. (In Russ.)

Dorzheeva, V.V., Sleptsova, O.Y. (2018) Problemy sokhraneniya rodnykh yazykov korennykh malochislennykh narodov Severa: (Na materialakh Magadanskoj oblasti) [The issues of preserving native languages of indigenous minority peoples of the North: (A case of Magadan Region)]. (In Russ.)

Karpov, V.G. (2016) Globalizatsiya – prizrak ili realnost'? // Sokhranenie i razvitie yazykov i kultur korennykh narodov Sibiri: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii. Abakan, Respublika Khakassiya. 19–20 Maya 2016 g. // Otv.red. T.G. Borgoyakova [Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: Materials of IV International scientific and practical conference]. Abakan: Hakasskij gos. un-t im. N.F. Katanova. 368 p. (In Russ.)

Mezhdunarodnoye desyatiletiye yazykov korennykh narodov (2022–2032) [International Decade of Indigenous Languages (2022–2032)]. Available at: https://www.unesco.org/ru/decades/ indigenous-languages Access date: 01.04.2024. (In Russ.)

Nacional'nyj sostav naseleniya Respubliki Buryatiya. Po itogam Vserossiyskoj perepisi naseleniya 2020 goda na 1 oktyabrya 2021 goda / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [National composition of the population of the Republic of Buryatia. Based on the results of the 2020 All-Russian Population Census as of October 1, 2021 / Federal State Statistics Service] Available at: https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020 Access date: 20.11.2024. (In Russ.)

Ochirova, G.N. (2021) Obrazovatel'naya migraciya iz Respubliki Buryatiya: Factory, masshtaby I napravleniya [Educational migration from the Republic of Buryatia: Factors, scale and directions] // Vestnik universiteta. No. 4. Pp. 181–188. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2021-4-181-188

Perepis'naseleniya naschitala v Rossii shest' vymershikh I zasnuvshikh yazykov [The population census counted six extinct and dormant languages in Russia]. Available at: rbk_ru.turbopages.org Access date: 10.09.2024. (In Russ.)

Khamraeva, E.A., Gusev, A.V. (2020) Lingvodidacticheskie usloviya sozdaniya rechevoy sredy v sem'ye i shkole kak sposob sokhraneniya rodnogo yazyka // Mir russkogo slova. [Linguadidactic conditions for creating a speech environment in the family and school as a way to preserve the native language // The World of Russian Word]. No. 4. Pp. 105–110. (In Russ.)

Hale, K, Krauss, M., Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto, Colette Craig, LaVerne Masayesva Jeanne and Nora C. (1992) England. Endangered Languages. // Source: Language, Vol. 68, No. 1 (Mar., 1992), Pp. 1–42. Linguistic Society of America. Available at: http://www.jstor.org/stable/416368. Access date: 20.06.2023. (In Eng.)

Цыбденова Баирма Жамьяновна − кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирского государственного института культуры.
https://orcid.org/0000-0001-6717-3975
Адрес: 670031, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.
Эл. адрес: btsybdenova@bk.ru

Bairma Zh. Tsybdenova − Candidate of Sciences (Sociology), senior lecturer of the Department of Foreign Languages and General Linguistics at the East Siberian State Institute of Culture.
https://orcid.org/0000-0001-6717-3975
Address: Tereshkova St.,1., Ulan-Ude, Russian Federation, 670031
E-mail: btsybdenova@bk.ru

Для цитирования: *Цыбденова Б.Ж.* Сохранение языков коренных народов Российской Федерации: опыт языковой политики Республики Бурятия. // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 106–118. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-106-118

For citation: *Tsybdenova, B.Zh.* Preservation of the languages of the indigenous peoples of the Russian Federation: language policy experience of the Republic of Buryatia // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 106–118. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-106-118

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.05.2024;
approved after reviewing 11.10.2024;
accepted for publication 06.12.2024.

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

LANGUAGE AND EDUCATION

УДК 81′272 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-119-131

ДИАГНОСТИКА РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ САХА 5–7 ЛЕТ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Вилюяна Н. Никитина
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Научная новизна исследования предопределяется тем, что специальное социолингвистическое исследование уровня владения родным языком детей саха ранее не проводилось. Уровень развития связной речи рассматривается в качестве одного из основных показателей владения родным языком. Целью настоящей статьи является обоснование и разработка авторской методики диагностики сформированности связной речи в социолингвистическом аспекте. Актуальность разработки предлагаемой методики определена необходимостью выявления степени развития речи детей саха в ситуации языкового сдвига. Обсуждаемая методика предполагает два приема: рассказ о себе, о своем дне; рассказ по сюжетной картинке. По итогам были разработаны критерии оценивания, а также уровни развития связной речи. В качестве апробации методики было проведено исследование связной речи детей саха, проживающих в населенных пунктах Нюрбинского района Республики Саха (Якутия). В результате анализа полученных данных зафиксирован низкий уровень развития связной речи у половины детей 5–7 лет, что объясняется сокращением у них живого общения как со взрослыми, так и со сверстниками. Исследование содержит рекомендации по внесению изменений в шкалу оценивания при исследованиях речи детей школьного возраста.

Ключевые слова: *уровень владения родным языком, развитие связной речи, старший дошкольник, рассказ по сюжетной картинке, язык саха, якутский язык*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© В.Н. Никитина, 2024

DIAGNOSTICS OF CONNECTED SPEECH DEVELOPMENT IN SAKHA CHILDREN 5–7 YEARS OLD: A SOCIOLINGUISTIC APPROACH

Viliuiana N. Nikitina
Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The scientific novelty of this research is determined by the fact that a special sociolinguistic study of the native language's level of Sakha children of preschool and school age has not been previously conducted. The connected speech's level of children is considered as one of the main indicators of their proficiency in native language. The aim of this article is to substantiate and develop the author's methodology for diagnosing the formation of coherent speech in the sociolinguistic aspect. The relevance of the development of the proposed methodology is determined by the necessity to identify the degree of speech development of Sakha children in a situation of language shift. The discussed technique involves two techniques: a story about yourself, about your day; story based on a picture

based on the results of which evaluation criteria have been developed, as well as levels of development of coherent speech. As a test of the methodology, there was conducted a study of the connected speech of Sakha children living in the Nyurba region of the Republic of Sakha (Yakutia). Low level of speech development in half of children aged 5–7 years was recorded as the result of the data's analysis, which is explained by a reduction in their live communication with both adults and their peers. The study contains recommendations for changes to the assessment scale for speech studies among school-age children.

Keywords: *native language's level, connected speech development, senior preschooler, story based on a plot picture, Sakha language, Yakut language*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Viliuiana N. Nikitina, 2024

1. Введение

Сегодня среди детей саха снижается уровень полноценного двуязычия, наблюдается переход к одноязычию вследствие сокращения использования родного языка у подрастающего поколения. Ранее был обоснован лексический принцип в выявлении уровня владения родным языком саха, в результате которого фиксируются лексические лакуны [Иванова и др., 2023], но умение говорить на определенном языке предполагает не только владение лексическим минимумом, требуемым для полного взаимопонимания при общении, но и умение построить связную речь, формулировать логически стройный, последовательный текст, используя средства этого языка.

Цель данной статьи заключается в обосновании и разработке методологической основы диагностики развития связной речи в качестве показателя уровня владения родным языком детей саха.

Из цели вытекают следующие задачи:

– проанализировать теоретическую основу диагностики развития связной речи детей 5–7 лет в социолингвистическом ракурсе;

– разработать методологию диагностики развития связной речи в исследовании уровня владения родным языком детей саха 5–7 лет;

– апробировать методику диагностики развития связной речи в исследовании уровня владения родным языком детей саха 5–7 лет.

Теоретическая база исследования представлена работами о детской речи лингвистов Е.Д. Божович, И.А. Зимней, Н.И. Лепской, С.Н. Цейнтлин, Т.И. Петровой и др., психологов В.В. Виноградова, Л.С. Выготского, А.Н. Гвоздева, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейн, Ф.А. Сохина, методистов детской речи М.М. Алексеевой, Б.И. Яшиной, Т. А.

Ладыженской, Н.А. Стародубовой, В.Н. Корчагиной и др., а также социолингвистическими исследованиями Л.П. Крысина, М.Н. Запорожец, Т.П. Бажеевой, Н.И. Ивановой и др.

2. Связная речь как показатель уровня владения родным языком детей

В «Словаре социолингвистических терминов» «владение языком» определяется как способность индивида понимать и синтезировать высказывания, умение отличать правильные высказывания от неправильных, отличать сходные по форме, но различные по смыслу, способность к перефразированию [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. В том же словаре термин «языковая компетенция» употребляется в качестве синонима к определению «знание языка», сформулирован как лингвистический уровень владения языком [Там же]. Здесь прослеживается противопоставление «языковая компетенция» – «употребление языка», положенное Н. Хомским [Хомский, 1972]. Такое противопоставление у А.А. Потебни выступает в дихотомии «язык–речь» [Потебня, 1999]. Таким образом, в нашем исследовании термины «владение языком» и «речь» коррелируются. В научной литературе существует практика применения термина «языковая компетенция» в понимании, включающем в себя и знание языка, и его практическое использование. При этом, как замечает Е.Д. Божович, «перечни выделяемых умений у разных авторов не совпадают и не у всех четко обозначены, что связано с объективно большим количеством этих умений и отсутствием корректной их иерархизации» [Божович, 1997: 35]. Мы исходим из разграничения понятий «владение языком», которое сводится к практическому применению языка, и «языковая компетенция», выступающее как знание лингвистических основ.

В методике преподавания иностранных языков широко применяется понятие «коммуникативная компетенция», которое содержит критерий «социальности», т.е. ситуативную обусловленность общения (правила речевого этикета, учет возрастного, социального статуса, культурных особенностей собеседника, принцип уместности, навыки применения невербальных средств и др.). Д. Хаймс, определяя коммуникативную компетенцию «как внутреннее знание уместности употребления языка в зависимости от ситуации, как способность вести речевую деятельность», расширил понятие употребления языка [Минина, 2016: 238]. Так, проанализировав работы Д. Хаймса, А.В. Хуторского, И.М. Осмоловской, М.В. Стуриковой, А.И. Мининой и др., мы установили, что данное понятие подразумевает психологическую, социальную, ментальную готовность к общению. Поэтому, на наш взгляд, термин «владение языком» более подходит для выявления уровня практического употребления языка, оценивания речи.

Итак, основным критерием владения языком выступает взаимопонимание с собеседником, а такое взаимопонимание обеспечивается связностью речи. В общем понимании связная речь определяется как развернутое высказывание, смысл которого понятен собеседнику, что обеспечивается «адекватностью речевого оформления мысли говорящего или пишущего с точки зрения ее понятности для слушателя или читателя» [Рубинштейн, 2002: 468].

В психологии и психолингвистике связная речь детерминируется мышлением и сознанием (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.В. Запорожец, Ф.А. Сохин и др.), и речь представляется как переход последовательности мыслей в слова. В лингвистике особая роль отводится грамматической связности: «Чтобы начать говорить на определенном языке, нужно овладеть арсеналом языковых единиц, созданным предшествующими поколениями, а также усвоить правила их использования в речевой деятельности» [Цейтлин, 2000: 11]. Педагоги придают огромную значимость развитию связной речи, так как она «вбирает в себя все достижения ребенка в овладении родным языком, его звуковым строем, словарным составом, грамматическим строем… помогает ребенку устанавливать связи с окружающими людьми, определяет и регулирует нормы поведения в обществе, что является решающим условием для развития его личности» [Алексеева и др., 2000: 215].

Таким образом, связная речь подразумевает сформированность словарного запаса, усвоение языковых правил, умение выстроить текст и передать смысл собеседникам. А.А. Леонтьев вслед за Н.А. Бернштейном «к наивысшему уровню» развития речи относит «смысловую связную речь», к уровню, следующему за ним – «называние предмета» [Леонтьев, 1969: 225]. Поэтому предлагаемая нами методика включает не только называние предметов для выявления степени владения лексическим минимумом, но и диагностику связной речи.

3. Особенности развития связной речи старшего дошкольника

Для разработки методики выявления уровня развития связной речи необходимо учитывать особенности ее развития у ребенка соответствующего возраста. По О.С. Ушаковой, высокий уровень развития речи дошкольника включает владение литературными нормами и правилами родного языка, свободное пользование лексикой и грамматикой при выражении своих мыслей и составлении любого типа высказывания, развитую культуру общения, умение вступать в контакт со взрослыми и сверстниками (выслушивать, возражать, отвечать, спрашивать, объяснять), знание норм и правил речевого этикета, умение пользоваться ими в зависимости от ситуации, умение читать и писать [Ушакова, 2017: 12].

Исследователи утверждают, что при нормальном развитии речи к 6 годам ребенок овладевает около 7–8 тыс. слов [Корчагина и др., 2014: 8]. При этом детям характерна

«предметная отнесенность слова», а усвоение отвлеченного, абстрактного значения слов происходит в результате целенаправленного обучения [Там же: 9]. Как известно, в дошкольном возрасте наблюдаются преимущественно контаминированные (смешанные) высказывания, т.е. типы высказываний (описание, повествование, рассуждение) смешиваются в одном тексте [Алексеева и др., 2000: 166].

В старшем дошкольном возрасте ребенок овладевает как диалогической, так и монологической речью. Диалогическая речь «непроизвольна, реактивна; она мало организована», а монологическая речь, как развернутый, организованный вид речи, произвольна: «...говорящий имеет намерение выразить содержание и должен выбрать для этого содержания адекватную языковую форму и построить на ее основе высказывание» [Ушакова и др., 2004: 53]. Отмечается, что если в диалогах присутствуют клише, шаблоны, сокращения, то в монологах дети пытаются использовать литературный язык. Владение связной монологической речью является одной из основных задач речевого развития дошкольников, которое достигается к старшему дошкольному возрасту. Старший дошкольник должен уметь строить сюжетный рассказ на предложенную тему по картинкам, придумывать сказку [Там же: 150].

О.С. Ушакова и Е.М. Струнина отмечают, что «успешное развитие связной речи зависит от речевой среды, социального окружения, семейного благополучия, индивидуальных особенностей личности, познавательной активности ребенка и т. п.» [Там же: 54].

4. Методика диагностики развития связной речи в выявлении уровня владения родным языком старшего дошкольника

По методике диагностики развития связной речи у старших дошкольников О.С. Ушаковой и Е.М. Струниной связность рассказа определяется по таким критериям, как раскрытие темы, объем рассказа, соблюдение структуры повествования, средства связи, плавность изложения, выразительность речи [Ушакова и др., 2004].

О.Н. Филиппова выделяет следующие критерии в развитии связной речи: последовательность изложения основной сюжетной линии, связность высказываний, разнообразие лексических средств, грамматическую правильность выбираемых конструкций, интонационную выразительность рассказа, культуру поведения ребенка во время рассказывания и др. [Филиппова, 2023: 15]

Опираясь на труды предшественников, мы сформулировали критерии оценивания связной речи детей 5–7 лет. Эти критерии отражены в таблице 1.

Таблица 1

Критерии диагностики развития связной речи детей 5–7 лет

Баллы	**Критерии оценки**				
	Объем	**Раскрытие темы**	**Логическая связность**	**Полнота предложений, правильность структуры**	**Разнообразие лексических и синтаксических средств**
1	Составлено 1–2 предложения или же не сформулировано ни одно полное предложение, рассказано отдельными словами, фразами, названы предметы и персонажи	Не раскрыл тему	Смысл не понятен	Неполные предложения	Скудная лексика, ввиду использования неполных предложений
2	2–4 предложения, в основном нераспространенные, неполные	Частично раскрыл тему	Не раскрыл смысл	Полные и неполные неправильные предложения	Присутствуют полные и неполные предложения, но используются только главные члены предложения.
3	4–6 полных предложения	Полностью раскрыл тему	Смысл сюжета понятен	Полные предложения, некоторые предложения могут иметь неправильную структуру	Полные простые предложения; используются второстепенные члены предложения
4	5–8 распространенных предложений, используются эпитеты	Полностью раскрыл, описал всю ситуацию	Полностью смысл понятен; установлены причинно-следственные связи	Полные предложения; есть незначительные ошибки	Распространенные правильные предложения; используются эпитеты, сравнения, метафоры
5	Более 9 предложений	Раскрыл, описал ситуацию; развил сюжет	Развил смысл; богатое содержание	Правильные и полные предложения	Полные правильные распространенные предложения; качественное описание ситуации

Инструментарий оценивания связной речи включает два монолога:

1) рассказ о себе, о своем дне, где задается следующий вопрос: «Расскажи о себе, чем обычно занимаешься дома, что обычно делаешь?»; цель – выявить применение глаголов действия, лексем, называющих предметы быта, утвари, оценивания качеств предметов, умение рассказывать о себе, а также диагностика связности речи;

2) рассказ по сюжетной картинке; цель – выявить связность речи, творческую способность описывать ситуацию, умение развивать сюжет, умение рассказывать о других людях; карточки взяты из пособия по развитию речи детей, где представлена серия картин якутского художника Николая Рязанского о жизни в селе, которая детям близка по теме [Киистэ кэпсээнэ, 2020].

Рассказ о себе или рассказывание из опыта как метод развития речи детей широко используется в обучении языку (Е.И. Тихеева, Л.А. Пеньевская, Э.П. Короткова, М.М. Алексеева, Б.И. Яшина), так как «рассказы из опыта обычно живы, искренни и эмоциональны… отличаются тем, что ребенок хорошо знает то, о чем он говорит… имеют большое значение для развития мыслительных и речевых способностей ребенка, для проявления его индивидуальности» [Алексеева и др., 2020: 276]. Но такие рассказы, как отмечают М.М. Алексеева, Б.И. Яшина, «недостаточно связны и последовательны» [Алексеева и др., 2020: 276]. Поэтому данный метод не может быть единственным инструментом оценивания связной речи.

Рассказывание по картине как в формировании речи, так и в диагностике развития речи используется в качестве эффективного метода многими психологами и методистами (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, О.С. Ушакова, Е.М. Струнина, Н.Г. Смольникова, Е.А. Смирнова, Н.М. Зубарева, И.Н. Лебедева, А.Л. Фаззалова и др.). И.Н. Лебедевой понятие «рассказывание по картине» определяется как «перевод рассказчиком определенного содержания графического знака в вербальный текст разной степени развернутости, протекающий с разной степенью самостоятельности как на этапе осмысления изображения, так и на этапе собственно речевой деятельности» [Лебедева, 2011: 97]. Н.М. Зубаревой разработана методика описания художественной живописи, согласно которой «дети должны не просто увидеть всю прелесть изображенного, но и активизировать свой словарь для передачи своих впечатлений, мыслей» [Фаззалова, 2015], а сюжетные картины раскрывают способность развивать сюжетную линию, вникать в отношения между персонажами.

Традиционно в методике развития речи дошкольников критерием высокого уровня владения связной речью считается объем рассказа ребенка, состоящий не менее чем из 9–10 предложений, 50–60 слов, в котором применяются сравнения, эпитеты, «характер предложений

разнообразный, соблюдается структура не только основных частей, но и внутри каждой части, используются разнообразные средства связи, речь плавная, повторы и паузы единичны» [Ушакова и др., 2004: 156]. Средний уровень предполагает меньший объем, ограниченное употребление средств. Но если монолог представляет собой «рассказ-схему либо незаконченный рассказ при наличии длительных пауз и многочисленных повторов», то он относится к низкому уровню [Там же].

В нашем исследовании для более детальной оценки, кроме уровней «высокий», «средний», «низкий», были добавлены промежуточные срезы: «выше среднего», «ниже среднего», – что позволило сформировать пятибалльную шкалу оценивания.

Проставляются баллы (от 1 до 5 – см. левую колонку в таблице 1), соответствующие описанию критериев, суммируются все их значения, таким образом выводятся следующие уровни: высокий (20–25); выше среднего (16–19); средний (9–14); ниже среднего (6–8); низкий (0–5).

Данные показатели были сформулированы в результате анализа интервью детей саха в ходе исследования уровня владения родным языком.

5. Анализ диагностики связной речи

В 2022 г. было проведено исследование уровня владения родным языком детей саха в селах Кюндядя, Жархан, в городе Нюрба и в пригородах Антоновка, Убоян Нюрбинского улуса [Иванова и др., 2023]. В Нюрбинском районе насчитывается 23 303 жителей, в г. Нюрба проживает 10 138 человек, в том числе указавших национальность «саха»/«якут» – 9421 человек. Население с. Кюндядя составляет 813 жителей, с. Жархан – 401 [Итоги Всероссийской переписи…, 2020]. Интервью проведено со 127 детьми в возрасте от 5 до 14 лет, получающих обучение и воспитание в детских садах, школах и классах на родном языке саха. Из них в данной статье оцениваются все 40 дошкольников, которым 5–7 лет, в том числе 15 – из детского сада «Кэскил» г. Нюрбы, 7 – из детского сада «Биһик» с. Антоновка, 7 – из детского сада «Сардаана» с. Убоян, 6 – из с. Кюндядя, 5 – из с. Жархан.

В итоге выявлены показатели, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Степень развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста

Степень развития связной речи	Рассказ о себе (в %)	Рассказ по картинке (в %)
Высокая	9,09 %	16,67 %
Выше среднего	30,3 %	19,44 %

Средняя	15,15 %	13,89 %
Ниже среднего	9,09 %	2,78 %
Низкая	24,24 %	33,33 %
0	12,12 %	13,89 %

Как видно из таблицы 2, у половины детей наблюдается низкая развитость связной речи (ниже среднего, низкая, нулевая). Дети, отнесенные к группе с «нулевой» и «низкой» степенью развития связной речи, в основном говорят на русском языке, иногда вставляют отдельные слова на языке саха, частично понимают или совсем не понимают родную речь. Речь на русском языке в целом развита в средней степени и выше средней. Другими словами, это дети, которые плохо владеют родным языком, их язык общения – русский. У тех, которым характерна смешанная саха-русская речь, полностью не развита связная речь, они не умеют выражать выстроенную мысль ни на родном языке, ни на русском. Было установлено, что основной причиной регресса их коммуникативных навыков является сокращение живого общения как со взрослыми, так и со сверстниками [Иванова и др., 2023].

Около трети опрашиваемых владеет высоким уровнем или выше среднего – это дети, с которыми родители занимаются языковым образованием: читают книги, учат стихотворения, рассказывают сказки, разговаривают. В группу с высокой степенью развития связной речи попали дети, полноценно владеющие родным языком. Примечательно, что почти у всех развита связная речь и на русском языке. Они владеют навыками описания, следования сюжетной линии.

Трое детей, развивая сюжет картинки, сочинили сказку, используя при этом эпитеты. Двое из них посещают один детский сад, в котором, как выяснилось в беседе с воспитателями, проводится просветительская работа с родителями по развитию речи их детей на родном языке.

Как показало исследование, дети могут составить рассказ о себе более непринужденно, свободно, поэтому используют в основном разговорный стиль, просторечную лексику, отрывистые фразы, иногда происходит переход в диалог. Рассказ по картинке требует более цельной связной речи, литературного оформления текста. Иногда информанту предлагалось составить рассказ по нескольким картинкам, так как некоторые сюжеты не побуждали к составлению рассказа, возможно, по личностным психологическим особенностям ребенка. На практике оценивание связной речи по двум монологам целесообразно, т.к. способствует более адекватной и детальной диагностике связной речи.

6. Заключение

Таким образом, нами установлено, что владение языком предполагает понятность речи, что обеспечивается ее связностью. Именно поэтому исследование уровня владения родным языком должно включать не только «называние предмета», т.е. владение лексикой, но и диагностику связной речи.

На основе анализа определений термина «связная речь» нами разработана ее рабочая формулировка, используемая в настоящем исследовании: связная речь – развернутое высказывание, смысл которого понятен собеседнику, что предполагает развитие достаточного уровня словарного запаса, усвоение языковых правил, умение излагать мысль.

Для разработки методики были учтены особенности развития речи у ребенка 5–7 лет, что подразумевает сформированность навыков как диалогической, так и монологической речи, владение правилами родного языка и словарем около 7–8 тыс. слов, умение слушать, отвечать, возражать, понимание предметной отнесенности слова, способность смешивать типы высказываний в одном тексте. Данные особенности были также подтверждены в ходе интервью.

Инструментарий авторской методики диагностики связной речи в социолингвистическом аспекте включает два приема: 1) рассказ о себе, о своем дне; 2) рассказ по сюжетной картинке. Критериями оценивания связной речи выступают: объем, раскрытие темы, логическая связность, полнота предложений, правильность структуры, разнообразие лексических и синтаксических средств. Данные критерии оцениваются по пятибалльной шкале, описание которых отражены в таблице 1. По сумме показателей определяется уровень развития связной речи: высокий (20–25); выше среднего (16–19); средний (9–14); ниже среднего (6–8); низкий (0–5).

Методика создана и апробирована в ходе исследования уровня владения родным языком детей саха в селах Нюрбинского района Республики Саха, которое показало, что в целом в наблюдаемых условиях языкового сдвига связная речь у половины детей саха развита на низком уровне.

Описанная методика является трудоемкой, но позволяет, на наш взгляд, в силу разнообразия индикаторов получить наиболее полную и детальную объективацию уровня владения языком детей. Поэтому в выявлении уровня владения детской речью предлагаемая диагностика может стать неотъемлемой частью социолингвистических исследований, при этом для исследования речи детей школьного возраста в подобном ракурсе необходимо внести изменения в шкалу оценивания.

Литература

Алексеева М.М., Яшина Б.И. (2000) Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: Уч. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М.: Академия. 400 с.

Божович Е.Д. (1997) Развитие языковой компетенции школьников: Проблемы и подходы // Вопросы психологии. № 1. С. 33–44.

Иванова Н.И., Никитина В.Н. (2023) Уровень владения лексикой родного языка у детей саха при смешанном типе раннего двуязычия: (На материале Нюрбинского улуса Республики Саха (Якутия)) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 3 (44). С. 79–91.

Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Режим доступа: URL: https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476 Дата обращения: 22.07.2023

Киистэ кэпсээнэ (Рассказы кисти) (2020) / Изд. Е.Ф. Рязанской. Якутск: Бичик. 48 с.

Корчагина В.Н., Оксенчук А.Е. (2014) Речевой онтогенез: Метод. рекомендации. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова. 48 с.

Лебедева И.Н. (2011) Связная речь в общении и речь в деятельности // Специальное образование. № 2. С. 88–98.

Леонтьев А.А. (1969) Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука. 307 с.

Минина А.И. (2016) Актуальные проблемы языковой компетенции // Гуманитарные и юридические исследования. № 2. С. 236–241.

Осмоловская И.М. (2014) О научном статусе дидактики // Образование и наука. № 9. С. 85–98.

Потебня А.А. (1999) Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт. 300 с.

Рубинштейн С.Л. (2002) Основы общей психологии. СПб.: Питер. 720 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Стурикова М.В. (2015) Коммуникативная компетенция к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационнные проекты и программы в образовании. № 6. С. 27–32.

Ушакова О.С. (2017) Программа развития речи дошкольников. 4-е изд., перераб. М.: Сфера. 96 с.

Ушакова О.С., Струнина Е.М. (2004) Методика развития речи детей дошкольного возраста: Уч.-метод. пособие для воспитателей дошк. образоват. учреждений. М.: ВЛАДОС. 288 с.

Фаззалова А.Л. (2015) Пейзажная картина как средство развития связной монологической речи у детей старшего дошкольного возраста // Актуальные вопросы современной педагогики: Материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа: Лето. С. 86–88.

Филиппова О.Н. (2023) Мультипликация как средство развития диалогической и монологической речи детей дошкольного возраста // Современный ученый. № 2. С. 13–16.

Хомский Н. (1972) Язык и мышление. М.: Изд-во Московского ун-та. 122 с.

Хуторской А.В. (2002) Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». Режим доступа: https://studylib.ru/doc/3793739/klyuchevye-kompetencii-i-obrazovatel._nye-standarty Дата обращения: 14.07.2024.

Цейтлин С.Н. (2000) Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС. 240 с.

References

Alekseeva, M.M., Yashina, B.I. (2000) Metodika razvitiya rechi i obucheniya rodnomu yazyku doshkol'nikov [Methods of speech development and teaching the native language of preschoolers]. M.: Academy. 400 p. (In Russ.)

Bozhovich, E.D. (1997) Razvitie yazykovoj kompetencii shkol'nikov: Problemy i podhody [Development of language competence of schoolchildren: Problems and approaches] // Voprosy psihologii. No. 1. Pp. 33–44. (In Russ.)

Ivanova, N.I., Nikitina, V.N. (2023) Uroven' vladeniya leksikoj rodnogo yazyka u detej saha pri smeshannom tipe rannego dvuyazychiya: (Na materiale Nyurbinskogo ulusa Respubliki Saha (Yakutija)) [Level of proficiency in the vocabulary of the native language in Sakha children with a mixed type of early bilingualism: (Based on the material of the Nyurba ulus of the Republic of Sakha (Yakutia))] // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. No. 3 (44). Pp. 79–91. (In Russ.)

Kiiste kistelene (Rasskazy kisti) (2020) [Stories by the brush] / Ed. by E.F. Ryazanskaya. Yakutsk: Bichik. (In Sakha)

Korchagina, V.N., Oksenchuk, A.E. (2014) Rechevoj ontogenez: Metodicheskie rekomendacii [Speech ontogenesis: Methodological recommendations]. Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova. 48 p. (In Russ.)

Lebedeva, I.N. (2011) Svyaznaya rech' v obshchenii i rech' v deyatel'nosti [Connected speech in communication and speech in activity] // Special'noe obrazovanie. No. 2. Pp. 88–98. (In Russ.)

Leontyev, A.A. (1969) Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya [Psycholinguistic units and the generation of speech utterances]. M.: Nauka. 307 p. (In Russ.)

Minina, A.I. (2016) Aktual'nye problemy yazykovoj kompetencii [Current problems of language competence] // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. No. 2. Pp. 236–241. (In Russ.)

Osmolovskaya, I.M. (2014) O nauchnom statuse didaktiki [On the scientific status of didactics] // Obrazovanie i nauka. No. 9. Pp. 85–98. (In Russ.)

Potebnya, A.A. (1999) Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk [Complete Works: Thought and Language]. M.: Labirint. 300 p. (In Russ.)

Rubinstein, S.L. (2002). Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of general psychology]. SPb.: Piter. 720 p. (In Russ.)

Slovar' sociolingvisticheskih terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. V.Yu. Mikhal'chenko. M. 312 p. (In Russ.)

Sturikova, M.V. (2015) Kommunikativnaya kompetenciya k voprosu o definicii i strukture [Communicative competence on the issue of definition and structure] // Innovacionnnye proekty i programmy v obrazovanii. No. 6. Pp. 27–32. (In Russ.)

Ushakova, O.S. (2017) Programma razvitiya rechi doshkol'nikov [Speech development program for preschoolers]. 4-e izd., pererab. M.: Sfera. 96 p. (In Russ.)

Ushakova, O.S., Strunina, E.M. (2004). Metodika razvitiya rechi detej doshkol'nogo vozrasta: Uch.-metod. posobie dlya vospitatelej doshk. obrazovat. uchrezhdenij [Methods of speech development for preschool children]. M.: VLADOS. 288 p. (In Russ.)

Fazzalova, A.L. (2015). Pejzazhnaya kartina kak sredstvo razvitiya svjaznoj monologicheskoj rechi u detej starshego doshkol'nogo vozrasta [Landscape painting as a means of developing coherent monologue speech in children of senior preschool age] // Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki: Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, mart 2015 g.). Ufa: Leto. Pp. 86–88. (In Russ.)

Filippova, O.N. (2023). Mul'tiplikaciya kak sredstvo razvitiya dialogicheskoj i monologicheskoj rechi detej doshkol'nogo vozrasta [Animation as a means of developing dialogical and monologue speech of preschool children] // Sovremennyj uchenyj. No. 2. Pp. 13–16. (In Russ.)

Homskij, N. (1972) Yazyk i myshlenie [Language and thought]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 122 p. (In Russ.)

Hutorskoj, A.V. (2002) Klyuchevye kompetencii i obrazovatel'nye standarty [Key competencies and educational standards] // Internet-zhurnal "Ejdos". Available at: https://studylib.ru/doc/3793739/klyuchevye-kompetencii-i-obrazovatel._nye-standarty Access date: 14.07.2024

Tseitlin, S.N. (2000). Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi: Uch. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Language and the child: Linguistics of children's speech: Proc. aid for students' higher schools, institutions]. M.: VLADOS. 240 p. (In Russ.)

Никитина Вилюяна Николаевна – научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-5575-6687
Адрес: 677015, Российская Федерация, Республика Саха, г. Якутск, пер. Сандал, д. 9/1.
Эл. адрес: gviluyana@mail.ru

Viliuiana N. Nikitina – researcher of the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-5575-6687
Address: Sandal per. 9/1, Yakutsk, Republic of Sakha, Russian Federation, 677015
Email: gviluyana@mail.ru

Для цитирования: *Никитина В.Н.* Диагностика развития связной речи детей саха 5–7 лет: социолингвистический подход // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 119–131. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-119-131

For citation: *Nikitina, V.N.* Diagnostics of connected speech development in sakha children 5–7 years old: a sociolinguistic approach // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 119–131. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-119-131

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 08.06.2024;
approved after reviewing 10.11.2024;
accepted for publication 15.12.2024.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

УДК 81'272 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-132-146

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЧУКОТКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Виталий Р. Андрианов
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Статья посвящена истории развития языковой политики на территории современного Чукотского автономного округа, которая рассмотрена автором в контексте языковой политики на территориях, где проживают коренные малочисленные народы Севера. С опорой на научную литературу выделены основные характерные особенности языковой политики в различные исторические периоды. Описаны идеологические основы национальной и языковой политики Советского Союза в 20-х и 30-х годах XX в., а также дальнейшая эволюция советской языковой политики, выявлена взаимосвязь между направлениями развития советской языковой политики на Чукотке и современной языковой политикой. В работе также уделено внимание некоторым противоречиям современной российской национальной политики, ее взаимосвязи с советскими подходами к управлению этнокультурным многообразием, рассмотрен контекст интеграции общественных организаций коренных малочисленных народов в языковое планирование; описаны некоторые примеры участия представителей коренных малочисленных народов Чукотки в языковом планировании с учетом специфики правового положения и функций общественных организаций, проведен краткий анализ нормативно-правовой базы языковой политики на Чукотке. На основе изученного материала определены ключевые факторы языкового планирования на Чукотке в разные исторические периоды.

Ключевые слова: *языковая политика, языковое планирование, Чукотка, коренные малочисленные народы, национальная политика, управление этнокультурным разнообразием*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© В.Р. Андрианов, 2024

ON EVOLUTION OF LANGUAGE POLICY IN CHUKOTKA: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF REGIONAL LANGUAGE PLANNING

Vitaly R. Andrianov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article is devoted to the history of language policy development on the territory of the modern Chukotka Autonomous Okrug, which is considered by the author in the context of language policy in the territories inhabited by the indigenous peoples of the North. Based on scientific literature, the main characteristic features of language policy in different historical periods are highlighted. The ideological foundations of the national and language policy of the Soviet Union in the 1920-1930, as well as the further evolution of the Soviet language policy are described, and the relationship between the directions of development of the Soviet language policy in Chukotka and the modern language policy is revealed. The paper also pays attention to some of the contradictions of contemporary Russian national policy, its relationship with Soviet approaches to the management of ethno-cultural diversity

and considers the context of the integration of indigenous public organisations into language planning. It also describes some examples of participation of representatives of small indigenous minorities of Chukotka in language planning, considering the specifics of the legal status and functions of public organisations, and provides a brief analysis of the legal and regulatory framework of language policy in Chukotka. Based on the studied material, the key factors of language planning in Chukotka in different historical periods were identified.

Keywords: *language policy, language planning, Chukotka, indigenous minority peoples, ethnic policy*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Vitaly R. Andrianov, 2024

1. Введение

Сохранение языков коренных этнических групп является одной из важных задач как российской национальной политики, так и региональных вариаций ее реализации. Государственная языковая политика в каждом отдельном регионе неизбежно сталкивается с особенным контекстом, сформированным историческими, политическими, социальными и культурными факторами. Однако разнообразие региональных контекстов не недостаток, а преимущество, поскольку является прямым следствие этнокультурного разнообразия нашей страны.

Одним из особенных регионов является Чукотский автономный округ, где присутствуют, кроме русского, чукотский, эскимосский, эвенский, чуванский, корякский, керекский, юкагирский языки [Коломиец, 2021]. Будучи одним из самых отдаленных от центра субъектов, а также регионом с собственной историей взаимоотношений с российским государством, Чукотка может представлять немалые вызовы для языковых политиков. Управление этнокультурным разнообразием в регионе должно подчиняться общим российским принципам языковой политики, однако не может не учитывать местные особенности как истории, так и современной культурной ситуации. Именно поэтому целью нашего исследования является изучение языковой политики в ЧАО как регионального варианта российской языковой политики и ответ на вопрос: какие факторы определяют языковую политику на Чукотке? Рассмотрение отдельного региона позволит выявить общегосударственные модели сохранения и поддержки миноритарных языков в России. Основной акцент в рамках исследования мы будем делать именно на роли государства в языковой политике и, соответственно, на проблемах, которые существуют в этой сфере государственного управления.

2. Методология и материалы исследования

Чукотский автономный округ является репрезентативным регионом для такого исследования, поскольку для языковой ситуации на Чукотке характерно многоязычие, сам

регион обладает особым статусом автономного округа, а также он населен представителями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). Мы планируем обратиться к истории языковой политики в регионе, а также к ее современному состоянию. Для этого мы проанализируем нормативно-правовую базу, актуальную для исследования, на федеральном и региональном уровнях. Для достижения цели нашего исследования необходимо, во-первых, изучить исторический контекст развития языковой политики на Чукотке – она неразрывно связана с языковой политикой по отношению к представителям народов Севера в стране в целом – и отдельно рассмотреть факторы, которые влияют на формирование современной языковой политики в регионе.

Отметим, что языковой политикой мы называем принципы государственной политики в отношении языков и меры, которые для регулирования языковой ситуации предпринимают локальные сообщества и индивиды [Вахтин, Головко, 2004: 162]. Важным понятием для нашей работы будет понятие языкового планирования (language planning). Б. Спольски называет языковым планированием прямое вмешательство в языковую ситуацию или иные действия, направленные на ее изменение [Spolsky, 2004]. В том числе это и государственное регулирование в сфере языковой политики. Для нашего исследования важно охарактеризовать участников языкового планирования в регионе, потому что описание их деятельности, идеологических и правовых основ деятельности отражает и особенности развития языковой политики.

Многие отечественные и зарубежные исследователи изучали вопросы истории развития языковой политики в России. Среди работ, которые посвящены этому вопросу, можно выделить работы лингвистов (В.М. Алпатов, Л.П. Крысин, В.И. Беликов, Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко, Л. Гренобль), историков (Т. Мартин, Ф. Хирш, Ю.Л. Слёзкин, А.Л. Арефьев), политологов (Н.М. Мухарямов). Мы обобщим информацию из работ исследователей, а также дополним его анализом регионального законодательства в Чукотском автономном округе.

3. Языковая политика и народы Севера: историографический очерк

Изучение истории языковой политики предполагает наличие периодизации. В рамках нашего исследования мы будет опираться на вариант периодизации, предложенный В.М. Алпатовым. Алпатов [1997] выделяет следующие периоды: период активной поддержки и развития этих языков (начало 1920-х – середина 1930-х годов), ассимиляторский период (середина 1950-х – середина 1980-х годов), возврат к политике поддержки (с конца 1980-х годов). Данная периодизация позволяет подробнее рассмотреть советские практики языковой политики и управления этнокультурным многообразием. Затем, ознакомившись с общим контекстом

развития языковой политики, мы рассмотрим уже прицельно особенности языковой политики на Чукотке.

И хотя существенная часть нашего исследования посвящена рассмотрению истории советских практик языковой политики, мы также должны уделить внимание и досоветскому периоду, который не отмечен системным участием российского государства в проведении языковой политики на Чукотке. Ю.Л. Слёзкин [2008] отмечает, что история экономического и политического освоения территорий Сибири и Дальнего Востока (как и в целом Крайнего Севера) – это история колонизации, поэтому, на наш взгляд, важно сосредоточить внимание на истории взаимоотношений русского государства как единого субъекта и отдельных народов. Присоединение Чукотки характеризуется, во-первых, длительностью, и, во-вторых, отсутствием внедрения централизованного государственного управления. Межэтнические отношения периода присоединения Чукотки к России (с середины XVII в. по конец XVIII в.) – это во многом история военного противостояния российского государства и политически обособленных северных народов. В определенный момент (XVIII в.) военный вектор взаимоотношений сменяется дипломатическим, что некоторые историки связывают с изменением положения Чукотки в структуре стратегического планирования развития российского государства – другие земли, например Аляска, становятся приоритетными территориями для колонизации, в то время как присоединение Чукотки перестает быть вопросом экономического развития. К концу XVIII в. российская сторона достигает успеха в примирении с чукчами, эскимосами, коряками и другими народами, но не интегрирует их в имперскую национальную политику. На данном этапе целью российской власти было не полное подчинение народов, а прекращение военных столкновений, которые отнимали ресурсы, необходимые для освоения других территорий [Зуев, 2002].

Замечания выше необходимы нам для выстраивания структуры национальной политики в дореволюционный период. Отсутствие реальной политической интеграции Чукотки в административное пространство не способствовало появлению централизованной языковой политики на этой территории. К одному из первых актов языковой политики относится поддержка государством развития образования на территории Чукотки – открытие школ для детей. В 1883 г., до образования национального округа, на Чукотке была открыта первая народная школа, где дети из числа коренных народов могли учить русский язык. Позже открылись церковно-приходские школы, а также школы, подведомственные Министерству народного просвещения. К 1917 г. действовало шесть школ, однако их деятельность прекратилась после 1917 г. [Талызин, 2009].

4. Советский период: системный и идеологический подход к языковой политике

Советский подход к «решению национального вопроса» отличался гибкостью. С одной стороны, территория бывшей Российской империи была разделена на автономные территориальные единицы, что соответствовало большевистскому видению права наций на самоопределение: каждая «нация» должна получить собственную территориальную единицу. Однако на практике этот подход был не универсальным, по крайней мере по отношению к народам Советского Севера. На начальном этапе советской истории [Крысин, Беликов, 2024; Арефьев, 2017] государство предоставляло территориальную автономию и народам Севера. В период с 1920 по 1930 г. в составе РСФСР было образовано шесть автономных республик и областей, восемь автономных округов (в том числе и Чукотский), а также 19 национальных районов [Арефьев, 2017: 33]. Центральным государственным органом социально-экономического развития северных территорий стал Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (Комитет Севера). Комитет Севера представлял собой структуру, которая включала в себя несколько отраслевых комиссий. Эти комиссии занимались планированием и реализацией мер, которые были направлены на социально-экономическое освоение и развитие территорий, населенных коренными народами, в том числе и формированием языковой политики [Вахтин, 1993].

Одной из задач Комитета Севера стало внедрение языков коренных народов в сферы управления и образований на упомянутых выше территориях. К 1932 г. деятельность Комитета Севера привела к тому, что письменными (на основе латиницы) стали чукотский, эвенский и эскимосский, были подготовлены словари этих языков. Более того, на родных языках стали выпускаться печатные издания. В то же самое время корпусное языковое планирование (то есть стандартизация и кодификация языков) обнажило некоторые лингвистические проблемы региона. Например, чаплинский вариант эскимосского стал основой для литературной нормы, тогда как науканский был признан лишь диалектом [Меновщиков, 1964].

Кроме того, советскому государству нужно было решать две параллельные проблемы. Языковая политика, которая в системе национальной политики большевиков занимала важную часть, должна была выполнять две функции: она должна была создать условия для успешной коммуникации людей и удовлетворять потребность идентичности [Алпатов, 1997].

Языковая политика эпохи коренизации удовлетворяла обе этих потребности: она включала бесписьменные языки народов Севера в сферы образования и государственного управления, массовой культуры и расширяла список возможных доменов употребления именно этнических языков. Однако постепенно ключевой целью советской национальной политики становилось создание советской нации [Grenoble, 2003: 162]. К середине 1930-х годов советское

руководство начало пересматривать политику по отношению к народам Севера. Их языки постепенно выводились из образования, целью языковой политики стала русификация [Арефьев, 2017].

Ранее мы упоминали, что политическая интеграция Северо-Восточной Сибири замедлилась, когда у имперской администрации пропал экономический интерес к освоению этих территорий. Однако в 1930-х годы Чукотка снова заинтересовала государство с экономической точки зрения. Деятельность Комитета Севера не сводилась к исключительно культурной и языковой поддержке народов Севера. К моменту начала индустриализации в 1930-х годах государство было осведомлено о значительных природных ресурсах Чукотки, Якутии, Камчатки и других регионов Северо-Восточной Сибири. Это обусловило изменение политики на территории Чукотки – приоритетной целью стало экономическое развитие. Кроме Комитета Севера, возникли и другие крупные акторы, например появившийся в 1931 г. комбинат особого типа «Дальстрой», целью которого было уже экономическое освоение территорий Дальнего Востока. Появление крупных государственных корпораций, таких как «Дальстрой» и «Главсевморпуть», отразилось на полномочиях и ресурсах Комитета Севера [Слёзкин, 2008]. Несмотря на то что еще в 1930 г. по инициативе Комитета Севера на территории Чукотки был учрежден административный субъект со статусом национального округа — Чукотский национальный округ, проблемы развития коренного населения региона не получили приоритета в рамках общей государственной политики на Крайнем Севере. Национальный округ находился в областном подчинении и не обладал достаточной автономией, чтобы проводить независимую от областного центра и обеспеченную ресурсами языковую и культурную политику. В 1934 г. Комитет Севера прекратил свою деятельность [Вахтин, 1993].

Таким образом, наиболее влиятельными организациями на территории Чукотки оказались экономические агенты центрального правительства, а национальная политика перестала быть приоритетной сферой для государства. Будет несправедливо сказать, что централизованная языковая политика в период активного экономического освоения Чукотки прекратилась, однако она сменила свой вектор в сторону большей интеграции коренного населения, во-первых, в экономику всего государства и, во-вторых, в русскоязычное образование. Например, в 1940-х годах появилась новая модель школьного образования, которая предусматривала подготовительный «нулевой» класс для не владеющих русским языком детей, где они преимущественно обучались русскому языку [Чумак, 2008]. В дальнейшем система школьного образования менялась, и вдобавок к изменению языка образования в школах была внедрена система школ-интернатов, которые нарушали межпоколенческую передачу этнических языков. Период 1940–1970-х годов, по мнению исследователей, был периодом

возвращения к политике русификации в целом во всем Советском Союзе [Алпатов, 2000; Мартин, 2011; Арефьев, 2017].

В.М. Алпатов отмечает, что период 1940–1970-х годов в истории языковой политики Советского Союза не был столь знаменательным, каким была коренизация и, соответственно, борьба с ее последствиями [Алпатов, 2000: 102]. Республики в составе СССР обладали сравнительно широкой автономией и старались проводить самостоятельную языковую политику, в том числе пытались развивать национально-русское двуязычие. Территории советского Севера, однако, входили в состав РСФСР, где по-прежнему главным был вектор русификации. В 1950–1960-х годах политика русификации интенсифицировалась; в 1957 г. было издано постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему экономическому и культурному развитию народов Севера», которое стало основой для политики СССР по отношению к народам Севера. В частности, п. 8 постановления утвердил необходимость использования школ-интернатов для детей из семей северных народов [Арефьев, 2017: 38].

Политические изменения 1980-х годов затронули все сферы советской политики, в том числе и национальную, и языковую политику. Этот период характерен появлением общественных организаций в этнических сообществах всего СССР, также и среди народов Севера. Их деятельность была посвящена привлечению общественного и государственного внимания к проблемам сохранения языков, культур и традиционного образа жизни народов Севера. На Чукотке в 1990 г., например, начало действовать Общество эскимосов «Юпик» [Там же: 41]. Характерной особенностью деятельности этих общественных организаций было то, что, в отличие от периода коренизации, эти организации проводили языковую политику «снизу», т.е. представляли собой негосударственные акторы языковой политики [Grenoble, 2003: 205]. Значение таких организаций увеличилось в постсоветский период, о чем мы более подробно поговорим ниже.

Современные исследователи по-разному оценивают реальные цели и задачи проводимой большевиками политики. Например, Франсин Хирш [2022] считает, что советская национальная политика преследовала цели и задачи российской имперской политики по установлению политического контроля над народами Российской империи (в том числе и над коренными народами Севера). Другие же, например Терри Мартин [2011], считают, что советская национальная политика, на определенных этапах советской истории, действительно преследовала цель обеспечить субъектность народов, которые прежде находились в колониальной зависимости от имперских властей, по крайней мере на раннем этапе советской истории. В любом случае, для современной российской языковой политики значение советского

периода заключается в том, что именно к этому периоду относится формирование нормативно-правовой базы национальной политики на Крайнем Севере [Гарипов, 2010].

5. Современная языковая политика на Чукотке: нормативно-правовая база и особенности языкового планирования

Рассмотрим нормативно-правовую базу языковой политики в ЧАО. Она регулируется комплексом нормативно-правовых актов (НПА) федерального и регионального уровня.

Основными федеральными НПА для языковой политики Чукотки можно назвать федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20.07.2000 № 104-ФЗ, закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1 и стратегию национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятую в 2012 г.. (Подробный анализ данных документов можно найти в работах: [Мухарямов, Тимохина, 2014; Гоголев, 2011; Белов, Кропачев, Соловьёв, 2017; Кубрин, 2019]). В целом исследователи выделяют противоречивость и недостаточную разработанность языкового законодательства на государственном уровне, однако многие лакуны могут быть устранены системой НПА регионального уровня.

В нашем кейсе региональное отраслевое законодательство представлено Уставом Чукотского автономного округа [Устав Чукотского автономного округа, 1997], законом ЧАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Чукотского автономного округа» [Закон «О родных языках коренных малочисленных народов...», 2017], а также рядом другим нормативно-правовых актов.

Устав ЧАО обязывает правительство округа осуществлять меры по поддержке и сохранению языков коренных народов Чукотки [Устав Чукотского автономного округа, 1997]. Закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Чукотского автономного округа» содержит информацию о полномочиях органов власти в вопросах поддержки и развития языков народов Чукотки. Закон о родных языках также предусматривает разработку и реализацию программ по развитию языков народов Чукотки. Эти программы также являются частью нормативно-правовой базы языковой политики в ЧАО [Закон «О родных языках коренных малочисленных народов...», 2017]. Примерами таких программ служат:

1) Государственная программа «Информационное общество Чукотского автономного округа» – «Организация радиовещания регионального информационно-

музыкального радиоканала с использованием элементов языков коренных малочисленных народов Чукотки в населенных пунктах Чукотского автономного округа» [Постановление Правительства Чукотского автономного округа..., 2014];

2) Концепция по развитию родных языков коренных малочисленных народов Чукотского автономного округа (чукотского, эскимосского, эвенского) на период 2014–2025 гг. [Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа..., 2014];

3) Производный от Концепции выше «Комплексный план по развитию родных языков коренных малочисленных народов Чукотского автономного округа (чукотского, эскимосского, эвенского) в сфере образования Чукотского автономного округа на период до 2025 года» [Приказ Департамента образования и науки Чукотского автономного округа..., 2021].

На основе анализа нормативно-правовых актов мы пришли к выводу, что региональная власть в ЧАО признает свою задачу сохранения языков народов Чукотки, и приоритетными направлениями в вопросах поддержки этноязыкового наследия Чукотки являются финансирование проектов по поддержке культуры народов Чукотки, а также развитие системы преподавания родного языка. Государство признает существенную роль общественных организаций и важность научных исследований.

Следует отметить, что языковая политика государства в регионе периодически совершенствуется, НПА обновляются. Однако при анализе законодательства мы не нашли информации о возможной ответственности за невыполнение планов и программ и, самое главное, не обнаружили качественных и количественных критериев выполнения декларированных задач сохранения родных языков народов Чукотки.

Важной частью языкового планирования на Чукотке является то, что государство уже не является единственным субъектом, который может проводить языковое планирование. Возможность влиять на языковую политику в регионе получили также негосударственные акторы в лице общественных организаций, которые реализуют проекты с государственным и частным финансированием (система грантовой поддержки тематических проектов), а также добывающие и перерабатывающие корпорации. Это подтверждается последними полевыми исследованиями [Биткеева, Данилов, 2023].

В то же время анализ документов позволяет сказать, что на Чукотке не разрабатывается специфического регионального языкового законодательства. Для органов власти Чукотки, как и для российского государства в целом, большое значение имеет дискурс о поддержке КМНС. Мероприятия, направленные на сохранение языков, являются частью общей политики в области обеспечения прав КМНС, наряду с мерами по поддержке культуры, а также традиционных форм

экономической деятельности. На наш взгляд, значение дискурса КМНС имеет большое значение для языковой политики на Чукотке. Выше мы подчеркивали, что для позднего советского периода характерна активизация негосударственных общественных объединений, которые формировали собственное представление о том, как правильно проводить языковую политику. Одной из причин этому служит эволюция закрепленных в международных нормативно-правовых актах подходов к способам поддержки коренных народов со стороны государств, что отразилось и на закрепленных в правовой системе Российской Федерации НПА. Национальная политика в постсоветской России эклектично совмещает, с одной стороны, и советский патернализм, который направлен на интеграцию «незащищенных» КМНС и не предполагает политической автономии равной, например, автономии якутов, но и, с другой стороны, элементы либерального колониального дискурса, который предполагает участие организованных сообществ КМНС в формировании культурной и языковой политики в регионе [Соколовский, 2008: 63–69; Соколовский, 2016]. В языковой политике на Чукотке это реализуется в рамках государственно-общественного партнерства, примером которого является реализованный силами языковых активистов проект (и здесь мы акцентируем внимание на проектной форме, которая имеет четкие временные и финансовые рамки) по организации Фестиваля эскимосского языка в 2024 г., программа которого была подготовлена активистами, а существенная часть финансовых ресурсов была предоставлена региональными органами исполнительной власти.

Мы считаем, что факторами развития языковой политики на Чукотке являются унаследованные Российской Федерацией в целом подходы к управлению этническим многообразием, которые балансировали между ключевыми потребностями языковой политики: необходимость вовлекать этнические меньшинства в общегосударственное национальное строительство и удовлетворение потребности использования языка как маркера идентичности. Потребность организации общегосударственного коммуникативного пространства стимулирует государство к продолжению русификации, но существующие возможности участия в языковой политике общественных организаций (а также стимулирование крупных частных организаций к участию в поддержке языков КМНС) позволяют включить в языковое планирование меры по противодействию языковому сдвигу. Однако нет уверенности, что эти меры будут эффективными в связи с другими факторами, которые способствуют языковой ассимиляции, например демографическим.

Литература

Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / Институт востоковедения РАН. М.: Крафт+. 224 с.

Алпатов В.М. (2013) Языковая политика в современном мире: «Одноязычная» и «Двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. № 2 (12). С. 11–22.

Арефьев А.Л. (2017) Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: История и современность. 2-е изд., доп. М.: Ин-т социально-политических исследований РАН. 360 с.

Беликов В.И., Крысин Л.П. (2024) Социолингвистика: Учебник для вузов М.: Юрайт. 337 с.

Белов С.А., Кропачев Н.М., Соловьёв А.А. (2017) Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. № 1. С. 42–61.

Биткеева А.Н., Данилова Р.А. (2023) Языковая биография арктического города:(Материалы полевого исследования в городе Анадырь) // Социолингвистика. № 4 (16). С. 92–106.

Вахтин Н.Б. (1993) Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Европейский дом. 96 с.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. (2005) Социолингвистика и социология языка. СПб.: Издательство Европейского ун-та в СПб. 336 с.

Гарипов Р.Ш. (2010) Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России: История и современность // Российский юридический журнал. № 3. С. 23–30.

Гоголев П.В. (2014) Коренные малочисленные народы в конституционно-правовой политике России: Патернализм, протекционизм, партнерство // Конституционное и муниципальное право. № 7. С. 24–33.

Закон Чукотского автономного округа «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Чукотского автономного округа» от 16 октября 2017 г. № 65-ОЗ (принят Думой Чукотского автономного округа 16 октября 2017 г.). Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/8700201710260015?index=2. Дата обращения: 10.11.2023.

Зуев А.С. (2002) Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. № 1 (3). С. 14–24.

Коломиец О.П. (2021) Современная этноязыковая ситуация на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4. С. 119–132.

Кубрин С.Д. (2019) Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: СЧравнительный анализ редакций в контексте информационного обеспечения // Этническая журналистика: История и современность. Ежегодник. № 12. С. 38–42.

Мартин Т. (2011) Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 855 с

Меновщиков Г.А. (1964) Язык сиреникских эскимосов: Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь. Л.: Наука. 220 с.

Мухарямов Н.М., Тимохина Е.В. (2011) Местный уровень языковой политики: Нормативные измерения // Вестник Казанского гос. энергетического университета. № 3. С. 62–69.

Постановление Правительства Чукотского автономного округа «Об утверждении Государственной программы «Информационное общество Чукотского автономного округа» от 22 апреля 2014 г. № 402. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/460193813 Дата обращения: 10.11.2023.

Приказ Департамента образования и науки Чукотского автономного округа «Об утверждении Комплексного плана по развитию родных языков коренных малочисленных народов Чукотского автономного округа (чукотского, эскимосского, эвенского) в сфере образования Чукотского автономного округа на период до 2025 года» от 2 февраля 2021 г. № 01/21-58. Режим доступа: https://edu87.ru/index.php/2015-01-21-00-17-57/rod Дата обращения: 10.11.2023.

Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа «Об утверждении Концепции по развитию родных языков коренных малочисленных народов Чукотского автономного округа (чукотского, эскимосского, эвенского) на период 2014-2025 годы» от 19 мая 2014 г. № 203-рп. Режим доступа: https://edu87.ru/index.php/2015-01-21-00-17-57/rodnie. Дата обращения: 10.11.2023.

Слёзкин Ю.Л. (2008) Арктические зеркала: Россия и малые народы. М.: НЛО. 512 с.

Соколовский С.В. (2008) Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографической обозрение. № 4. С. 59–76.

Соколовский С.В. (2016) Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. М.: ИЭА РАН. 69 с.

Талызин О.Г. (2009) Состояние народного образования на Чукотке до создания национального округа (1883–1929) // Вестник Самарского гос. университета. № 67. С. 56–65.

Устав Чукотского автономного округа от 28 ноября 1997 г. № 26-ОЗ (принят Думой Чукотского автономного округа 29 октября 1997 г.). Режим доступа: http://service.ebooksearch.http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=186008600&page=1&rdk=83&fulltext=1&scrolltop=50992#I0 Дата обращения: 10.11.2023.

Хирш Ф. (2022) Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛО. 471 с.

Чумак Е.Г. (2008) Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 8. С.109–114.

Grenoble, L. (2003). Language Policy in the Soviet Union. Kluwer Academic Pablishers.

Spolsky, B. (2004) Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press.

References

Alpatov, V.M. (2000) 150 jazykov i politika. 1917–2000: Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 Languages and Politics. 1917–2000: Sociolinguistic problems of the USSR and post-Soviet space] / IV RAS. M., Kraft+. 224 p. (In Russ.)

Alpatov, V.M. (2013) Yazykovaya politika v sovremennom mire: «Odnoyazychnaya» i «Dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoj assimilyacii [Language policy in the contemporary world: ‘monolingual’ and ‘bilingual’ practices and the problem of linguistic assimilation] // Comparative Politics. No. 2. Pp. 11–22. (In Russ.)

Arefiev, A.L. (2017). Jazyki korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovanija: Istorija i sovremennost'. 2-e izd., dop. [Languages of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East in the Education System: History and Modernity. 2nd ed., suppl.]. M.: Institute of Socio-Political research RAS. 360 p. (In Russ.)

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2024) Sociolingvistika: Uchebnik dlya vuzov [Sociolinguistics: Textbook for universities]. M.: Urait Press. 337 p. (In Russ.)

Belov, S.A., Kropachev, N.M., Soloviev, A.A. (2017) Razrabotka koncepcii i normativno-pravovoe obespechenie gosudarstvennoj yazykovoj politiki Rossijskoj Federacii [Development of the concept and normative and legal support for the state language policy of the Russian Federation] // Vestnik of Saint-Petersburg State University. Law. No. 1. Pp. 42–61 (In Russ.)

Bitkeeva, A.N., Danilova, R.A. (2023) Yazykovaya biografiya arkticheskogo goroda: (Materialy polevogo issledovaniya v gorode Anadyr') [Language biography of the Arctic city: (On the material of the field research in Anadyr)] // Sociolinguistics. No. 4 (16). Pp. 92–106. (In Russ.)

Chumak, E.G. (2008) Osnovnye meroprijatija gosudarstvennoj obrazovatel'noj politiki v otnoshenii korennogo naselenija Severa v 20–50-e gg. XX v [The main activities of the state educational policy in relation to the indigenous population of the North in the 20–50s of XX century] // Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii. No. 8. Pp. 109–114. (In Russ.)

Garipov, R.Sh. (2010) Gosudarstvennaja politika v sfere obespechenija prav korennyh malochislennyh narodov Rossii: Istorija i sovremennost' [Government Policy in the Sphere of Ensuring the Rights of Small Indigenous Peoples of Russia: History and Modernity] // Russian Juridical Journal. No. 3. Pp. 23–30. (In Russ.)

Gogolev, P.V. (2014) Korennye malochislennye narody v konstitucionno-pravovoj politike Rossii: Paternalizm, protekcionizm, partnerstvo [Small Indigenous Minorities in Russia's Constitutional and Legal Policy: Paternalism, Protectionism, Partnership] // Constitutional and municipal law. No. 7. Pp. 24–33. (In Russ.)

Grenoble, L. (2003). Language Policy in the Soviet Union. Kluwer Academic Pablishers. (In Eng.)

Hirsch, F. (2022) Imperija nacij: Jetnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. M. Novoye Literaturnoye Obozreniye. 471 p. (In Russ.)

Kolomietz, O.P. (2021) Sovremennaya etnoyazykovaya situaciya na Chukotke [Current ethno-linguistic situation in Chukotka] // Vestnik of Omsk University. Historical sciences. No. 4. Pp. 119–132. (In Russ.)

Kubrin, S.D. (2019) Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: Sravnitel'nyy analiz redaktsiy v kontekste informatsionnogo obespecheniya [The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025: A Comparative Analysis of the Editions in the Context of Information Support] // Ethnic Journalism: History and Modernity. A Yearbook. No. 12. Pp. 38–42. (In Russ.)

Martin, T. (2011) Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti»: Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. M.: Political Encyclopedia Publishers (ROSSPEN). 855 p. (In Russ.)

Menovschikov, G.A. (1964) Jazyk sirenikskih jeskimosov: Fonetika, ocherk morfologii, teksty i slovar' [The language of the Sirenik Eskimo: Phonetics, sketch of morphology, texts and vocabulary]. L.: Nauka. 220 p.

Mukharyamov, N.M., Timokhina, E.V. (2010) Mestnyj uroven' yazykovoj politiki: Normativnye izmereniya [Urban level of language policy: Normative measurements] // Vestnik of Kazan Government Energetic University. No. 3. Pp. 62–69. (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Chukotskogo avtonomnogo okruga «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy «Informacionnoe obshchestvo Chukotskogo avtonomnogo okruga» ot 22 aprelya 2014 g. [Resolution of the Government of the Chukotka Autonomous Okrug 'On Approval of the State Programme "Information Society of the Chukotka Autonomous Okrug" dated 22 April 2014]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/460193813 Access date: 10.11.2023. (In Russ.)

Prikaz Departamenta obrazovaniya i nauki Chukotskogo avtonomnogo okruga «Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana po razvitiyu rodnyh yazykov korennyh malochislennyh narodov Chukotskogo avtonomnogo okruga (chukotskogo, eskimosskogo, evenskogo) v sfere obrazovaniya Chukotskogo avtonomnogo okruga na period do 2025 goda» ot 2 fevralya 2021 g. № 01/21-58. [Order of the Department of Education and Science of the Chukotka Autonomous Okrug 'On Approval of the Comprehensive Plan for the Development of the Native Languages of the Indigenous Minorities of the Chukotka Autonomous Okrug (Chukchi, Eskimo, Even) in Education of the Chukotka Autonomous Okrug for the Period until 2025' dated 2 February 2021 No. 01/21-58.]. Available at: https://edu87.ru/index.php/2015-01-21-00-17-57/rod Access date: 10.11.2023. (In Russ.)

Rasporyazhenie Pravitel'stva Chukotskogo avtonomnogo okruga «Ob utverzhdenii Koncepcii po razvitiyu rodnyh yazykov korennyh malochislennyh narodov Chukotskogo avtonomnogo

okruga (chukotskogo, eskimosskogo, evenskogo) na period 2014-2025 gody» [Order of the Government of the Chukotka Autonomous Okrug 'On Approval of the Concept for the Development of the Native Languages of the Indigenous Minorities of the Chukotka Autonomous Okrug (Chukchi, Eskimo, Even) for the Period 2014-2025'.]. Available at: https://edu87.ru/index.php/2015-01-21-00-17-57/rodnie Access date: 10.11.2023. (In Russ.)

Slezkin, Y.L. (2008) Arkticheskie zerkala: Rossija i malye narody [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye. 512 p. (In Russ.)

Spolsky, B. (2004) Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.)

Sokolovsky, S.V. (2008) Korennye narody: Ot politiki strategicheskogo essencializma k principu social'noj spravedlivosti [Indigenous peoples: From the politics of strategic essentialism to the principle of social justice] // Etnograficeskoe Obozrenie. No. 4. Pp. 59–76. (In Russ.)

Sokolovsky, S.V. (2016) Politika priznaniya korennyh narodov v mezhdunarodnom prave i v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii [Policy on the Recognition of Indigenous Peoples in International Law and in the Legislation of the Russian Federation).]. M.: IEA RAS. 69 p. (In Russ.)

Talyzin, O.G. (2009) Sostojanie narodnogo obrazovanija na Chukotke do sozdanija nacional'nogo okruga (1883–1929) [The status of public education in Chukotka before the creation of the national district (1883–1929).] // Vestnik of Samara State University. No. 67. Pp. 56–65. (In Russ.)

Ustav Chukotskogo avtonomnogo okruga ot 28 noyabrya 1997 g. № 26-OZ (prinyat Dumoj CHukotskogo avtonomnogo okruga 29 oktyabrya 1997 g.) [Statute of the Chukotka Autonomous Okrug of 28 November 1997 No 26-OZ (adopted by the Duma of the Chukotka Autonomous Okrug on 29 October 1997)]. Available at: http://service.ebooksearch.http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=186008600&page=1&rdk=83&fulltext=1&scrolltop=50992#I0 Access date: 10.11.2023. (In Russ.)

Vakhitov, R.R. (2016) Nacional'nyj vopros v soslovnom obshhestve: jetnososlovija v sovremennoj Rossii: sbornik statej [The National Question in a State Society: Ethnic States in Modern Russia: Collection of Articles]. Moscow, Strana Oz. 224 p. (In Russ.)

Vakhtin, N.B. (1993) Korennoe naselenie Krajnego Severa Rossijskoj Federacii [Indigenous population of the Far North of the Russian Federation]. SPb.: European House Press. 96 p. (In Russ.)

Vakhtin, N.B. Golovko E.V. (2005) Sociolingvistika i sociologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. SPb.: European University in Saint Petersburg Press. 336 p. (In Russ.)

Zakon Chukotskogo avtonomnogo okruga «O rodnyh yazykah korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii, prozhivayushchih na territorii Chukotskogo avtonomnogo okruga» ot 16 oktyabrya 2017 g. № 65-OZ (prinyat Dumoj CHukotskogo avtonomnogo okruga 16 oktyabrya 2017 g.) [Law of the Chukotka Autonomous Okrug 'On the native languages of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation living in the territory of the Chukotka Autonomous Okrug' of 16 October 2017 No. 65-OZ (adopted by the Duma of the Chukotka Autonomous Okrug on 16 October 2017).]. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/8700201710260015?index=2 Access date: 10.11.2023. (In Russ.)

Zuev, A.S. (2002) Russkaja politika v otnoshenii aborigenov krajnego Severo-Vostoka Sibiri (XVIII v.) [Russian policy towards the aborigines of the extreme North-East of Siberia (XVIII c.). //. Vestnik Novosibirsk State University. Series: History, Philology. No. 1 (3). Pp. 14–24. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ и в рамках научного проекта «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка».

Current study was funded by RSF, project “Dynamics of the linguistic situation in the Far North: diachronic documentation of Naukan Yupik”.

Андрианов Виталий Ростиславович – младший научный сотрудник (по гранту) сектора типологии, Институт языкознания РАН, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-4770-5396
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: lambowskeee@gmail.com

Vitaly R. Andrianov – junior Researcher (funded by research project) of the Section of Typology, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-4770-5396
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail: lambowskeee@gmail.com

Для цитирования: *Андрианов В.Р.* К вопросу о развитии языковой политики на Чукотке: историко-правовой анализ региональной национальной политики // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 132–146. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-132-146

For citation: *Andrianov,V.R.* On evolution of language policy in Chukotka: a historical and legal analysis of regional language planning // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 132–146. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-4-20-132-146

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 22.11.2024;
accepted for publication 17.12.2024.

УДК 81’221 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-147-160

АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ ТРЕВЕЛ-ВИДЕОБЛОГЕРОВ

Юлия Ю. Полякова
Донской государственный технический университет, Российская Федерация

На сегодняшний день существуют различные профессиональные группы людей, которым могут быть присущи свои собственные уникальные черты речевого поведения. Актуальность данной статьи обусловливается интересом научного сообщества к исследованию речевых особенностей профессиональной группы тревел-видеоблогеров. Целью проведенного исследования было рассмотреть теоретические подходы к изучению различных стратификационных групп и далее выявить наиболее типичные речевые черты, характерные для рассматриваемой профессиональной стратификационной группы тревел-видеоблогеров. Попытка проанализировать речевое поведение данной группы видеоблогеров была сделана впервые. В исследовании был использован метод объективного прагмалингвистического эксперимента, который применяется в скрытой прагмалингвистике. Во время проведения эксперимента были выявлены отдельные прагмалингвистические элементы речевых портретов авторов для дальнейшего научного диагностирования общих черт группы тревел-видеоблогеров. В ходе исследования также были обнаружены некоторые речевые особенности исследуемой группы. Во-первых, тревел-видеоблогеры склонны как к субъективному выражению высказываний во время своих видеообзоров, так и к объективной проявленности. Во-вторых, у них наблюдается высокий уровень решительности и уверенности. В-третьих, им присущи такие эмоции, как радость и счастье. В-четвертых, отмечается их высокий профессионализм и сдержанность во время выполнения своих профессиональных задач.

Ключевые слова: *скрытая прагмалингвистика, тревел-видеоблогеры, речевое поведение, анализ, стратификационные группы, профессиональная стратификационная группа, речь*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Ю.Ю. Полякова, 2024

ANALYSIS OF THE SPEECH BEHAVIOR OF A PROFESSIONAL STRATIFICATION GROUP OF TRAVEL VIDEO BLOGGERS

Yulia Yu. Polyakova
Don State Technical University, Russian Federation

Nowadays there are various professional groups of people who may have their own unique features of speech behavior. The relevance of this article is determined by the interest of the scientific community in the study of the speech characteristics of a professional group of travel video bloggers. The purpose of the study was to consider theoretical approaches to the study of various stratification groups and further identify typical speech features characteristic of the professional stratification group of travel video bloggers. The study used the method of objective pragmalinguistic experiment, which is used in implicit pragmalinguistics. During this experiment, the pragmalinguistic elements of the authors' speech portraits were identified for further scientific diagnosis of the common features of a group of travel video bloggers. In the course of the study, some speech features of the study group were discovered. Firstly, travel video bloggers are prone to both subjective expression of statements during their video reviews and objective manifestation. Secondly, they have a high level of determination and

confidence. Thirdly, they have emotions such as joy and happiness. Fourthly, their high professionalism and restraint during the performance of their professional tasks are noted.

***Keywords**: implicit pragmalinguistics, travel video bloggers, speech behavior, analysis, stratification groups, professional stratification group, speech*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Yulia Yu. Polyakova, 2024

1. Введение

В социологии одним из ключевых понятий является понятие общества. Общество можно представить в виде модели целого социального механизма, обладающего определенными чертами. Согласно мнению американского социолога Э. Шилза, общество обладает рядом свойств, среди которых собственная территория, название, история, система управления, единая система ценностей (культура) данного народа [Шилз, 1999: 102]. Ряд социологов отмечает также его самодостаточность и автономность. Самодостаточность выражается в создании системы, которая способна выявлять потребности людей и вовремя их удовлетворять. Под термином «автономность» подразумевается суверенность общества, которая выражается в принятии самостоятельных решений в данной стране. Страна – современная форма общества. Она понимается как с географической позиции (в качестве территории с определенными границами), так и с социальной, где она выступает в виде отдельной группы населения с собственным культурным наследием.

На современном этапе общество существует как системное объединение людей со сплоченной духовной культурой, единой территорией, возникшей в определенный исторический период [Кошарная, 2016: 43]. В каждом обществе присутствуют свои социальные отношения и конфликты, которые приводят к социальной стратификации.

Социальная стратификация подразумевает ряд социальных групп, представители которых имеют неравный доступ к материальным благам, власти и другим привилегиям [Ильичёв, 1983: 568]. Страта – это социальный слой людей, который объединяется по одному общему признаку (гендерному, этническому, профессиональному, экономическому и т.д.).

Профессиональная стратификация представляет собой особый вид деятельности, включающий в себя владение специализированными знаниями, умениями и опытом и объединяющий людей со сходными психологическими и социальными признаками [Шелховская, 2011: 121, 122]. В профессиональной группе формируются свои стереотипные проявления в поведении и образе жизни ее представителей. [Кораблёва, 2006: 123–129]. Кроме того, выделяются и типичные языковые черты, присущие каждой конкретной профессиональной среде. Можно говорить, например, о языке учителей, актеров, слесарей. Однако под «языком»

здесь подразумевается не система со своими грамматическими, фонетическими и лексическими уровнями, а устойчивые вариации речи, своеобразные метафорические единства. Нередко такая речь называется специальной, понятной лишь ограниченному кругу людей, она используется в профессиональном общении [Скворцов, 1972: 48–59].

В задачи эксперимента, описанного в статье, войдет исследование и диагностирование речевых привычек профессиональной группы тревел-видеоблогеров и попытка их интерпретации. Для осуществления поставленных задач был использован прагмалингвистический анализ, включающий несколько этапов.

Гипотеза исследования состоит в том, что с помощью методов скрытой прагмалингвистики можно выявлять речевые привычки представителей профессиональной группы тревел-видеоблогеров, составлять и интерпретировать их речевые портреты и диагностировать некоторые личностные черты участников группы.

2. Теоретическое исследование социальной стратификации общества

Описание современного общества составляет сложную задачу для исследователей в области социологии. При таком описании общество рассматривается не с позиции отдельных индивидуумов, а шире – как группы людей. Эти группы дифференцируются по разным составляющим: этническим, религиозным, половым, возрастным и т.д. Такое деление общества на различные слои составляет понятие социальной стратификации. При такой социальной и групповой форме дифференциации возникает проблема социального неравенства, вызывающая в настоящее время острый интерес общественности.

Социальное неравенство предполагает обладание людьми неодинаковым количеством социальных благ, которыми преимущественно являются власть, доход, образование и престиж [Кошарная, 2016: 54]. Между социальными стратами, которые обладают такими чертами, как замкнутость, устойчивость, скрытность существует характерное расстояние по отношению друг к другу [Прохоров, 2002: 673].

Социальная дифференциация может иметь как положительную, так и отрицательную оценку. Представители функционалистского подхода считают, что при социальном делении необходимо опираться на функции, которые люди выполняют в обществе. Эти функции делятся по степени важности, соответственно, для их выполнения должны привлекаться наиболее способные кадры [Кошарная, 2016: 25]. Ученые-конфликтологи считают, что такой подход провоцирует социальное неравенство, так как квалифицированные индивиды начинают пользоваться своим положением и тем самым не приносят обществу пользу, а, наоборот, наносят вред. Тем самым сторонники первого подхода обнаруживают естественность в таком феномене,

как социальное неравенство, тогда как вторые борются с этим явлением. Единственная теория, которая направлена на уничтожение этого феномена известна, – марксистская. Она была положена в основу построения коммунистического общества СССР, общества полного социального равенства людей.

Большинство исследователей склонны считать, что социальное неравенство полезно и позволяет активизировать людей для нормального функционирования общества.

Одним из них является ученый социолог М. Вебер. В своей концепции «жизненных шансов» он указывал на существование классов людей, которые обладают похожими жизненными шансами, исходящими из их экономического положения. Это говорит о том, что люди со схожими жизненными шансами могут обладать как экономическими, так и неэкономическими благами, например социальной позицией в обществе, внутренней психологической удовлетворенностью. В своей системе стратификации общества большое внимание ими уделяется власти. И именно власть является тем движущим фактором, который определяет жизненные шансы людей. В свою очередь это порождает конкуренцию между людьми и способствует, по мнению М. Вебера, экономическому росту [Weber, 1946: 271]. Учеными выделяются некоторые однородные группы, которые обладают похожими жизненными шансами. Они называются классами. В основе их схожести лежат рыночные процессы. Рынок – это основной фактор неравноправия жизненных шансов. Главным материальным активом, по М. Веберу, является собственность, так как она приносит доход. Сюда относятся различные виды собственности: деньги, объекты недвижимости, банковские вклады и др. Группа, которая имеет собственность, именуется классом собственников. Существуют также и индивиды, участвующие в оказании услуг в рыночных отношениях. Их называют «достижительным классом»[5] (англ. Acquisition class). А те, кто пользуется своими практическими навыками, получают название самозанятые (нем. Kleinbürgertum) [Weber, 1978: 884, 885].

Исследователи по-разному трактуют концепцию жизненных шансов. Так, английский социолог Э. Гидденс относился к жизненным шансам как к объектам, которыми человек обладает во время распределения экономических и культурных благ [Giddens, 2013: 77, 78]. Другие два исследователя, Д. Эйцен и М. Зинн, указывали на долгосрочную перспективу существования жизненных шансов. Р. Брин настаивал на главной цели жизненных шансов, которая заключалась в приобретении ценных благ, недоступных большинству.

Кроме власти, порождающим социальное неравенство фактором является престиж. Он подразумевает оценивание собственной социальной роли, физических качеств и субъективных

[5] перевод автора статьи

действий. Престиж может выступать в качестве показателя жизненного успеха человека [Ильичёв, 1983: 411]. Распространенный подход социального неравенства по наличию власти, дохода, образования и престижа является не единственным. Существует подход, основанный на самооценке и самоопределении человека. Он сам решает, к какому классу отнести себя в социальной иерархии. Согласно мнению известного русского социолога П.А. Сорокина, сама социальная стратификация представляет собой иерархию в виде существования высших и низших слоев [Сорокин, 2000: 687, 688]. Данная иерархия основывается на трех видах: экономической, политической и профессиональной. Экономическая стратификация исходит из разного количества доходов; политическая ставит на первое место авторитет и способность влиять на процессы общественной жизни; профессиональное деление осуществляется в связи с разными занимаемыми должностями и профессиями, которыми обладают люди.

Предложенный выше подход к рассмотрению проблемы социальной стратификации, предложенный П.А. Сорокиным, является современным. Наиболее общими историческими типами стратификации у социологов считаются рабство, касты, сословия и классы. Кроме того, существует способ расчета социального неравенства, разработанный итальянским социологом К. Джини, – «коэффициент Джини». Данный подход сосредоточивается в основном на экономических благах [Казанцев, 2017: 43].

Английский социолог Э. Гидденс в книге «Социология» демонстрирует обширный список принципов деления общества на стратификационные группы [Гидденс, 2005: 251, 252]. Среди них выделяются такие типы неравенств, как общие (возрастные, психические и физические), гендерное, национальное, экономическое, культурное, экологическое, политическое.

Все упомянутые выше неравенства исследуются различными дисциплинами: философией, психологией, политикой, социологией. В социологии применяются различные понятия, которые следует различать. Остановимся на социальной дифференциации и социальной стратификации.

Социальная дифференциация – понятие, которое отражает отличительные различия между людьми по особым основаниям. Таким основанием может выступать уровень дохода, возраст, убеждения.

Социальная стратификация – явление неравномерного распределения материальных благ между людьми [Сорокин, 1992: 373, 374]. Выделяют кастовую, сословную и классовую стратификации. Классово-стратификационный подход рассматривался рядом мыслителей, среди которых можно выделить К. Маркса, М. Вебера, П.А. Сорокина. Класс рассматривался в качестве основной категории, и в ее основе лежали экономические принципы (влияние материальных благ на определение человека в стратификационной шкале).

Особый интерес представляют социальные формы стратификации, выделенные русским социологом П.А. Сорокиным. Они включают профессиональную, политическую и экономическую стратификации, в основе которых лежат социальные страты. Под социальной стратой понимается группа людей, которая объединяется по единому социальному признаку (имуществу, профессии, уровню образования). Это понятие можно использовать при характеристике любой профессиональной группы людей [Сорокин, 2000: 334, 335]. Однако при конкретном анализе такой группы необходимо обращаться к термину «социальный статус», раскрывающий суть профессиональной стратификации [Николаенко 2014: 35–47]. П.А. Сорокин подчеркивает важность владения знаниями и интеллектом для выполнения своих профессиональных обязанностей. Они являются неотъемлемой частью трудовой деятельности человека, в ходе которой возникает система профессионального стиля поведения [Кораблёва, 2006: 126, 127].

Упомянутое выше высказывание П.А. Сорокина о высокой роли знаний и интеллекта в профессиональной деятельности не всегда может рассматриваться в качестве определяющего. По мнению российского социолога В.Ф. Анурина, высокий интеллект не является залогом высокого социального статуса. Кроме того, нет зафиксированной связи между высоким уровнем знаний человека и финансовым вознаграждением за его труд [Анурин, 1997: 61, 62]. Все же для осознания своей профессиональной идентичности большую роль играет ряд факторов: внутреннее субъективное оценивание своей деятельности и внешние успехи, заключающиеся в создании новых инноваций [Лебедева, 2010: 109–114].

Профессиональная стратификация общества обусловливается социальными и экономическими аспектами разделения труда. Речь идет о разделении труда по различному характеру занятий, содержанию и условиям, а не по статусным особенностям [Шкаратан, 2008: 40–50]. Так, выделяются профессиональные и должностные группы. Должности входят в профессиональные социальные группы в зависимости от уровня знаний и квалификации.

Само понятие «профессия» означает устойчивую и широкую форму трудовой деятельности, которая содержит совокупность определенных квалификационных знаний, практического опыта и приносит человеку доход [Осипов, 1998: 314]. Во всех профессиях присутствуют специальные языки, которые отличаются собственными характеристиками. Они возникают при необходимости называть вещи и дифференцировать их в обыденной жизни, отличать их от других понятий. Кроме того, создание новых наименований может быть обусловлено попыткой избегать двусмысленности при обозначении вещей. Для некоторых профессиональных объединений характерно также использование сниженной лексики, а именно жаргонизмов или арготизмов. Жаргон – вариант речи, присущий устойчивой профессиональной

группе. Арго представляет собой особый секретный язык какой-либо замкнутой социальной группы, имеющей цель обособления от других членов общества [Ярцева, 1998: 42]; оно может не относиться к определенной профессиональной группе, в отличие от жаргона.

Для профессионального словотворчества также присуще использование сокращений слов с возможными фонетическими искажениями [Скворцов, 1972: 48–59]. Например, для видеоблогеров характерно использование следующих сокращенных слов: коммент (вместо «комментарий»); влог (вместо «видеоблог») и т.д.

Изучив различные подходы к проблеме социальной стратификации общества, можно выделить теоретические подходы, найденные в науке социологии. Социальная стратификация приводит к неравенству, что вызывает как положительные, так и отрицательные оценки исследователей. Среди них ученые-функционалисты, поддерживающие это явление, и ученые-конфликтологи, опровергающие социальное неравенство. Ученые-социологи М. Вебер, Э. Гидденс, П.А. Сорокин считают неравенство в обществе необходимым явлением для активизации людей и нормального функционирования общества. Одной из разновидностей стратификации является профессиональная стратификация общества: деление социума на группы по характеру их деятельности. Для каждой профессиональной группы можно выделить определенные черты, характеризующие их занятия. Так, деятельность тревел-видеоблогеров связана с планированием мест для путешествий, написанием сценариев, активным ведением социальных сетей, подготовкой фото- и видеооборудования и неподготовленным речевым ведением блогов.

В данной статье важное место занимают черты, характерные для речевых привычек этой профессиональной группы. Для их обнаружения необходимо подробнее исследовать методику проведения прагмалингвистического эксперимента.

3. Методика

Материалом объективного прагмалингвистического эксперимента в данной статье послужили тексты устной, спонтанной речи тревел-видеоблогеров. Под объективным прагмалингвистическим экспериментом понимается наблюдение исследователя над изменчивым речевым поведением автора «здесь и сейчас», который неосознанно выбирает речевые сигналы, а их актуализация оказывает воздействие на собеседника [Матвеева, 2022: 97]. Этот выбор речевых средств является для говорящего привычным. В качестве речевых сигналов автора выступают грамматические и текстуальные формы грамматических и текстуальных категорий. Для получателя текста выбор речевых сигналов свидетельствует о речевых привычках отправителя текста. И эта неосознаваемая привычность обеспечивает скрытость воздействия [Матвеева 2022: 114].

В статье делается попытка выявления речевых привычек профессиональной стратификационной группы тревел-видеоблогеров.

Тревел-видеоблогер – человек, который снимает и публикует видеоролики о путешествиях.

В проведенном эксперименте были отобраны тексты четырех русских тревел-видеоблогеров на видеохостинге Youtube. Выборка именно данных авторов была осуществлена по нескольким общим для них параметрам: возрастной группе, общей сфере профессиональной деятельности, национальности и единому родному языку.

Для начала тексты видеоблогеров были проанализированы и поделены на малые синтаксические группы (МСГ). Под МСГ понимается минимальная актуализированная предикативная единица [Матвеева, 2022: 121]. Предикативность соотносит информацию с действительной реальностью и формирует сообщение говорящего [Ляпон, 1998: 392]. В данном исследовании было проанализировано 20 000 МСГ, поскольку мы исследуем каждую малую синтаксическую группу по двум речевым стратегиям и пяти речевым планам.

После деления текста на МСГ мы составляем табличную матрицу, где отмечаем наличие речевые сигналов. Далее применяем частный метод исследования, который называется «Модифицированный контент-анализ» [Матвеева, 2022: 123].

С его помощью можно выявить речевые сигналы, которые свидетельствуют о скрытых интенциях отправителя текста. Кроме того, можно определить и его речевые привычки, маркерами которых становятся грамматические и текстуальные формы.

В данном методе исследования используются две эмотивно-ориентированные и две конативно-направленные стратегии, подробно рассмотренные ниже.

4. Результаты и обсуждение

Для начала проанализируем результаты исследования по эмотивно-ориентированным стратегиям: «Участия/неучастия коммуникантов в речевом событии» и «Уверенного/ неуверенного речевого поведения автора в речевом событии» (см. таблицу). Первая стратегия актуализируется в трех планах: личном, социальном и предметном [Там же: 76].

Из данных таблицы мы видим, что у двух видеоблогеров, В. Анисимовой и П. Савенкова, личный план (40 % и 45,2 %) превышает среднюю речежанровую величину (СРВ) (30,25 %), которая дает показатель стереотипного речевого поведения группы тревел-видеоблогеров. Такое превышение свидетельствует о собственной значимости говорящих и сосредоточенности на собственных чувствах.

Речевыми сигналами личного плана у данных блогеров являются эксклюзивные формы «мы»: ...сегодня мы расскажем…; личное местоимение и финитная форма глагола 1-го л. ед. ч.: ...мне нравится в аэропорте Пекина...

Результаты личного плана двух других видеоблогеров, А. Коноваловой и П. Матвеева, демонстрируют показатели в 15,2 % и 29,6 %, что, напротив, является ниже среднеречежанровой величины (30,25 %). Эти цифры свидетельствуют об их тенденции к объективности. Данное положение доказывается и наибольшей актуализацией предметного плана (62 % и 45 %) у А. Коноваловой и П. Матвеева по сравнении с личным (15,2 % и 29,6 %) и социальным (22,8 %; 25,4 %) планами.

Таблица 1.

Фрагменты речевых портретов русских тревел-видеоблогеров

Стратегии	**Эмотивно-ориентированные**					**Конативно-направленные**				
	Участия/неучастия коммуникантов в речевом событии			Уверенного/неуверенного речевого поведения автора в речевом событии		Формирования у получателя отношения к речевому событию путём оценивания			Акцентирования автором элементов высказывания	
Планы (%)	Личный	Социальный	Предметный	Категорическое утверждение	Некатегорическое утверждение	Положительный	Нейтральный	Негативный	Акцентирование	Неакцентирование
В. Анисимова	31	30,8	33,2	86,2	13,8	61,6	32,8	5,6	23,8	76,2
А. Коновалова	15,2	22,8	62	87	13	89,2	10,8	0	30,8	69,2
П. Матвеев	29,6	22,2	36	77,4	22,6	68,4	27,2	4,4	27,2	72,8
П. Савенков	45,2	21	33,8	84,6	15,4	74	9,2	16,8	29,4	70,6
Средняя речежанровая величина (%)	30,25	25,45	44,3	83,8	16,2	73,3	20	6,7	27,8	72,2

Рассмотрим актуализацию предметного плана на следующих примерах: ...гармоничный ландшафт...; ...здесь разные закуски и напитки...

Проанализировав эмотивно-ориентированную стратегию «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии», можно заключить, что у тревел-видеоблогеров наблюдается актуализация как личного плана, так и предметного. Они привычно выбирают речевые сигналы как субъективной демонстрации происходящих вокруг событий, так и объективного оценивания.

Перейдем к рассмотрению второй эмотивно-ориентированной стратегии «Уверенного/неуверенного речевого поведения автора в речевом событии» для определения типичных речевых привычек тревел-видеоблогеров. В данной стратегии заметно превышение

категорического утверждения (86,2 %; 87 %; 77,4 %; 84,6 %) над некатегорическим (13,8 %; 13 %; 22,6 %; 15,4 %). Средний речежанровый коэффициент равен 83,8 %. Можно заключить, что у трех видеоблогеров показатель категорического утверждения превышает СРВ, что говорит об их высоком уровне решительности и уверенности в выборе грамматических форм в данной ситуации. Проиллюстрируем это на примерах.

В речевых фрагментах тревел-видеоблогера В. Анисимовой встречаются модальные глаголы со смыслом «обязательности»: «...тогда вы должны поехать в Аланью...» Безлично-предикативное краткое прилагательное «должен» выражает отношение требовательности говорящего к совершаемому действию.

Видеоблогер А. Коновалова выражает свою категоричность, актуализируя в речи нулевую форму глагола «быть» в таком высказывании: « ...В номере много света...» В данном примере опущен глагол «есть», так как в нем используется отглагольное существительное «света», которое выражает «опредмеченное» действие «светить». В связи с этим в данном случае используется нулевая форма глагола «быть».

Речевые фрагменты видеоблогера П. Савенкова содержат такие речевые сигналы, как глаголы настоящего времени действительного залога. В примерах «...у нас начинается новый сезон...»; «...сейчас мы едем домой...» глаголы «начинается» и «едем» выражают готовность автора совершить то или иное действие.

Наконец, в связи с актуализацией категорического утверждения (77,4 %) над некатегорическим (22,6 %) у П. Матвеева обратимся к подтверждению уверенности его высказываний. Так, в примере «...конечно, есть и более простые экземпляры...» автор с помощью вводного слова «конечно» с присущим ему модальным оттенком и глагола настоящего времени, действительного залога, несовершенного вида «есть» выражает свою твердую позицию. Его рекомендация уже может иметь более настойчивый характер.

В двух конативно-направленных стратегиях «Формирование у получателя отношения к речевому событию путем оценивания» и «Акцентирование автором элементов высказывания» также можно выявить и проанализировать некоторые типичные речевые привычки профессиональной группы тревел-видеоблогеров.

Начнем с первой стратегии, которая реализуется в трех планах отношения говорящего к речевому событию: положительном, нейтральном и негативном (см. таблицу) [Матвеева, 2022: 79]. У всех четырех видеоблогеров происходит актуализация положительного отношения, причем у А. Коноваловой (89,2 %) и П. Савенкова (74 %) показатель превышает СРВ (73,3 %). Это может указывать на их особенно приподнятое настроение в момент записи видеороликов. К примеру, А. Коновалова говорит: «...Мне здесь очень нравится...»; «...Атмосфера просто

невероятная!..» Выделенные в примерах глагол «нравится» и усилительное наречие «очень», а также прилагательное «невероятный» с положительной коннотацией позволяют высказать предположение о радости говорящего от пребывания в одном из отелей Таиланда.

Видеоблогер П. Савенков находится в восторженном состоянии. В высказываниях «...Мы находимся в предвкушении Таиланда...»; «...такой выбор блюд, что глаза разбегаются...» можно обнаружить, как говорящий счастлив оказаться в экзотической стране.

Тревел-блогеры В. Анисимова и П. Матвеев актуализируют положительное отношение чаще (61,6 % и 68,4 %), чем нейтральное (32,8 % и 27,2 %) и негативное (5,6 % и 4,4 %). Это обусловливается неосознанным выбором таких грамматических форм, как усилительных прилагательных: «...шикарная инфраструктура...»; «...нереальная красота...», а также повтором слов: «...это самое-самое незабываемое место...».

Перейдем к рассмотрению второй конативно-направленной стратегии «Акцентирование автором элементов высказывания». Она представляется в двух формах: акцентирование и неакцентирование. При акцентировании говорящий неосознанно выделяет элементы своих высказываний таким образом, чтобы привлечь внимание слушателя и воздействовать на него определенным образом. Неакцентирование такую задачу не выполняет.

Исходя из результатов, представленных в таблице, можно отметить неакцентированную речь всех четырех тревел-видеоблогеров (76,2 %; 69,2 %; 72,8 %; 70,6 %). Время от времени они подмечают важные для слушателей моменты, однако это не доминантный показатель. Можно предположить, что неакцентирование их речи в данном случае будет указывать на профессионализм и сдержанность блогеров, которые подают информацию с пониманием своих конкретных задач. Акцентированность же может больше указывать на спонтанность и неподготовленность, что у говорящих данного эксперимента отсутствует. Обратимся к примерам: «...Я отправился на велопрогулку...»; «...Я протестировала все бонусы представительского лаунджа…». В данных примерах мы наблюдаем привычный, прямой порядок слов без акцентирования каких-либо языковых средств.

5. Выводы

В ходе проведенного исследования было выяснено, что тревел-видеоблогеры представляют собой особую профессиональную стратификационную группу. Они могут обладать сходными психологическими и социальными чертами, а также типичными речевыми привычками, отражающими их устойчивые речевые вариации, что сложились неосознанно в процессе профессиональной деятельности. С помощью частного метода объективного прагмалингвистического эксперимента нами были выделены некоторые из таких привычек.

В ходе поставленного объективного прагмалингвистического эксперимента были продиагностированы речевые фрагменты четырех русских тревел-видеоблогеров с помощью эмотивно-ориентированных и конативно-направленных стратегий.

В эмотивно-ориентированных стратегиях было диагностировано, что два видеоблогера имеют тенденцию к показу собственной значимости и концентрации на своих чувствах, о чем свидетельствует актуализация в их речи личного плана; два других, напротив, объективно показывают собственный материал. Здесь можно сделать вывод, что тревел-видеоблогеры могут демонстрировать свой материал как с выдвижением субъективных позиций, так и со стремлением к объективности.

Во второй эмотивно-ориентированной стратегии наблюдается высокий уровень решительности и уверенности всех четырех видеоблогеров, что обусловливается актуализацией категорического утверждения над некатегорическим. В конативно-направленных стратегиях также были выделены некоторые речевые привычки тревел-видеоблогеров. Так, у блогеров наблюдается приподнятое настроение, радость от посещения мест путешествия. Кроме того, у авторов отмечается профессионализм и сдержанность во время записи своих видеообзоров.

Литература

Анурин В.Ф. (1997) Интеллект и социум. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та. 436 с.

Гидденс Э. (2005) Социология. М.: Ульян. дом печати. 629 с.

Ильичёв Л.Ф. (1983) Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 839 с.

Казанцев С.В. (2017) Количественная оценка неравенства доходов в Российской Федерации. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 96 с.

Кораблёва Г.Б. (2006) Институциональные основы формирования профессиональных общностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 2 (57). С. 126, 127.

Кошарная Г.Б. (2016) Социология: Социальная структура и социальные институты. Пенза: Изд-во ПГУ. 88 с.

Лебедева А.В. (2010) Субъективные аспекты восприятия риска // Актуальные вопросы экономических наук. № 16 (1) С. 109–114. Режим доступа: https://elibrary.ru/rvsqhz Дата обращения: 01.05.2024.

Ляпон М.В. (1998) Предикативность. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 392.

Матвеева Г.Г. (2022) Основы прагмалингвистики. М.: ИНФРА-М. 205 с. DOI: 10.12737/1081760

Николенко Н.А. (2014) Профессиональная стратификация как социальный феномен: Теоретические подходы и методы изучения // Logos et Praxis. No. 6 (26). С. 35–47. Режим доступа: https://sciup.org/professionalnaja-stratifikacija-kak-socialnyj-fenomenteoreticheskie-podhody-i-14974684 35-47 Дата обращения: 02.05.2024.

Осипов Г.В. (1998) Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА-М. 664 с.

Прохоров А.М. (2002) Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. 1456 с.

Скворцов Л.И. (1972) Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. № 1. С. 48–59. Режим доступа: https://russkayarech.ru/ru/archive/1972-1/48-59 Дата обращения: 16.05.2024.

Сорокин П.А. (1992) Социальная мобильность, ее формы и флуктуации // П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М. 588 с.

Сорокин П.А. (2000) Социальная и культурная динамика / / Пер. с англ., вступит. ст., коммент. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ. 1054 с.

Шелховская М.Р. (2011) Социально-профессиональная группа в рамках когнитивного подхода к языку // Вестник Челябинского гос. ун-та. № 24 (239). С. 121, 122. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-professionalnaya-gruppa-v-ramkah-kognitivnogo-podhoda-k-yazyku/viewer Дата обращения: 16.05.2024.

Шилз Э. (1999) Власть и ценности. М.: Аспект Пресс. 165 с.

Шкаратан О.И. (2008) Российское неоэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. М.: ВШЭ. С. 40–50.

Ярцева В.Н. (1998) Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. 685 с.

Giddens, A. (2013) Sociology. United Kingdom: Polity Press Cambridge. 256 p.

Weber, M. (1946) Essays in Sociology. N. Y.: Oxford University Press. 421 p. DOI: 10.2307/2019397

Weber, M. (1978) Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press. 1469 p.

References

Anurin, V.F. (1997) Intellekt i socium [Intelligence and society]. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta. 436 p. (In Russ.)

Giddens, A. (2005) Sociologiya [Sociology]. M.: Ul'jan. dom pechati. 629 p. (In Russ.)

Ilyichev, L.F. (1983) Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya. 839 p. (In Russ.)

Kazantsev, S.V. (2017) Kolichestvennaya ocenka neravenstva dohodov v Rossijskoj Federacii [Quantitative assessment of income inequality in the Russian Federation]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN. 96 p. (In Russ.)

Korableva, G.B. (2006) Institucional'nye osnovy formirovaniya professional'nyh obshchnostej [Institutional foundations of the formation of professional communities] // Bulletin of the South Ural State University. No. 2 (57). Pp. 126–127. (In Russ.)

Kosharnaya, G.B. (2016) Sociologiya: Social'naya struktura i social'nye instituty [Sociology: Social structure and social institutions]. Penza: Izdatel'stvo PGU. 88 p. (In Russ.)

Lebedeva, A.V. (2010) Sub"ektivnye aspekty vospriyatiya riska [Subjective aspects of risk perception] // Current economic issues. No. 16 (1). Available at: https://elibrary.ru/rvsqhz. Access date: 01.05.2024. (In Russ.).

Lyapon, M.V. (1998) Predikativnost [Predicativity]. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. Pp. 392. (In Russ.)

Matveeva, G.G. (2022) Osnovy pragmalingvistiki [Fundamentals of pragmalinguistics]. M.: INFRA-M. 205 p. DOI: 10.12737/1081760. (In Russ.)

Nikolenko, N.A. (2014) Professional'naya stratifikaciya kak social'nyj fenomen: Teoreticheskie podhody i metody izucheniya [Professional stratification as a social phenomenon: Theoretical approaches and methods of study] // Logos et Praxis. No. 6 (26). Available at: https://sciup.org/professionalnaja-stratifikacija-kak-socialnyj-fenomenteoreticheskie-podhody-i-14974684 35-47 Access date: 02.05.2024. (In Russ.)

Osipov, G.V. (1998) Rossijskaya sociologicheskaya enciklopediya [Russian Sociological Encyclopedia]. M.: NORMA-INFRA-M. 664 p. (In Russ.)

Prokhorov, A.M. (2002) Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [A large encyclopedic dictionary]. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. 1456 p. (In Russ.)

Skvortsov, L.I. (1972) Professional'nye yazyki, zhargony i kul'tura rechi [Professional languages, jargons and culture of speech] // Russian speech. No. 1. Available at: https://russkayarech.ru/ru/archive/1972-1/48-59 Access date: 16.05.2024. (In Russ.)

Sorokin, P.A. (1992) Social'naya mobil'nost', ee formy i fluktuacii [Social mobility, its forms and fluctuations] / Translated from English, introduction, commentary by V.V. Sapova // P.A. Sorokin. Civilizaciya. Obshchestvo. 588 p. (In Russ.)

Sorokin, P.A. (2000) Social'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. SPb.: RHGI. 1054 p.

Shelkhovskaya, M.R. (2011) Social'no-professional'naya gruppa v ramkah kognitivnogo podhoda k yazyku [A socio-professional group within the framework of a cognitive approach to language] // Bulletin of the Chelyabinsk State University. No. 24 (239). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-professionalnaya-gruppa-v-ramkah-kognitivnogo-podhoda-k-yazyku/viewer Access date: 16.05.2024. (In Russ.)

Shils, E. (1999) Vlast' i cennosti [Power and values]. M.: Aspekt Press. 165 p. (In Russ.)

Shkaratan, O.I. (2008) Rossijskoe neoetakraticheskoe obshchestvo i ego stratifikaciya [Russian neo-ethacratic society and its stratification]. M.: VSHE. Pp. 40–50. (In Russ.)

Yartseva, V.N. (1998) Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [The Great Encyclopedic Dictionary]. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. 685 p. (In Russ.)

Giddens, A. (2013) Sociology. United Kingdom: Polity Press Cambridge. 256 p. (In Eng.)

Weber, M. (1946) Essays in Sociology. N. Y.: Oxford University Press. 421 p. DOI: 10.2307/2019397. (In Eng.)

Weber, M. (1978) Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press. 1469 p. (In Eng.)

Полякова Юлия Юрьевна – аспирант 2 курса кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственный технический университет (ДГТУ), Российская Федерация
https://orcid.org/0009-0001-2964-2635
Адрес: 344018 Российская Федерация, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1.
Эл. адрес: poulia123@yandex.ru

Yulia Yu. Polyakova – the 2nd year postgraduate student at the Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University (DSTU), Russian Federation
https://orcid.org/0009-0001-2964-2635
Address: Gagarin Square 1, Rostov-on-Don, Rostov region, Russian Federation, 344018
Email: poulia123@yandex.ru

Для цитирования: Полякова Ю.Ю. Анализ речевого поведения профессиональной стратификационной группы тревел-видеоблогеров // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 147–160. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-147-160

For citation: Polyakova, Yu.Yu. Analysis of the speech behavior of a professional stratification group of travel video bloggers // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 147–160. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-4-20-147-160

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 30.05.2024;
approved after reviewing 15.09.2024;
accepted for publication 07.12.2024.

УДК 81-114.4 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-161-177

ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ОПРОСНИКОВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ БИЛИНГВОМ ВТОРЫМ (НЕРОДНЫМ) ЯЗЫКОМ

Мария О. Сергеева
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена анализу существующих опросников для оценки уровня владения вторым (неродным) языком у билингвов. В работе представлен сравнительный анализ структуры, критериев оценки и функциональных возможностей таких распространенных инструментов для оценки уровня владения языком как LEAP-Q, LHQ, LSBQ и LexTALE с целью выявления их сильных и слабых сторон. Особое внимание уделено вопросам адаптации инструментов для использования в различных социокультурных контекстах, а также их применимости для проведения лингвистических экспериментов с участием билингвов разного возраста и уровня владения языком. Методология исследования включает также библиометрический анализ цитируемости опросов за последние годы, что позволяет оценить их популярность и динамику использования в научных исследованиях. На основе полученных данных выделены основные тенденции и направления в применении опросников, а также их актуальность в современном научном сообществе. Результаты исследования могут быть полезны как для лингвистов, занимающихся изучением билингвизма, так и для практиков, которым необходимо выбрать наиболее подходящий инструмент для оценки языковой компетенции с учетом индивидуальных особенностей билингвов и условий их социокультурной среды.

Ключевые слова: *билингвизм, языковая оценка, уровень владения языком, языковая компетенция, лингвистические опросники, LEAP-Q, LHQ, LSBQ, LexTALE*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© М.О. Сергеева, 2024

REVIEW OF EXISTING QUESTIONNAIRES FOR ASSESSING BILINGUALS' PROFICIENCY IN A SECOND (NON-NATIVE) LANGUAGE

Mariia O. Sergeeva
National Research University Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the analysis of existing questionnaires for assessing bilinguals' proficiency in a second (non-native) language. It presents a comparative analysis of the structure, evaluation criteria, and functional capabilities of widely used language assessment tools such as LEAP-Q, LHQ, LSBQ, and LexTALE, with the aim of identifying their strengths and weaknesses. Particular attention is given to the adaptation of these tools for use in various sociocultural contexts, as well as their applicability in linguistic experiments involving bilinguals of different ages and proficiency levels. The research methodology also includes a bibliometric analysis of questionnaire citations over recent years, providing insights into their popularity and trends in academic research. Based on the collected data, key trends and directions in the application of these questionnaires are highlighted, along with their relevance in the modern scientific community. The findings of this study can be useful both for linguists researching bilingualism and for practitioners who need to select the most appropriate tool

for assessing language competence, taking into account the individual characteristics of bilinguals and the conditions of their sociocultural environment.

Keywords: *bilingualism, language assessment, language proficiency, language competence, linguistic questionnaires, LEAP-Q, LHQ, LSBQ, LexTALE*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Mariia O. Sergeeva, 2024

1. Введение

В статье рассматриваются существующие опросники, разработанные для оценки уровня владения вторым (неродным) языком у билингвов. Цель работы – анализ и систематизация этих инструментов, включая их сильные и слабые стороны, с учетом применимости в различных исследовательских и практических контекстах.

В рамках исследования билингвизм рассматривается с позиций нескольких подходов: психолингвистического, акцентирующего внимание на когнитивных процессах усвоения и использования языков, когнитивного, изучающего механизмы языкового функционирования в двуязычной среде, и социокультурного, подчеркивающего влияние социальной среды и культурных факторов на языковую компетенцию.

Новизна исследования заключается в проведении детального сравнительного анализа наиболее широко используемых сегодня в исследовательской практике опросников для билингвов. В исследовании подробно описаны основные опросники: LEAP-Q, LHQ, LSBQ и LexTALE, – их структуры и критерии оценки, что позволяет сопоставить их применимость и потенциальные ограничения. Кроме того, нами проведен анализ цитируемости каждого опросника для выявления тенденций к их применению в области исследования языковых компетенций билингвов.

Предложенный подход к систематизации и сравнению опросников вносит значимый вклад в развитие методологии исследований билингвизма. Данный обзор поможет исследователям и практикам выбрать наиболее подходящий инструмент для точной оценки уровня владения вторым языком у билингвов, учитывая как индивидуальные особенности респондентов, так и специфические условия социокультурного окружения.

2. Существующие подходы к определению билингвизма

Билингвизм, в широком смысле, понимается как способность индивида мыслить и воспроизводить речь на двух языках [Розенцвейг, 1972: 9]. Билингв – человек, владеющий двумя и более языками. Существует несколько подходов к определению билингвизма. Так, Е.М. Верещагин определяет двуязычие как «психический механизм, состоящий из знаний,

умений, навыков, которые позволяют человеку воспроизводить и порождать взаимосвязанные речевые высказывания в рамках двух языковых систем» [Верещагин, 1969: 134].

По критерию условий приобретения нового языка выделяют два вида билингвизма: естественный и искусственный. Естественный билингвизм возникает в процессе пребывания индивида в соответствующей языковой среде, подразумевающей наивное приобретение языка благодаря участию в спонтанной языковой практике и потреблении соответствующего языкового материала; в данном случае осознанного изучения специфики языковой системы соответствующего языка не происходит. Чаще всего данный вид билингвизма характерен для детей, с самого детства находящихся под влиянием двух и более лингвокультур. Искусственный же билингвизм подразумевает намеренное изучение второго языка в учебной обстановке и наличие у индивида мотивации для приобретения второго языка [Залевская и др., 2002: 7].

В том случае, если билингв использует два и более языков или владеет двумя и более языками, мы можем говорить о многоязычии или полилингвизме. По мнению В.П. Белянина, существует два вида полилингвизма: национальный, заключающийся в употреблении нескольких языков в зависимости от пребывания индивида в определенной социальной общности, и индивидуальный, если выбор языка индивидом зависит от участия в той или иной коммуникативной ситуации [Белянин, 2016: 241]. В психолингвистике принято выделять Я1 – первый язык, родной язык, и Я2 – второй, или приобретенный язык [Там же]. Это подразумевает под собой порядок усвоения и владения языком, но следует отметить, что впоследствии второй язык может вытеснять первый, в случае если индивид находится в соответствующей языковой среде.

Современные исследователи, беря за основу деление языков на Я1 и Я2, пытаются ответить на вопрос о проблеме приобретения ребенком-билингвом языковых навыков. Так, существует две гипотезы: «гипотеза единой языковой системы» [Volterra et al., 1978] и «гипотеза двойной языковой системы» [Genesee, 1989]. В рамках первой гипотезы усвоение двух языков происходит параллельно, а отделение языков друг от друга происходит позже; таким образом, на этапе усвоения языка у двуязычных детей грамматические и лексические системы смешиваются. Однако способность детей различать два языка на психолингвистическом уровне опровергает первую гипотезу и служит доказательством того, что с самого раннего этапа усвоения языковых навыков дети-билингвы развивают две отдельные языковые системы, используя два языка функционально разными способами [Куфтяк и др., 2019: 32].

Билингвов можно классифицировать в соответствии с возрастом: принято делить билингвов на ранних, приобретающих язык одновременно или последовательно начиная с младшего детского возраста, и поздних, если усвоение второго языка начинается в подростковом

возрасте и позже [Там же: 33]. Исходя из приобретаемых языковых навыков, таких как чтение, письмо, понимание и разговорная речь, предложена следующая классификация билингвизма [Baker, 1993; Grosjean, 2010]:

– пассивный, когда ребенок или взрослый способен только понимать разговорную речь на Я2;

– доминирующий билингвизм, если один из языков становится «приоритетным» для большинства коммуникативных ситуаций, в этом случае мы можем говорить о «сильном» и «слабом» языке;

– сбалансированный билингвизм как идеальное владение двумя и более языками в равной степени;

– полуязычие в случае, если владение обоими языками имеет недостатки, вызванные определенными речевыми нарушениями индивида.

При определении билингвизма встает вопрос о необходимости индивида проходить социализацию в рамках двух культур для полноценного приобретения и усвоения Я2. В этом случае выделяют классификацию билингвов, исходя из признака владения элементами этнических культур: монокультуралы, бикультуралы и аккультуралы [Hamers et al., 2000]. Понятие «бикультурализм» может существовать только в тех случаях, когда индивид прошел этап социализации в двух культурах или родился и начал этот процесс в рамках одной культуры, но после продолжил социализацию в другой [Park, 1928]. Важным условием для превращения билингва в бикультурала является именно ассимиляция индивида в двух культурах, начинающаяся с детского возраста. В этом случае степень владения языком определенной лингвокультуры может быть разной и не имеет прямой корреляции со степенью «носителя» культуры [Попкова, 2015].

Билингвизм, или двуязычие, также классифицируют по способности тех или иных групп населения изъясняться на двух языках в зависимости от нахождения в определенной коммуникативной среде. Так, Л.В. Щерба выделял чистое двуязычие, если язык использовался в зависимости от общественной среды: в семье – один, в других кругах – второй. Если же переход на второй язык происходит незаметно для носителя и не зависит от нахождения в определенной коммуникативной среде, такое двуязычие называют смешанным [Щерба, 1974: 174].

К факторам же, влияющим на выбор определенного языка для общения, принято относить социальную сферу общения, коммуникативную ситуацию, отношения между участниками общения, их эмоциональное состояние в настоящий момент, а также отсутствие эквивалентности между языковыми единицами, когда коммуникантам необходимо изъясняться на определенном языке, чтобы избежать двусмысленности [Петрова, 2003]. Тем не менее

Бурыкин А.А. отмечает, что знание двух и более языков дает коммуникантам свободу выбора языка общения для определенной ситуации. Так, многие дети, воспитываемые в билингвальной среде, подразумевающей владение двумя и более языками, выбирают язык в зависимости от сферы общения: один язык для общения дома, другой для общения в школе. Впоследствии этот выбор дополняется «определенными правилами выбора языка», включающими традиции коммуникации, сложившиеся в сообществе, социокультурные черты определенного сообщества, стереотипы коммуникации, сформированные со временем [Бурыкин, 2001]. К примерам сформированных в обществе традиций относится устоявшееся правило: использование билингвами языка, незнакомого присутствующим в настоящий момент в помещении людям, может считаться оскорблением и нарушением этикета.

Помимо свободного перехода индивида с одного языка на другой, одним из следствий билингвизма может выступать интерференция, с которой так или иначе сталкивается каждый билингв. Интерференция – это использование элементов одного языка во время устной или письменной коммуникации на другом языке. В зависимости от языковых уровней, на которых проявляется интерференция, У. Вайнрайх выделяет фонетическую, лексическую и грамматическую интерференцию [Weinreich, 1979: 64]. Вне зависимости от уровня проявления интерференция является обычным явлением, встречающимся в процессе изучения второго языка или же в процессе его применения.

3. Сравнительный анализ инструментов для определения типа билингвизма и степени владения языками

Как говорилось ранее, степень владения Я1 и Я2 у билингвов может варьироваться и случаи, когда оба языка изучены и используются в равной степени, редки. Принято считать, что первым языком является «родной» язык, язык, приобретенный индивидом с рождения, и язык сообщества, в котором проходила социализация билингва. Однако практика доказывает, что в частном порядке возникают ситуации, в которых билингв в меньшей степени проявляет владение «родным» языком, например его языковые компетенции ограничиваются пониманием устной речи [Свитюк, 2017: 27]. Подобные этому примеры ставят под вопрос иерархию языков по времени и сфере их усвоения. Необходимым шагом для корректного моделирования эксперимента, включающего анализ когнитивных способностей билингвов, с учетом не только порядка усвоения языка, но и их функционального статуса является проведение оценочного теста.

В настоящий момент существует два вида тестов, позволяющих исследователям «оценить» степень владения билингвом тем или иным языком.

Первый вид – лингвосоциокультурный опросник, включающий в себя ряд вопросов об опыте нахождения индивида в конкретной лингвокультуре, о частотности использования им языка в зависимости от коммуникативной ситуации и языке, на котором индивид проходил обучение, получал образование. В ходе работы с опросником данного типа испытуемым предлагается, например, самостоятельно оценить навыки владения Я1 и Я2, т.е. оценить свой уровень чтения, письма, понимания и владения разговорной речью на определенном языке.

Одним из наиболее распространенных опросников данного типа является Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q), тест, разработанный в 2007 г. для проведения оценки уровня языка в контексте двуязычия, сформированного не только знанием и владением языка, но и опытом его применения в повседневной жизни. Согласно исследованиям, проведенным авторами опросника, уровень языковой компетентности индивида зависит от частотности использования языка в повседневной жизни, возраста, в котором началось изучение языка, и сферы его применения, а также того, на каком языке индивид проходил обучение и получал образование [Li et al., 2020: 943]. Опросник предлагает индивиду самостоятельно оценить свой уровень владения Я2 в контексте определенных ситуаций, и благодаря тому, что в вопросах учитываются различные факторы, влияющие на усвоение языка, он широко применяется исследователями для решения задач, требующих определение уровня языковой компетенции билингва. К моменту написания работы на сайте проекта в открытом доступе размещены версии опросника для 38 языков[6]. Недостатком данного опросника является в первую очередь отсутствие открытой формулы для подсчета результатов, что допускает определенную вариативность в интерпретации результатов.

В 2006 г. был разработан Language History Questionnaire (LHQ), опросник, предлагающий билингву самостоятельно оценить уровень своего владения вторым языком, указать предшествующий опыт его усвоения и применения, время пребывания в определенной языковой среде, отметить свои преференции касательно использования Я1 или Я2 в процессе коммуникации с людьми из разных категорий и указать язык, на котором разговаривают в домашней среде. Позднее данный инструмент был доработан и размещен в открытом доступе на веб-странице[7], предоставляя пользователям функцию автоматического подсчета результатов и их визуализацию для дальнейшей обработки. Для удобства в веб-версии опросника подключена функция автоматического перевода, позволяющая использовать его результаты для оценки владения любым языком.

[6] URL: https://bilingualism.northwestern.edu/leapq/
[7] URL: https://lhq-blclab.org/

На основе двух описанных выше опросников в 2013 г. был разработан Language and Social Background Questionnaire (LSBQ), включающий в себя вопросы, касающиеся не только языковой компетенции опрашиваемого и его опыта использования языка в различных коммуникативных ситуациях, но и языковой компетенции родителей, а также опыта проживания за рубежом. В опроснике такие факторы, как опыт нахождения в языковой среде, языковые компетенции и другие, объединены по группам, что позволяет не только установить уровень владения вторым языком, но и определить ключевой фактор, влияющий на формирование двуязычия. Для подкрепления результатов самостоятельной оценки билингвом своего уровня владения языком опросник также предлагает исследователям применение формата интервью, позволяющего не только использовать объективные метрики, предложенные в самом тесте, но и учитывать субъективное мнение оценщика. Для обработки данных создатели предложили свои метрики оценки результата, подробно описанные в инструкции[8] к работе с опросником, что делает интеграцию подобного инструмента доступной для любых исследований феномена билингвизма.

Как показывают исследования, у данного типа опросов есть свои недостатки: довольно часто участники более точно могут определить свой уровень владения первым языком и менее точно – вторым; иерархия языков может изменяться в зависимости от выполняемого испытуемым задания и языка, который чаще всего для этого им используется [Marian, 2007: 941].

Помимо опросников для оценки субъективного опыта, существует второй метод определения уровня владения языком путем оценки уровня лексических знаний. Наиболее популярным инструментом проведения подобного анализа является лексический тест LexTALE[9], разработанный в 2012 г. для оценки уровня владения английским языком как Я2. Всего тест состоит из 60 единиц (40 слов и 20 словосочетаний). Испытуемому предлагается самостоятельно выбрать значения представленных на экране словарных единиц. Учитывая специфику лексики, тест автоматически выдает уровень владения Я2 в процентах. Полученный результат представляет собой средний процент правильных ответов, скорректированный с учетом неравного соотношения слов и словосочетаний в тесте. Формула для подсчета выглядит таким образом:

$$\frac{((\text{Количество правильных слов} / 40 * 100) + (\text{Количество верных словосочетаний} / 20 * 100))}{2}$$

[8] URL: https://figshare.com/articles/journal_contribution/The_Language_and_Social_Background_Questionnaire_Assessing_Degree_of_Bilingualism_in_a_Diverse_Population_Supplementary_Materials/3972486
[9] URL: https://www.lextale.com/

В настоящий момент тест адаптирован для английского, немецкого и нидерландского языков. Однако с 2022 г. в Центре языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» идет разработка LexTALE для русского, татарского и адыгейского языков[10].

Исходя из приведенных выше описаний опросников для определения уровня владения билингвом вторым языком, мы можем провести сравнительно-сопоставительный анализ, результаты которого представлены в таблице.

Таблица 1.

Сравнение существующих опросников

Название	**Цель**	**Оцениваемые параметры**	**Тип вопросов**	**Способ подсчета**	**Методы проверки**	**Автоматизация**	**Применяемые языки**
LEAP-Q	Оценка уровня языковых навыков в контексте двуязычия	Частота использования языка, возраст начала изучения, сферы применения	Оценочные шкалы	Нет открытой формулы	Только опросник	Нет	38 языков
LHQ	История языкового опыта	Преференции языка, опыт использования, время пребывания в среде	Оценочные шкалы	Автоматический подсчет	Только опросник	Да	Любые языки
LSBQ	Оценка уровня владения языком и социального фона	Языковая компетенция, опыт проживания за границей, языковые компетенции родителей	Открытые и закрытые вопросы	Описание метрик в инструкции	Интервью и опросник	Нет	Любые языки
LexTALE	Лексическая оценка уровня владения языком	Лексика Я2	Закрытые вопросы	Формула подсчета	Только опросник	Да	3 языка

Каждый из опросников имеет свои преимущества и недостатки, и выбор подходящего инструмента зависит от целей исследования. Например, LEAP-Q детально оценивает опыт использования языка и уровень его владения индивидом, но отсутствие открытой формулы для

[10] URL: https://www.hse.ru/neuroling/lex_tale

подсчета результатов может вызывать трудности в интерпретации исследователями. LHQ удобно использовать благодаря автоматическому подсчету и гибкости, позволяющей применять его для оценки уровня владения любым языком, однако он сосредоточен в основном на языковом опыте, а не на фактических языковых компетенциях, таких как речь или письмо. LSBQ учитывает широкий социальный контекст и семейный фон, что полезно для исследований, ориентированных на социокультурные аспекты, но требует дополнительных методов проверки, таких как интервью, что в свою очередь может внести субъективную оценку. LexTALE предлагает объективную оценку лексических знаний, однако его узкая направленность на лексику ограничивает возможность использования для комплексной оценки билингвизма, а ограниченный функционал допускает оценку владения только тремя включенными в тест языками. Применение данного теста для других языков требует предварительной адаптации инструмента или проведения дополнительного исследования для оценки существующих разработок.

4. Библиометрический анализ востребованности билингвальных опросников

Перед проведением любого исследования необходимо подробно изучить не только доступные инструменты, но и примеры их применения в похожих работах. Для этого исследователи изучают научное поле и знакомятся с описаниями проводимых экспериментов. На выбор инструмента также влияет его популярность и востребованность в исследовательской среде путем анализа частотности его встречаемости в публикациях.

Для оценки цитируемости каждого из рассмотренных опросников нами был проведен библиометрический анализ, охватывающий встречаемость описанных нами тестов в научных статьях по данным Google Scholar. Выбор данной поисковой системы по научным работам был оправдан тем, что эта система охватывает большинство научных работ, опубликованных на английском языке как на международном языке научного общения. Анализируемый временной период был разбит нами на интервалы по три года начиная с 2015, так как самый ранний из рассматриваемых нами опросников был опубликован в 2013 г. Данный интервал позволяет проследить динамику интереса к инструментам и сравнить их востребованность, а также оценить их актуальность в современных исследованиях в области билингвизма, что может быть полезно для дальнейшего выбора и разработки инструментов. На основе графика мы можем сделать выводы, касающиеся динамики цитируемости таких опросников, как LEAP-Q, LHQ, LSBQ и LexTALE, а также об их востребованности и роли в исследованиях билингвизма.

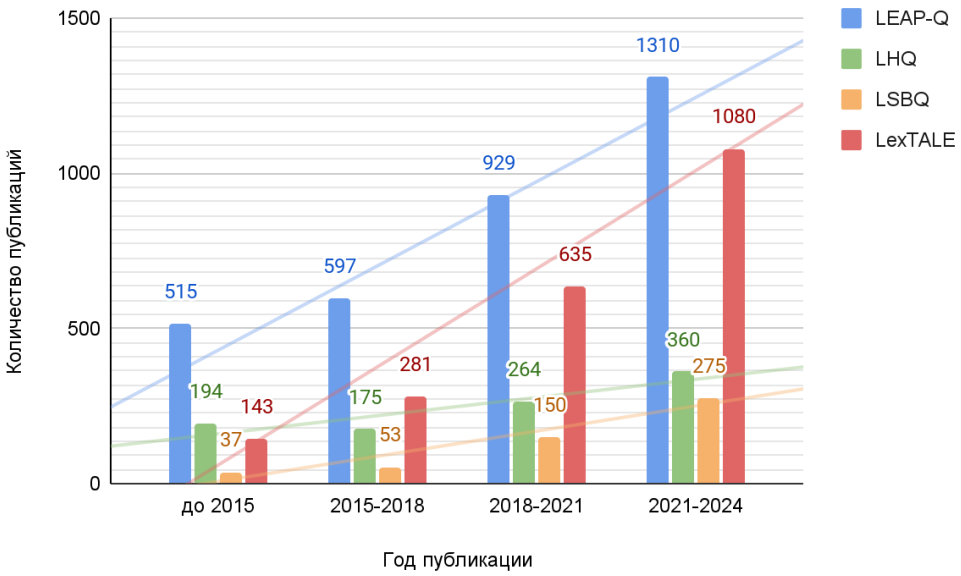

Рис. 1. Цитируемость опросника в зависимости от года публикации.

Во-первых, основываясь на общей тенденции к росту востребованности каждого из представленных опросников, мы можем сделать вывод, что сам вопрос об оценке уровня владения билингвом вторым языком все чаще возникает в исследовательском поле, чем и обоснован рост количества запросов. Так, в январе 2024 г. была опубликована статья “A Content Overlap Analysis of bilingualism questionnaires: Considering diversity”, целью которой было выявить общие элементы в опросах, посвященных владению билингвом вторым языком, чтобы количественно оценить сходство между существующими опросниками и рассчитать показатель совпадения. Исследователи пришли к выводу, что процент совпадения между опросниками не превышает 15 %, а значит, каждый из инструментов ориентирован на оценку различных аспектов двуязычия [Dass et al., 2024: 749]. Часто встречаются публикации, посвященные кросс-культурной адаптации опросников, например адаптация LEAP-Q на хинди [Maitreyee et al., 2019] и каннада [Narasimhan et al., 2023]. Более того, опросники служили базой для разработки новых, нацеленных на определенные аспекты билингвизма, инструментов. Например, в 2023 г. LEAP-Q, LHQ и LSBQ были задействованы в разработке PLQ (“Intervista sulle Prassi Linguistiche Quotidiane” или “Daily Linguistic Practice Interview”) для оценки языковых компетенций у детей-билингвов [Carioti et al., 2024]. PLQ был разработан в рамках исследования влияния билингвизма на академические способности при изучении детьми, говорящими на языках меньшинств (Minority Language Children, MLC), языка большинства. В результате исследования ученые пришли к выводу, что степень использования языка меньшинств в повседневной языковой

практике может негативно повлиять на обучение чтению на языке большинства, если этот процесс не подкрепляется специальными лексическими упражнениями.

Во-вторых, наиболее популярным методом, исходя из его цитируемости, является LEAP-Q: с самого начала этот опросник занимал наиболее высокие позиции как первый возникший в этой области инструмент. Тем не менее с 515 упоминаний к 2015 г. его востребованность выросла до 1310, а тенденция к увеличению цитируемости наблюдается в каждом трехлетнем периоде. Это позволяет сделать вывод, что из всех представленных инструментов именно LEAP-Q занимает стабильно первое место. Данный рост можно объяснить универсальностью опросника, который может быть интегрирован в различные социолингвистические исследования. Широкий спектр учитываемых в опроснике параметров, таких как языковая компетенция, эмоциональная привязанность к языку и опыт его использования билингвом в различных сферах, делает опросник наиболее предпочтительным инструментом для многих исследователей билингвизма. Так, LEAP-Q применялся в исследовании когнитивного контроля у билингвов с низким и высоким уровнями владения языком [Almaaytah et al., 2023]. В данном эксперименте прохождение опросника являлось предварительной стадией эксперимента, позволившей исследователям выделить две группы среди респондентов. LEAP-Q часто применяется и для исследования вопросов влияния второго языка у билингвов на образовательный процесс. Например, проводилось изучение возможности возникновения у билингвов языковой тревожности, проявляемой в их навыках письма на Я1 и Я2. Студенты университета в Маниле проходили LEAP-Q для оценки своей языковой компетенции, а также Foreign Language Classroom Anxiety Scale (FLCAS) для определения уровня тревожности после написания письменной работы [Masangya, 2018]. Исследование показало, что языковые факторы не влияют на уровень тревожности в процессе письма, но повышают тревогу в процессе говорения, что было замечено благодаря анкете FLCAS.

В-третьих, так как вторым по популярности является LexTALE, несмотря на то что данный инструмент был разработан относительно недавно, рост его цитируемости отражает возрастающий интерес лингвистов к оценке лексического запаса у билингвов. Так, начиная со 143 упоминаний до 2015 г., его популярность удваивается с каждым периодом и к 2024 г. достигает 1080 упоминаний. На востребованность опросника могла повлиять простота его использования и высокая точность в рамках языкового тестирования. За последние годы LexTALE был адаптирован на множество языков, включая испанский [Izura et al., 2014] и каталанский [Ferre et al., 2017], арабский [Alzahrani, 2024], малайский [Lee et al., 2024] и др. В 2023 г. было проведено исследование, в котором сравнивалось влияние использования бумажных и электронных словарей в процессе изучения языка, в частности влияние типа словаря

на грамотность учащегося [Salgaro at al., 2023]. Эксперимент включал несколько сессий, в рамках которых испытуемые были поделены на группы по типу используемого им словаря. Затем они знакомились с текстом, изучали незнакомый им до этого вокабуляр из текста с помощью одного из двух типов словарей, выполняли тест на знание лексики и оценивали свой опыт пользования словарем. Перед началом эксперимента испытуемые прошли оценку лексического запаса с помощью LexTALE, что позволило организаторам эксперимента подтвердить рандомизацию выборки: опросник показал, что языковые компетенции, в частности знание лексики, в каждой группе людей примерно одинаковое, что подтвердило справедливость результата эксперимента.

В-четвертых, медленный и незначительный рост цитируемости таких опросников, как LHQ и LSBQ, может указывать на то, что оба инструмента имеют более узкую область применения в отличие от LEAP-Q и LexTALE. Связано это может быть со спецификой их использования: так, LHQ требует от исследователей большего уровня взаимодействия с испытуемыми, что ограничивает его применение в исследованиях с большими выборками людей. Например, LHQ применялся в сравнении инструментов оценки языковых компетенций у билингвов Южной Каролины, для которых английский выступает вторым языком, изучаемым ими с рождения [Macbeth et al., 2022]. LHQ выступал в данном случае как метод самооценки языковых навыков, и результаты опросника сопоставлялись с результатами языковых тестов и результатами компьютерной обработки записей ежедневной языковой практики (Electronically Activated Recorder, EAR). В результате исследователи пришли к выводу, что все три метода оценки языковых компетенций одинаково показательны, а их оценка сопоставима между собой.

Таким образом, анализ цитируемости позволяет определить востребованность каждого опросника и сделать предварительные выводы о его применимости в области оценки уровня владения вторым языком билингвами. Высокая популярность инструмента говорит о его универсальности, тогда как низкий уровень цитируемости свидетельствует об ограничениях, вложенных в инструмент, таких как ресурсозатратность или зависимость от специфики исследовательской задачи. Тем не менее общая тенденция к росту цитируемости у каждого из представленных опросников свидетельствует об увеличении внимания исследователей к проблеме билингвизма и повышению интереса к методам оценки языковых компетенций билингвов.

5. Заключение

Подведем итог: мы рассмотрели подходы к определению билингвизма и пришли к выводу, что в настоящее время знание индивидом двух языков довольно распространенное

явление. Нами были рассмотрены: психолингвистический подход, согласно которому, билингвизм, как психический механизм, включает в себя необходимые для порождения речи на двух языках знания; социолингвистический подход, связывающий использование языка с нахождением индивида в определенной социальной общности или коммуникативной ситуации; культурный подход, подразумевающий деление билингвов на монокультуралов, бикультуралов и аккультуралов, в зависимости от владения элементами одной или более этнических культур и социализации в рамках одной или более культур.

Исходя из рассмотренных нами подходов, мы описали несколько классификаций билингвизма. Билингвизм может быть классифицирован по способу его формирования (естественный и искусственный), по возрасту усвоения второго языка (ранний и поздний билингвизм), а также по степени владения языками (пассивный, доминирующий, сбалансированный и полуязычие). Важное значение имеет социализация билингвов в двух культурах, что может привести к бикультурализму.

Мы провели и сравнительно-сопоставительный анализ существующих тестов, предлагающих инструмент определенной валидности для оценки уровня владения языком каждым индивидом. Выбор того или иного опросника напрямую зависит от целей исследования и особенностей изучаемой языковой пары. Так, не все опросники в настоящий момент адаптированы на все языки, и дополнительный перевод и адаптация станут необходимым шагом перед проведением любого исследования, включающего в себя оценку владения билингвом вторым языком.

Основываясь на анализе цитируемости, мы видим растущий тренд популярности рассмотренных в статье опросников, что говорит о повышении внимания лингвистов к исследованию билингвизма и актуальности проведения исследователями оценки уровня владения билингвами вторым языком.

Литература

Белянин В.П. (2016) Психолингвистика. М.: Флинта. 415 с.

Боргоякова Т.Г. (2002) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан. 264 с.

Бурыкин А.А. (2001) Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие // Мир слова русского. Режим доступа: http://abvgd.russian-russisch.info/articles/10.html Дата обращения: 19.03.24.

Верещагин Е.М. (1969) Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ. 160 с.

Залевская А.А., Медведева И.Л. (2002) Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Тверской гос. ун-т. 194 с.

Куфтяк Е.В., Ханухова Л.М., Пойманова Е.В. (2019) Билингвизм у детей: Влияние на когнитивно-коммуникативное развитие и инструменты измерения // Современное дошкольное образование. Вып. 2 (92). С. 30–39.

Петрова К. (2003) Проект о создании корпуса устной речи русско-болгарских билингвов Режим доступа: http: www. dialog-21.ru Дата обращения: 19.03.24.

Попкова Е.А. (2015) «Билингвизм» и «Бикультурализм» в психолингвистике: Соотношение понятий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Вып. 4 (1). С. 375–379.

Розенцвейг В.Ю. (1972) Языковые контакты. Л.: Наука. 80 с.

Свитюк С.Ю. (2017) Общие представления о билингвизме в психологии // Психология в экономике и управлении. Т. 9. Вып. 2. С. 26–32.

Цыбенова Ч.С. (2013) О языковой компетенции тувинцев: (Результаты социологического анкетирования) // Уч зап. ЗабГГПУ. Вып. 2 (49). С. 148–155.

Щерба Л.В. (1974) Языковая система и речевая деятельность. Л. 432 с.

Almaaytah, S., Issa, S. (2023) Language and Cognitive Control in low and high proficient Bilinguals // Migration Letters. No. 20 (7). Pp. 834–848.

Alzahrani, A. (2024) LexArabic: A receptive vocabulary size test to estimate Arabic proficiency // Behaviour Research Methods. No. 56. Pp. 5529–5556.

Anderson, J.A., Mak, L., Keyvani Chahi, A.K., Bialystok, E. (2017) The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population // Behavior Research Methods. Pp. 1–14.

Baker, C. (1993) Foundations of bilingual education and bilingualism. Clevedon, England: Multilingual Matters. 319 p.

Carioti, D., Stefanelli, S., Giorgi, A., Franca Masia, M., Del Pivo, G., Del Monte, M., Travellini, S., Marcelli, A., Guasti, M., Vernice, M., Berlingeri, M. (2024) The Daily Linguistic Practice Interview: A new instrument to assess language use and experience in minority language children and their effect on reading skills // Ampersand. No. 12.

Dass, R., Smirnova-Godoy, I., McColl, O., Grundy, G.J., Luk, G., Anderson, A. (2024) A Content Overlap Analysis of bilingualism questionnaires: Considering diversity // Bilingualism: Language and Cognition. No. 24. Pp. 744–750.

Ferré, P., Brysbaert, M. (2017) Can Lextale-Esp discriminate between groups of highly proficient Catalan–Spanish bilinguals with different language dominances? // Behaviour Research Methods. No. 49. Pp. 717–723.

Genesee, F. (1989) Early bilingual development: One language or two? // Journal of Child Language. No. 16 (1). Pp. 79–161.

Grosjean, F. (2010) Bilingual Life and Reality. Cambridge; Mass.: Harvard University Press. 276 p.

Izura, C., Cuetos, F., Brysbaert, M. (2014) Lextale-Esp: A test to rapidly and efficiently assess the Spanish vocabulary size // Psicologica. No. 35 (1). Pp. 49–66.

Hamers, J.F., Blanc, M.H. (2000) Bilinguality and Bilingualism // Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 2

Lee, S.T., van Heuven, W.J.B., Price, J.M. (2024) LexMAL: A quick and reliable lexical test for Malay speakers // Behavior Research Methods. No. 56. Pp. 4563–4581.

Lemhöfer, K., Broersma, M. (2012) Introducing LexTALEv: A quick and valid Lexical Test for Advanced Learners of English // Behavior Research Methods. No. 44. Pp. 325–343.

Li, P., Zhang, F., Yu, A., Zhao, X. (2020) Language History Questionnaire (LHQ3): An enhanced tool for assessing multilingual experience // Bilingualism: Language and Cognition. No. 23 (5). Pp. 938–944.

Macbeth, A., Atagi, N., Montag, J.L., Michelle, R.B., Chiarello, C. (2022) Assessing language background and experiences among heritage bilinguals // Frontiers in psychology. No. 13.

Maitreyee, R., Goswami, S.P. (2019) Language proficiency questionnaire: An adaptation of LEAP-Q in Indian context // Unpublished dissertation. University of Mysore. Mysore.

Masangya, E. (2018) The language anxiety and language exposure of ESL students' on their writing proficiency // Advanced science letters. No. 24 (4). Pp. 2328–2332.

Narasimhan S.V., Sahana, K., Yashaswini, G., Divyashree, D. (2023) Cross-Cultural Adaptation and Validation of the Language Experience and Proficiency Questionnaire into Kannada // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. No. 66 (8). Pp. 2688–2700.

Park, R.E. (1928) Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. No. 5. Pp. 881–893.

Salgaro, M., Sorrentino, P. (2023) Don't throw your paper dictionary away! Using different types of dictionaries for improving EFL vocabulary learning // Proceedings of the International Coference, Seoul: City Publishing House. Pp. 126–132.

Marian V, Blumenfeld HK, Kaushanskaya M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. J Speech Lang Hear Res. No. 50(4). Pp. 940–967.

Volterra, V., Taeschner, T. (1978) The acquisition and development of language by bilingual children // Journal of Child Language. No. 5. Pp. 311–326.

Weinreich, U. (1979) Languages in Contact: Findings and Problems. The Hague: Mouton Publishers. 148 p.

References

Belyanin, V.P. (2016) Psiholingvistika [Psycholinguistics]. M.: Flinta. 415 p. (In Russ.)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sociolingvisticheskie processy v respublikah YUzhnoj Sibiri [Sociolinguistic Processes in the Republics of Southern Siberia]. Abakan. 264 p. (In Russ.)

Burykin, A.A. (2001) Mental'nost', yazykovoe povedenie i nacional'no-russkoe dvuyazychie [Mentality, Language Behavior, and National-Russian Bilingualism [Electronic resource] // Mir slova russkogo [The World of Russian Word]. Available at: http://abvgd.russian-russisch.info/articles/10.html Access date: 19.03.24. (In Russ.)

Vereshchagin, E.M. (1969). Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya [Psychological and Methodological Characteristics of Bilingualism]. M.: Moscow State University Press. 160 p. (In Russ.)

Zalevskaya, A.A., Medvedeva, I.L. (2002) Psiholingvisticheskie problemy uchebnogo dvuyazychiya [Psycholinguistic Problems of Educational Bilingualism]. Tver: Tver State University. 194 p. (In Russ.)

Kuftyak, E.V., Khanukhova, L.M., Poimanova E.V. (2019) Bilingvizm u detej: Vliyanie na kognitivno-kommunikativnoe razvitie i instrumenty izmereniya [Bilingualism in Children: Impact on Cognitive-Communicative Development and Measurement Tools] // Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie [Modern Preschool Education]. Iss. 2 (92). Pp. 30–39. (In Russ.)

Petrova, K. (2003) Proekt o sozdanii korpusa ustnoj rechi russko-bolgarskih bilingvov [Project on Creating a Corpus of Oral Speech of Russian-Bulgarian Bilinguals]. Available at: http://www.dialog-21.ru Access date: 19.03.24. (In Russ.)

Popkova, E.A. (2015) «Bilingvizm» i «Bikul'turalizm» v psiholingvistike: Sootnoshenie ponyatij ["Bilingualism" and "Biculturalism" in Psycholinguistics: Concept Correlation] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Current Issues in Humanities and Natural Sciences]. Iss. 4 (1). Pp. 375–379. (In Russ.)

Rozencvejg, V.Y. (1972) Yazykovye kontakty [Language Contacts]. Leningrad: Nauka. 80 p. (In Russ.)

Svityuk, S.Y. (2017) Obshchie predstavleniya o bilingvizme v psihologii [General Concepts of Bilingualism in Psychology] // Psihologiya v ekonomike i upravlenii [Psychology in Economics and Management]. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 26–32. (In Russ.)

Tsibenova, C.S. (2013) O yazykovoj kompetencii tuvincev: (Rezul'taty sociologicheskogo anketirovaniya) [On the Language Competence of Tuvans :(Sociological Survey Results)] // Uch zap. ZabGGPU [Scientific Notes of Zabaikalsky State Pedagogical University]. Iss. 2 (49) Pp. 148–155. (In Russ.)

Shcherba, L.V. (1974) Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language System and Speech Activity]. Leningrad. 432 p. (In Russ.)

Almaaytah, S., Issa, S. (2023) Language and Cognitive Control in low and high proficient Bilinguals // Migration Letters. No. 20 (7). Pp. 834–848.

Alzahrani, A. (2024) LexArabic: A receptive vocabulary size test to estimate Arabic proficiency // Behaviour Research Methods. No. 56. Pp. 5529–5556.

Anderson, J.A., Mak, L., Keyvani Chahi, A.K., Bialystok, E. (2017) The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population // Behavior Research Methods. Pp. 1–14.

Baker, C. (1993) Foundations of bilingual education and bilingualism. Clevedon, England: Multilingual Matters. 319 p.

Carioti, D., Stefanelli, S., Giorgi, A., Franca Masia, M., Del Pivo, G., Del Monte, M., Travellini, S., Marcelli, A., Guasti, M., Vernice, M., Berlingeri, M. (2024) The Daily Linguistic Practice Interview: A new instrument to assess language use and experience in minority language children and their effect on reading skills // Ampersand. No. 12.

Dass, R., Smirnova-Godoy, I., McColl, O., Grundy, G.J., Luk, G., Anderson, A. (2024) A Content Overlap Analysis of bilingualism questionnaires: Considering diversity // Bilingualism: Language and Cognition. No. 24. Pp. 744–750.

Ferré, P., Brysbaert, M. (2017) Can Lextale-Esp discriminate between groups of highly proficient Catalan–Spanish bilinguals with different language dominances? // Behaviour Research Methods. No. 49. Pp. 717–723.

Genesee, F. (1989) Early bilingual development: One language or two? // Journal of Child Language. No. 16 (1). Pp. 79–161.

Grosjean, F. (2010) Bilingual Life and Reality. Cambridge; Mass.: Harvard University Press. 276 p.

Izura, C., Cuetos, F., Brysbaert, M. (2014) Lextale-Esp: A test to rapidly and efficiently assess the Spanish vocabulary size // Psicologica. No. 35 (1). Pp. 49–66.

Hamers, J.F., Blanc, M.H. (2000) Bilinguality and Bilingualism // Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 2

Lee, S.T., van Heuven, W.J.B., Price, J.M. (2024) LexMAL: A quick and reliable lexical test for Malay speakers // Behavior Research Methods. No. 56. Pp. 4563–4581.

Lemhöfer, K., Broersma, M. (2012) Introducing LexTALE: A quick and valid Lexical Test for Advanced Learners of English // Behavior Research Methods. No. 44. Pp. 325–343.

Li, P., Zhang, F., Yu, A., Zhao, X. (2020) Language History Questionnaire (LHQ3): An enhanced tool for assessing multilingual experience // Bilingualism: Language and Cognition. No. 23 (5). Pp. 938–944.

Macbeth, A., Atagi, N., Montag, J.L., Michelle, R.B., Chiarello, C. (2022) Assessing language background and experiences among heritage bilinguals // Frontiers in psychology. No. 13.

Maitreyee, R., Goswami, S.P. (2009) Language proficiency questionnaire: an adaptation of LEAP-Q in Indian context //Unpublished dissertation. University of Mysore. Mysore.

Masangya, E. (2018) The language anxiety and language exposure of ESL students on their writing proficiency // Advanced science letters. No. 24 (4). Pp. 2328–2332.

Narasimhan S.V., Sahana, K., Yashaswini, G. Divyashree, D. (2023) Cross-cultural adaptation and validation of the language experience and proficiency questionnaire into Canada // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. No. 66 (8). Pp. 2688–2700.

Park, R.E. (1928) Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. No. 5. Pp. 881–893.

Salgaro, M., Sorrentino, P. (2023) Don't throw your paper dictionary away! Using different types of dictionaries for improving EFL vocabulary learning.

*Marian V, Blumenfeld HK, Kaushanskaya M. (*2007*)* The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. J Speech Lang Hear Res. No. 50(4). Pp. 940–967.

Volterra, V., Taeschner, T. (1978) The acquisition and development of language by bilingual children // Journal of Child Language. No. 5. Pp. 311–326.

Weinreich, U. (1979) Languages in Contact: Findings and Problems. The Hague: Mouton Publishers. 148 p.

Примечание

Публикация подготовлена в результате проведения исследования по проекту №24-00-033 «Экспериментальное изучение и моделирование когнитивных механизмов речевой деятельности» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2024 г.

Сергеева Мария Олеговна – стажер-исследователь «Лаборатории языковой конвергенции», НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.
https://orcid.org/0009-0006-6164-8996
Адрес: 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, линия 16-я В.О., д. 15/57, кв. 2.
Эл. адрес: mosergeeva@edu.hse.ru

Mariia O. Sergeeva – Research Intern at the “Laboratory of Language Convergence”, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg.
https://orcid.org/0009-0006-6164-8996
Address: 16th Line V.O. 15/57, Apt. 2., St. Petersburg, Russian Federation, 199178
E-mail: mosergeeva@edu.hse.ru

Для цитирования: *Сергеева М.О.* Обзор существующих опросников для определения уровня владения билингвом вторым (неродным) языком // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 161–177. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-161-177

For citation: *Sergeeva, M.O.* Review of existing questionnaires for assessing bilinguals' proficiency in a second (non-native) language // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 161–177. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-4-20-161-177

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.06.2024;
approved after reviewing 10.11.2024;
accepted for publication 14.12.2024.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

УДК 81’27 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-178-181

К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ТАМАРЫ ГЕРАСИМОВНЫ БОРГОЯКОВОЙ

IN HONOR OF THE ANNIVERSARY OF TAMARA G. BORGOIAKOVA, DOCTOR IN PHILOLOGY, PROFESSOR

24 января 2024 года отметила свой 75-летний юбилей Тамара Герасимовна Боргоякова – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (ХГУ им. Н. Ф. Катанова).

Тамара Герасимовна Боргоякова не только известный ученый, автор фундаментальных научных трудов по тюркологии, социолингвистике и психолингвистике, но и активный общественный деятель. Ее вклад в теорию и практику сохранения и развития родного хакасского языка, языковых прав народов Южной Сибири невозможно переоценить.

Тамара Герасимовна Боргоякова родилась в городе Чадане Республики Тыва. В 1971 г. она окончила Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков (Иркутский государственный лингвистический университет) и была принята ассистентом кафедры английского языка Абаканского государственного педагогического института (ныне ХГУ имени Н.Ф. Катанова). В 1983 г. Тамара Герасимовна защитила кандидатскую диссертацию «Структурно-семантические типы фразеологических единиц хакасского языка» в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР. С 1988 по 1997 г. она занимала должности заведующего кафедрой, декана, проректора по учебной работе АГПИ, первого проректора ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

В 1993 г. Тамара Герасимовна возглавила работу по созданию Государственной Программы сохранения и развития языков народов Республики Хакасия (РХ) на 1994–2000 гг., реализация которой привела к заметным позитивным изменениям, усилив позиции хакасского языка как второго государственного языка РХ. В 1997–2001 гг. Тамара Герасимовна занимала

должность заместителя Председателя Правительства РХ по социальным вопросам, однако, несмотря на загруженность ответственной административной работой, продолжала активную научно-исследовательскую деятельность. В 2003 г. Тамара Герасимовна защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Развитие социальных функций государственных языков республик Южной Сибири» в Институте языкознания РАН. В том же году она прошла научную стажировку в США на базе Университета Аризоны (г. Тусон) и Центра прикладной лингвистики (г. Вашингтон) для изучения международного опыта сохранения миноритарных языков. В 2005 г. получила ученое звание профессора по кафедре иностранных языков и общего языкознания.

В 2004 г. Тамара Герасимовна возглавила Институт саяно-алтайской тюркологии ХГУ имени Н.Ф. Катанова. Под ее руководством Институт активно развивался: были открыты новые программы и направления подготовки магистрантов и аспирантов, существенно активизировалась научно-исследовательская работа студентов, было налажено международное научное сотрудничество. В 2012 г. профессор Т.Г. Боргоякова стала руководителем нового Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии. Сегодня он является ведущим научным центром хакасского и сравнительного языкознания, тюркологии, социолингвистики, психолингвистики и межкультурной коммуникации. Благодаря Тамаре Герасимовне 100 % его научных сотрудников имеют ученую степень (67 % – доктора наук, 33 % – кандидаты наук). Институт является одним из лидеров по объемам дополнительного финансирования научных исследований и количеству научных публикаций в ведущих научных изданиях. Результаты его научной работы активно внедряются в образовательные программы университета. Так, под руководством Тамары Герасимовны были созданы инновационные продукты, получившие государственную регистрацию: компьютерная программа «Хакасско-английский/англо-хакасский электронный тезаурус KIZI/PERSON» (2015), компьютерная программа и база данных «Хакасско-русско-английский электронный словарь» (2019).

Область научных интересов Тамары Герасимовны Боргояковой составляют языковая политика, билингвизм, миноритарные языки, этнолингвистика, психолингвистика, хакасская фразеология, тюркские языки. Под ее руководством реализуются крупные научные проекты, поддержанные Минобрнауки РФ, РГНФ, РФФИ, РНФ и другими фондами. Она является автором многочисленных научных публикаций, среди которых монографии, учебные пособия, научные статьи в высокорейтинговых научных изданиях, индексируемых Web of Science, Scopus и RSCI. Среди публикаций последних лет следует отметить энциклопедию «Language Policy and Political Issues in Education» (2017), опубликованную издательством Springer, где Т.Г. Боргояковой совместно с Б. Баурингом написана глава «Language Policy and Education in Russia»; монографию

«Языки Южной Сибири в динамике социального контекста», вышедшую в 2022 году в соавторстве с А.В. Гусейновой и К.А. Покояковой. Заслуживают упоминания такие статьи как «Языки коренных народов США: терминологические и законодательные аспекты» (Филологические науки. Научные доклады высшей школы 2018, № 6); «Language Policy in University Education: the Case of Khakassia and Tyva» (Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки 2019, № 10, соавтор – А. В. Гусейнова); «Этнорегиональная актуализация аксиологических аспектов языковой политики в республиках Южной Сибири» (Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Вып. 3, 2022 в соавторстве с А.В. Гусейновой и К.А. Покояковой); «Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири» (Новые исследования Тувы. 2022. № 4, соавтор – К.А. Покоякова); «Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности» (Языки и фольклор коренных народов Сибири №3, 2024 совместно с Ч.Б. Донгак).

Ежегодно под руководством Тамары Герасимовны в ХГУ проводятся научные конференции, посвященные проблемам сохранения и развития языков и культур коренных народов Сибири. Данный проект объединяет ведущих социолингвистов, ученых-языковедов, педагогов, представителей органов власти и общественных объединений Сибири, всей России и зарубежья. Тамара Герасимовна неоднократно публиковалась в зарубежных изданиях, участвовала в научных конференциях в университетах Амстердама, Дублина, Женевы, Сеула, Любляны, Барселоны, Сучжоу и принимала иностранных коллег в ХГУ. Так, под ее руководством была успешно реализована билингвальная исследовательская программа «Khakass Cultural Codes and Identity» («Хакасские культурные коды и идентичность»), по которой в период 2013–2015 гг. прошли обучение стажеры из Университета Сан-Франциско (США).

Профессор Т.Г. Боргоякова является руководителем научной специальности аспирантуры 10.02.19 «Теория языка» и магистерской программы «Английский язык и межкультурная коммуникация». Под ее руководством в научных центрах Новосибирска, Иркутска, Красноярска и Улан-Удэ защитили кандидатские диссертации четверо молодых ученых, которые успешно продолжают научно-исследовательскую деятельность.

Тамара Герасимовна является членом Российского комитета тюркологов, Международной ассоциации психолингвистики, Российской ассоциации социолингвистов, а также членом консультативного совета «Журнала современных тюркологических исследований» («Journal of Modern Turkish Studies», Анкарский Университет, Турция). В 2023 г. она назначена председателем диссертационного совета, созданного на базе ХГУ им.

Н.Ф. Катанова. Кроме того, Тамара Герасимовна входит в состав диссертационного совета Сибирского Федерального университета (Красноярск), а также в редакционные коллегии ряда известных российских научных изданий.

Являясь депутатом Верховного Совета РХ IV созыва, Тамара Герасимовна Боргоякова инициировала принятие закона об изменениях в языковом законодательстве РХ (2008), направленных на расширение сфер функционирования хакасского языка. Она является членом Совета по сохранению и развитию хакасского языка, культуры и развитию этнотуризма при Главе РХ, членом Терминологической комиссии при Правительстве РХ, членом экспертного совета по формированию каталога объектов нематериального культурного наследия при Министерстве культуры РХ.

За большие успехи и высокую эффективность в научной, педагогической, административной, законотворческой и общественно-политической деятельности Т.Г. Боргояковой присвоены почетные звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1999), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2005), «Заслуженный деятель науки РХ» (2009). В 2022 г. она была удостоена государственной награды Республики Хакасия – медали Н. Ф. Катанова.

Высокий профессионализм, гармоничное сочетание научной, педагогической, административной деятельности и личные качества Тамары Герасимовны вызывают признание и глубокое уважение.

Мы, коллеги и ученики, искренне поздравляем Тамару Герасимовну с замечательным юбилеем и желаем новых ярких проектов, открытий и побед в ее многогранной деятельности!

Литература

Гавриленко В. (2009) Жизнь для людей: Достояние Хакасии. Абакан: Бригантина, 2009.

Гусейнова А.В. (2019) Тамара Герасимовна Боргоякова: (К 70-летию со дня рождения) // Российская тюркология. № 3–4 (24–25). С. 138–141.

Мохова О., Чуруксаева А. (2009) Высокая планка Тамары Боргояковой // Хакасия. № 12. С. 5.

Покоякова К.А. (2023) 75 лет Тамаре Герасимовне Боргояковой… // Хакасия-2024: Календарь знаменательных и памятных дат = Хакасия-2024: Танығлығ паза хумартхы тустарның каленьдарьи / Министерство культуры Республики Хакасия; Национальная библиотека имени Н.Г. Доможакова; ГКУ РХ «Национальный архив»; сост.: А.А. Ищенко, С.В. Ходякова; ред.: М.А. Аева, Е.Г. Караваева. Абакан. С. 33–38.

Покоякова К., Чистаева О. (2019) Дело жизни – родной язык // Хакасия. № 11–12. Режим доступа:https://gazeta19.ru/index.php/pechatnaya-versiya/item/22273-delo-zhizni-rodnoj-yazyk Дата обращения: 5.12.2024.

К.А. Покоякова, к.ф.н, с.н.с
А.Н. Чугунекова, д.ф.н, в.н.с.
Институт гуманитарных исследований и
саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-4-20-182-197

РЕГИОНАЛИЗМЫ

REGIONALISMS

Регионализмы[11] [фр. régionalisme от лат. regionalis – ‘областной, местный’].

1. Слова и выражения, распространенные на определенной ограниченной территории, в достаточно широком регионе и употребляющиеся главным образом в данном языковом ареале в устной и письменной речи жителей данного региона. Например, москвичи говорят *подъезд, батон*, *ластик, проездной* (на метро), *бордюр*, а петербуржцы те же реалии называют *парадная, булка*, *резинка, карточка*, *поребрик*; в Новосибирске говорят *стайка* в значении ‘сарай для хранения ненужных вещей; постройка для скота; часть дома – сени’ *коровник* – ‘местное название гриба свинушка тонкая с плоской шляпкой темно-коричневого цвета’, *прилада* – ‘деталь, приспособление’, *перебуробить/перебуровить* – ‘перекопать, перерыть, перемешать,’ *полоротый* – ‘неуклюжий, неловкий человек’.

2. Региональные заимствования. Лексические и фразеологические единицы, заимствованные из других языков, как правило, не входящие в лексическую систему заимствующего языка, функционирующие в устной разговорной или в письменной речи, территориально ограниченные по употреблению определенным достаточно широким регионом (в зоне контактирования языков) и выражающие, как правило, национально-специфические понятия и реалии, общие для народов данного региона. Например, в русском языке на территории тюркоязычных республик распространены слова, заимствованные из тюркских языков, которые в основном отсутствуют в толковых словарях русского языка или помещены в специальные словари иноязычных слов: *борук* ‘женский головной убор’, *земзен* ‘ящерица’, *каса* ‘чашка в форме пиалы’, *чигым* ‘налог с населения’ [Юналеева, 2005]. Примером также может служить употребление в речи старожильческого русского населения на территории Литвы слова *квитас* вместо *квитанция*; слов *куня* ‘девушка’, *хана* ‘китайская водка’, *нихао* ‘китайское приветствие’ в дальневосточном регионе; *сагалган* ‘название праздника Новый год’, *нойон* ‘начальник, чиновник’ на территории Бурятии. Заимствованные регионализмы являются одной

[11] Следует заметить, что у лингвистического термина «регионализм» (в ед. ч.) есть омонимы, которые используются также в качестве терминов в разных научных дисциплинах, в частности в экономике, политологии, искусствоведении: 1. Подход к решению экономических, социальных и т.п. проблем, исходя из потребностей и интересов региона. 2. (риджионализм) Течение в американской живописи, возникшее в 1930-х годах. Регионалисты изображали типично американские ландшафты, бытовые и исторические сцены (Г. Вуд, Т.Х. Бентон, Дж.С. Керри).

из особенностей региональных (местных) вариантов языка (регионолектов), формирующихся в зоне языкового контактирования.

Проблемами изучения регионализмов на материале различных языков занимаются многие российские и зарубежные лингвисты. Особенно подробно ими исследуются регионолекты и регионализмы французского языка (М.А. Бородина, Ю.С. Дзюбенко, К.И. Курбанова-Ильютко, Т.И. Ретинская, А.А. Сидоров, Н.В. Хорошева, А. Бойо, А. Доза, П. Резо и др.), есть работы по регионолектам немецкого (Н.Э. Горшкова, П. Ауэр, Р. Керайн, М. Краузе), английского (Е.М. Бондаренко), испанского (Е.В. Дворецкая) и других языков.

В отечественной лингвистике конца XIX–XX в. проблемами регионального варьирования русского языка занимались многие известные ученые: И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов, В.М. Жирмунский, Н.М. Каринский, Б.А. Ларин, Р.Р. Гельгардт, М.В. Панов, Е.А. Земская, И.Г. Добродомов, Ф.Л. Скитова, Р.А. Юналеева, а также Е.Ф. Будде, В.И. Чернышев, Ф.П. Филин, В.Г. Орлова и др. Исследователи имели разные точки зрения, иногда противоположные, на эти проблемы, и вопрос о статусе региональных вариантов русского языка неоднократно становился предметом научных дискуссий и жарких споров.

Современные исследователи также постоянно занимаются изучением различных аспектов регионализмов и региональной вариативности на материале русского языка и языков народов России: В.М. Алпатов, В.И. Беликов, А.С. Герд, И.Е. Гальченко, О.Б. Сиротинина, Т.И. Ерофеева, В.В. Колесов, Л.П. Крысин, Т.С. Коготкова, А.Н. Рудяков, М.В. Китайгородская, И.В. Ливинская, Ю.Ю. Магерамова, А.П. Майорова, А.И. Матвеев, И.В. Матвеева, Ю.В. Дорофеев, М.М. Молчанова, Б.И. Осипова, Р.В. Попов, Н.А. Гайдамак, Н.А. Прокуровская, Н.Н. Розанова, В.И. Теркулов, В.И. Трубинский и др.

Термин «регионализм» в лингвистической литературе трактуется и понимается по-разному. С одним и тем же значением (‘слова, имеющие определенный, территориально ограниченный ареал употребления’), наряду с термином «регионализм», используются термины «локализм», «провинциализм», «диалектизм», «регионим», «местное слово», «региональное слово», «региональная лексика», «лексические регионализмы», «регионально окрашенная лексика», «регионально маркированная лексика», «регионально маркированные средства языка», нередко в качестве синонимов. Чаще всего синонимические замены происходят со словами «локализм» и «провинциализм». «Помимо термина *регионализм,* современные лингвисты используют термины *локализм* и *провинциализм,* которые по своей сути называют лексемы, имеющие определенный ареал употребления. Однако некоторые исследователи рассматривают термин *локализм* как гипероним по отношению к термину *регионализм*»

[Гальченко, 1980]. Автор Т.А. Кадоло дает такое определение регионализмам: «Регионализмы – слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы *обл.*, *местн., прост., разг.*, являются частью региональной культуры. Обращение к таким лексемам позволяет выявить культурное своеобразие региона, влияние других языков и культур» [Кадоло, 2011: 22].

Также надо различать понятия «регионализм» и «диалектизм». Современные процессы глобализации постепенно вытесняют территориальные архаичные диалекты, бытовавшие преимущественно в сельской местности, в отдельных деревнях и к настоящему времени сохранившиеся в основном в речи людей старшего поколения. С уходом классических форм диалектов появляются новые региональные формы языка, которые развиваются и функционируют в региональных вариантах языка, или регионолектах.

Исследователь Ю.Ю. Магерамова отмечает существенную особенность регионолекта – «превалирование регионолекта в городской среде» [Магерамова, 2022]. В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило регионолект трактуется как «термин... обозначающий речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [Жеребило, 2010]. В работе Н.А. Кирьяновой дается «понятие регионального слова как компонента лексической системы, наиболее продуктивно используемого в регионе, отражающего его специфику и включающего элементы диалектной и просторечной подсистем национального языка» [Кирьянова, 2009: 8, 9], где также подчеркивается связь региональной разновидности языка с диалектной и просторечной формами языка.

И.В. Матвеева в своем диссертационном исследовании справедливо пишет, что проблема регионального варьирования национального языка, региональной лексики как разновидности лексики национального языка широко обсуждалась в трудах известных отечественных и зарубежных лингвистов, однако на современном этапе эта проблема все еще остается одной из самых актуальных, дискуссионных и до конца однозначно нерешенных проблем современной лингвистики. Термин «регионализм» и другие термины данной области социолингвистики до сих пор не имеет однозначной трактовки в лингвистической литературе.

Русский язык, как и другие крупные языки, распространенные на больших территориях, подвержен территориальной и социальной дифференциации. До середины XX в. для обозначения региональных особенностей русского языка использовался только один термин – «диалект», в основном отражающий специфику сельской речи, затем, наряду с диалектом, стал использоваться «компромиссный» термин «полудиалект», и наконец появился новый термин, связанный с локальными и региональными вариантами языка. – «регионолект», который в

настоящее время широко используется в научной литературе и отражает специфику как сельской, так и региональной городской речи [Матвеева, 2021б].

Большинство исследований данной проблематики посвящено изучению лексических регионализмов. Лексические регионализмы используются как в городской речи, так и в сельской речи, т.е. в речи жителей определенного региона в целом. Регион понимается широко как обширный район, соответствующий нескольким областям страны или даже нескольким небольшим странам, имеющим какие-либо общие экономико-географические, политические и другие особености, например Сибирский регион, Афро-Азиатский регион.

Регионализмы могут включать бытовые слова, которыми жители региона называют то, что их окружает, названия местных растений или животных, местные географические названия, топонимы. При этом местные русские слова и выражения, характерные для речи жителей одних регионов России, могут быть непонятны, малопонятны или не употребляемы русскоязычными жителями из других регионов России: *журавина* ‘клюква’ в Псковской области; *смородa* ‘смородина’ в Петербурге и Ленинградской области; *пимы* ‘валенки’ в Алтайском крае; *чалдон* ‘переселенцы в Сибирь из центральной России’ в Сибири; *агалец* ‘подросток’ в Тульской области; *комок* ‘ларек с товарами первой необходимости’ в Самаре; *грач* ‘такси’ в Дагестане; *синенькие* ‘баклажаны’ на юге России; *вехотка* ‘мочалка’ на Урале; *ламбушки* ‘небольшие озера, образовавшиеся на месте болот’ в Карелии; *позница* ‘специальная кастрюля для варки на пару’ в Бурятии; *ухомаздать* ‘испачкать, загрязнить’; *окараться* ‘ошибиться’; *морить* ‘шутить’ – на Урале; *булыжить* ‘разбавлять бензин или вино’ в Омской области; *вмахивать* ‘тяжело работать’ в Липецкой области; *как бешеная тарашка* ‘лихорадочно, очень спеша’ в Нижегородской области; *в три вилюшки* ‘очень длинный, обычно изгибающийся (об очереди)’ в Воронежской и Липецкой области; *ставить (сажать) на божничку* ‘превозносить’ во многих регионах Сибири и в Челябинской области; *Зареченск* – неофициальное название города Хэйхэ (КНР), располагающегося на противоположном от г. Благовещенска берегу реки Амур; *Хабара* – неофициальное название г. Хабаровска и др.

Часто регионализмы обозначают специфические местные реалии, которые актуальны для определенной местности. Например, в Архангельске это будет лексика, связанная с морем, все жители ее знают: названия ветров, течений, льдин, разные виды «шуги» (лед в виде кристалликов, ледяная каша). На Дальнем Востоке много регионализмов будет связано с лесом и лесозаготовками, рыбной ловлей и переработкой рыбы.

В полиэтнических регионах или в приграничных зонах, где характерно контактирование языков и культур народов, живущих рядом или по соседству, распространены региональные местные слова, заимствованные из языков соседних народов, понятные всем народам данного

региона, но ограниченные по употреблению территорией этого региона (например, такие региональные заимствования из тюркских языков, как *борук, килим, ураса, чомуч, ширдак, яшмак,* используются в устной русской речи и понятны всем жителям данного региона).

Более того, регионализмы, выражающие национальные этнокультурные явления и понятия, употребляются и в письменной русской речи в разных текстах, посвященных национальной тематике: в художественной литературе, в газетно-журнальной продукции, в СМИ. Однако в тех случаях, если контекст не семантизирует эти региональные заимствования и непонятно, с какими реалиями они связаны, значения их остаются неясными (например, *адай, жуз, кокпар, кыз куу, шабул* – из казахского языка; *боорсок, корундук, кошеге, чилде* – из киргизского языка), эти местные слова требуют специального пояснения в тексте (в сносках, в примечаниях или в словариках, приложенных к тексту). В текстах, посвященных национальной тематике, региональные заимствования выступают в качестве маркеров своей культуры, помечают этот текст и выполняют номинативную или стилистическую (эстетическую) функцию [Орешкина, 2023].

Региональная заимствованная лексика в основном отсутствует в толковых словарях или помещена в специальные словари иноязычных слов, однако далеко не в полном объеме (см.: [Юналеева, 2005 и др.]): *зиндан, каса, хирман, хурджин* (из тюрк.) и др.

Автор Ю.А. Резвухина, обобщая различные мнения, предлагает широкое понимание термина «регионализм»: «Рассмотрев различные точки зрения на термин “регионализм” мы считаем необходимым уточнить, что, на наш взгляд, под регионализмами следует понимать лексемы локально ограниченного распространения, независимо от источника их происхождения и отнесенности к литературному языку. Поэтому мы считаем, что к регионализмам относятся и слова диалектного происхождения, бытовавшие и бытующие в изучаемом регионе, и локальные заимствования, и региональные советизмы» [Резвухина, 2015].

В научной литературе предлагается много классификаций регионализмов русского языка, функционирующих в разных регионах страны, например на Крайнем Северо-Востоке России [Зотов, 2010], и построенных на разных основаниях и принципах; в некоторых исследованиях разрабатывается типология лексических регионализмов на примере региональной лексики конкретного региона [Гальченко, 1980; Герд, 1986; Курбанова-Ильютко, 2024; Оглезнева, 2008] или отдельных городов, например Махачкалы [Молчанова, 1984], Москвы [Китайгородская и др., 2010], Новосибирска [Ливинская, 2015; Ливинская и др., 2016; Словарь региональной лексики..., 2016], Санкт-Петербурга [Беликов, 2001; 2004; Синдаловский, 2002], Саратова [Свешникова, 2001, Сиротинина, 1988], Северодвинска [Попов, 2019а,б], Уфы [Исмагилова, 2007], Элисты [Санджи-Гаряева, 1988] и др.

Исследователь А.П. Майоров в своей работе приводит классификацию регионализмов по шести основным категориям, при этом автор, как и многие другие, обращает внимание на следующее обстоятельство: «В силу генетически и стилистически разнородного характера региолекта, его интенсивной динамики лексический состав данного идиома представляется пестрым и неупорядоченным. Тем не менее, на наш взгляд, возможно выделение определенных устойчивых категорий лексических регионализмов, при этом принципы их классификации будут разнородными» [Майоров, 2016: 52]. В качестве примера автор использует данные забайкальского, функционирующего в Бурятии, и амурского региолектов. Таким образом, в работе выделяются виды регионализмов на основе приведенных ниже признаков.

«I. По происхождению и исторической динамике. …В зависимости от идиома-источника регионализмы можно разделить на следующие подгруппы:

1) диалектные слова → регионализмы, например: *гача* ‘штанина’, *казёнка* ‘небольшая кладовая; чулан’, *копарулька* ‘небольшой инструмент для копки картофеля’ и т.п.;

2) просторечные слова → регионализмы, например: ...под тяжестью чайника с водой плита *прогиналась* (из телепередачи “Великая пятерка” от 01.08.2011, местный телеканал “Ариг Ус”).

II. По сфере функционирования. Так же, как кодифицированный литературный язык, региолект способен обслуживать разные сферы общения. Наблюдается функционирование жаргонизмов, сленгизмов, слов профессиональной речи с региональной окраской. Например, у юристов Бурятии встречается регионализм *вышка* ‘Верховный суд Республики Бурятия’, у медиков – *приемник* ‘отделение приемного покоя’; у студентов употребительны разговорные наименования вузов г. Улан-Удэ: *техноложка* ‘Восточно-Сибирский государственный университет управления и технологий’, *сельхозка* ‘Бурятская сельскохозяйственная академия’.

III. По денотативной соотнесенности. …По типу обозначаемого денотата здесь прежде всего необходимо разграничивать две группы слов:

1) Заимствованные этнографизмы – это слова, заимствованные из находящегося в непосредственном контакте другого языка (обычно автохтонного), в котором они обозначают специфические для культуры носителей этого языка явления. Подобные этнографизмы в принимающем языке именуют ту же реалию, становящуюся частью культуры-рецептора, и таким образом становятся не просто иноязычными заимствованиями, а регионализмами. Например, в забайкальском региолекте немало заимствований из бурятского языка, прочно обосновавшихся в русском языке данного региона (*позы/буузы* ‘мясное блюдо в форме больших пельменей’, *Сагаалган* ‘новый год по восточному календарю; праздник Белого Месяца’ и др.), в

амурском регионолекте – *чифан* ‘китайская еда; блюда китайской кухни’, *чифанить* ‘есть китайскую еду’;

2) Ономастическая лексика. Преимущественно это различного рода топонимы: *Батарейка, Шишковка, Саяны* – названия районов г. Улан-Удэ, *Хабара* – неофициальное наименование г. Хабаровска и др.

3) Третью группу слов составляют апеллятивы, называющие те реалии, которые в литературном языке либо не имеют однозначного наименования, либо им соответствуют номинации какого-либо специального языка: *воровайка* ‘небольшой грузовик корейского производства’, *волосогрызка* ‘жук-стригун’,

IV. По эмоционально-экспрессивной характеристике: *ништяк* ‘всё в порядке’, *моросить* ‘медлить, не успевать’, *угарный* ‘1. смешной; 2. красивый’.

При этом необходимо отметить, что эмоционально-экспрессивная окраска в той или иной степени характерна почти для всей региональной лексики.

Особенно хорошо проявляется эмоционально-экспрессивная окрашенность у регионализмов при их использовании писателями в языке художественной литературы, в художественных текстах, где регионализмы могут выполнять, с одной стороны, номинативную функцию с целью реалистического воссоздания местной природы, быта, культур, обычаев, нравов, то есть создания так называемых couleur locale и couleur historique (такие регионализмы имеют целью языковую номинацию, то есть называние местных/национальных реалий и понятий), и, с другой стороны, они могут в художественных текстах выполнять стилистическую художественно-выразительную функцию (при воссоздании речи персонажей или при включении их в систему художественной образности – в составе сравнений, метафор, параллелизма и т.п.). Примером может служить использование регионализмов в поэтических текстах: «“*Саратан*” – сухой и жаркий месяц, / пыльный лист повис, / не шелохнется…» (С. Мадалиев. Время цветения персика), «На холмистом *джайляу* / Готовился *той*, / Я приехал тогда на *кокпар* / Из столицы» (О. Сулейменов. Доброе время восхода).

V. По отношению к литературному языку. Выделяются следующие подгруппы регионализмов:

1) фонетические: *ла́ма* ‘буддийский священнослужитель’; *лама́* ‘табуретка’;

2) лексические: *голя* ‘салки, пятнашки’, *вехотка* ‘мочалка’;

3) лексико-семантические: *стряпать* ‘печь мучные изделия’, *маечка* ‘небольшой полиэтиленовый пакет’.

VI. По коммуникативной организации устного спонтанного текста. Здесь обращает на себя внимание регулярное употребление различного рода слов-скреп, хезитативов, имеющих региональные варианты (*тоси-боси, тудым-сюдым, чё ли* и т.п.)» [Майоров, 2016: 52–54].

Существуют и иные классификации, предложенные другими исследователями [Романий, 2023; Соколянская, 2007; Теркулов, 2018 и др.]. Следует отметить, что в большинстве классификаций авторы выделяют лексико-тематические группы, которые дают возможность подробно распределить анализируемые регионализмы по тематическим группам.

Особо следует отметить тематическую классификацию в диссертационной работе И.В. Матвеевой, где представлено 40 тематических групп (ТГ) лексических регионализмов г. Новосибирска. По мнению автора, в состав лексических регионализмов входят: а) регионализмы-апеллятивы (названия предметов и явлений окружающего мира, бытующие в определенном регионе, например: *бычок* ‘гриб валуй’, *горошница* ‘блюдо из гороха, гороховый суп или каша’, *верхонки* ‘широкие рабочие рукавицы из грубой ткани’, *сверток* ‘поворот на дороге’); б) неофициальные региональные топонимы (народные наименования населенных пунктов и объектов городского пространства, бытующие в регионе, например: *Кудряши* – поселок Кудряшовский», *Толмачи* – город Обь, находящийся рядом с аэропортом “Толмачёво”, *Богдашка* –улица Богдана Хмельницкого) [Матвеева, 2021б] .

«Тематическая классификация лексических регионализмов позволила выявить 40 тематических групп лексических регионализмов, в том числе 17 ТГ регионализмов-апеллятивов и 23 ТГ неофициальных топонимов. Выявленные ТГ демонстрируют актуальное для носителя русского языка в регионе членение окружающей действительности, отраженное в их региональных названиях» [Там же: 123]. Автор подытоживает проведенное исследование: «Анализ структуры, семантики и функций лексических регионализмов г. Новосибирска, предпринятый в данной главе, демонстрирует специфику их функционирования в регионе и богатый потенциал системы русского национального языка, находящий свою реализацию в региональной речи» [Там же: 124].

Работа по фиксации и инвентаризации регионализмов, по их лексикографированию, по разработке и составлению словарей регионализмов ведется специалистами во многих странах и регионах мира, в том числе на территории разных регионов Российской Федераци, при этом, как правило, эта работа поддерживается и местным населением региона (см работы: [Беликов, 2004; Герд, 2006; Зотов, 2010; Ливинская, 2015; Матвеева, 2021а; Ретинская, 2023; Синдаловский, 2002 и др.].

Приведем яркий пример активного отношения к сохранению своего культурного наследия жителей Франции (департамент Арденны, регион Гранд-Эст). Исследователь

французского языка Т.И. Ретинская пишет: «Посредством комплекса регионализмов, являющегося одной из значимых констант французской региональной прессы, и разнообразных приемов инкорпорации и семантизации, декодирующих локальные особенности лексических единиц и отражающих мировоззрение региолектофонов, авторам удается запечатлеть характерные черты языка своих соотечественников и тем самым сохранить лингвистическое наследие» [Ретинская, 2023: 127]. Автор в статье цитирует и высказывания жителей данного региона, считающих, что специалистам необходимо продолжать работу по лексикографированию региональных лексем, по «спасению нашего лингвистического наследия, которое способствует оригинальной оценке окружающей среды и продуктов человеческой деятельности» [Там же: 130]. В связи с этим интересно упомянуть опубликованный Т.И. Ретинской глоссарий, в котором собраны региональные лексемы, включенные в произведения шампанских и арденнских писателей и журналистов [Ретинская, 2019], благодаря чему внесен вклад в теоретическую и практическую лексикографию.

Существует разное отношение к регионализмам и к их использованию в речи. Заслуживает внимания подход ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Б.Л. Иомдина: «Однако, по-моему, владение регионализмами – это плюс, а не минус: у людей, которые их знают, будет возникать меньше коммуникативных неудач. Они поймут жителя другого региона… а те, кто сосредоточен на монолитности языка, могут и не понять. К тому же богатство русского языка – в его разнообразии, и регионализмы – это однозначно важная его часть» [Иомдин, 2021].

Литература

Авина Н.Ю. (2006) Региональные особенности русского языка: Вопрос о нормативном статусе:(На материале русского языка в Литве) // Русский язык сегодня. М. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. С. 4–13.

Алпатов В.М. (2005) Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. М. № 2 (23). Портал Philology.ru (Русский филологический портал). Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm Дата обращения: 01.02.2011.

Ахметова М.В. (2014) Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном Интернете // Русский язык и новые технологии / Сост. Г.Ч. Гусейнов; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение. С. 155–171.

Беликов В.И. (2001) О социолингвистическом компоненте лексикографии: Сравнение Петербурга с Москвой // Полилог: Ежегодник. Государственные языки в странах СНГ и Балтии: Статус и проблемы функционирования. М.: Изд-во Моск. гос. лингв.. ун-та. № 1. С. 79–85.

Беликов В.И. (2004) Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. М.: Изд-во Ин-та русского языка РАН. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. С. 23–38.

Бородина М.А. (1982) Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции // Вопросы языкознания. № 5. С. 29–38.

Гальченко И.Е. (1980) Северокавказские регионализмы в лексике современного русского языка: автореф. дис. ... д. филол. наук. М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина. 30 с.

Герд А.С. (2006) Региональный этимологический словарь // Adfontesverborum: Исследования по этимологии и исторической семантике: к 70-летию Ж.Ж. Варбот. М. С.103–108.

Донецкий регионолект (2018) / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Фолиант. 265 с.

Дорофеев Ю.В. (2015) Региональные особенности русского языка. Режим доступа: https://izron.ru/articles/novye-tendentsii-razvitiya-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauch/sektsiya-16-russkiy-yazyk-spetsialnost-10-02-01/regionalnye-osobennosti-russkogo-yazyka/ Дата обращения: 20.09.2024.

Ерофеева Т.И., Грузберг Л.А. (2009) Социолингвистический глоссарий пермских локализмов как словарь нового типа // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (24). С. 476–481. ISSN 1992-0431

Зотов Г.В. (2010) Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ. 539 с.

Иомдин Б.Л. (2021) «Ламбушки» и «ужасник»: как в русском языке возникают слова-регионализмы. Режим доступа: https://style.rbc.ru/life/60cb2a879a7947657885803e?ysclid=m188x6n067623541475 Дата обращения: 18.06.2024.

Исмагилова Н.В. (2007) Язык города Уфы: Функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 29 с.

Кадоло Т.А. (2011) Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. № 2 (14). С. 22–28. Режим доступа: https://cyberleninka.ru Дата обращения: 18.09.2024.

Кирьянова Н.А. (2009) Региональное слово в структуре художественного текста: на материале Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 25 с.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. (2010) Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур. 496 с.

Колесов В.В., Чернов В.И. (1986). Проблемы изучения русской региональной речи // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров. 211 с.

Коренева А. В., Кочановская Д. К. (2024) Изучение региональной лексики на уроках русского языка как способ приобщения обучающихся к материальной и духовной культуре северян // Педагогика и психология современного образования / С.И. Родзин, В.В. Бова, С.М. Конюшенко и др. Чебоксары: Среда. С. 161–169. DOI: 10.31483/r-112494

Курбанова-Ильютко К.И. (2024) Французский язык в Валь д'Аосте: Особенности употребления регионализмов в административно-правовой сфере // Социолингвистика. № 3 (19). С. 28–45. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-28-45

Ливинская И.В. (2015) Словарь региональной лексики и неофициальных топонимов г. Новосибирска: Основные принципы и этапы составления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 5 (29). С. 40–44. DOI: http://dx.doi.Org/10.15688/jvolsu2.2015.5.5

Ливинская И.В., Матвеев А.И. (2016) Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. 2-е изд., стереотипное. Новосибирск: Свиньин и сыновья. 160 с.

Майоров А.П. (2016) Регионолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 75. № 1. С. 51–55.

Матвеев А.И. (2009) Опыт комплексного описания региональной лексики: (На материале регионализмов г. Новосибирска и Новосибирской области) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во АмГУ. Вып. 7. С. 57–64.

Матвеева И.В. (2021а) Проблемы создания словарей регионально окрашенной лексики // Вестник Бурятского государственного университета (Вестник БГУ). Филология. № 3. С. 72–77. DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-72-77

Матвеева И.В. (2021б) Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация: (На материале лексики г. Новосибирска): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 243с.

Молчанова М.М. (1984) Дагестанские регионализмы в РР русских жителей города Махачкалы и местной периодике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ.

Новикова Т.Ф. (2008) Регионализмы как единицы языка с национально-культурным компонентом значения // Фразеология и когнитивистика: Материалы I Междунар. науч. конф.: В 2 т. Белгород: Изд-во БелГУ. Т. 2. С. 256–262.

Новый регионализм: От традиционных форм диалектов к новым реалиям (2024) / Р.К. Потапова , В.В. Потапов. В.М. Алпатов и др.; под ред В.В. Потапова, Е.А. Казак. М.: ИНИОН РАН. (Теория и история языкознания). DOI: 10.31249/regionalism/2024

Оглезнева Е.А. (2008) Дальневосточный регионолект русского языка: Особенности формирования // Русский язык в научном освещении. Вып. 16. С. 119–136.

Оглезнева Е.А. (2019) Региональные заимствования как идентификаторы регионолектов // Язык в различных сферах коммуникации: Материалы III междунар. науч. конф. Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та. С. 142–145.

Орешкина М.В. (2023) Заимствование языковое // Социолингвистика. № 3 (15). С. 147–170. DOI:10.37892/2713-2951-3-15-147-170

Попов Р.В. (2019а) Как это будет по-северодвински?: Словарь местной лексики Северодвинска / Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Архангельск: Изд-во САФУ. 287 с.

Попов Р.В. (2019б) Лексические регионализмы в городском узусе Северодвинска // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. М. С. 180–191.

Попов Р.В. (2020) Регионолектный словарь как словарь нового типа // Вестник Челябинского государственного университета. № 1 (435). Филологические науки. Вып. 119. С. 133–141.

Резвухина Ю.А. (2015) Регионализм: К определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. № 2. Т. 6. С. 84–90.

Ретинская Т.И. (2019) Глоссарий регионализмов из произведений шампанских и арденнских авторов. Орёл: Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева. 54 с.

Ретинская Т.И. (2023) Модели реализации языкового активизма во Франци и: (На материале арденнского регионолекта) // Социолингвистика. № 3 (15). С. 125–133. DOI:10.37892/2713-2951-3-15-125-133

Романий Г.И. (2014) Региональная городская лексика в русском языке: Происхождение, типология и реализация по данным узуса в сети интернет // Русский язык и новые технологии / Сост. Г.Ч. Гусейнов; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М.: Новое литературное обозрение. С. 171–189.

Санджи-Гаряева З.С. (1988) Некоторые особенности устной речи г. Элисты // Разновидности городской устной речи. М.: Наука. 264. С. 253–257.

Свешникова Н.В. (2001) Неофициальные микротопонимы Саратова (способы номинации) // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Труды, материалы междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. Т. 2. С. 33–34.

Синдаловский Н.А. (2002) Словарь петербуржца. СПб.: Норинт. 302 с.

Синдаловский Н.А. (2014) Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность. СПб.: Центрполиграф. 635 с.

Сиротинина О.Б. (1988) Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. М.: Наука. С. 247–252.

Словарь региональной лексики и народных топонимов г. Новосибирска (2016) / В.И. Беликов, И.В. Ливинская, А.И. Матвеев. Новосибирск: НГТУ. 160 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв.ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Соколянская Н.Н. (1998) Региональная лексика в литературе о крайнем Северо-Востоке Сибири XVII – начала XIX веков: дисс. ... канд. филол. наук. Магадан.

Соколянская Н.Н. (2007) Проблемы региональной лингвистики: (Лексикологический аспект): Уч.. пособие. Магадан: Изд-во СМУ. 85 с.

Тейкин М.С. (2019) Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 21. № 2. С. 549–557. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-549-557

Торохова Е.А. (2005) Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии: (Социолингвистический аспект): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ижевск. 37 с.

Юналеева Р.А. (2005) Тюркизмы в русской классике: Словарь с текстовыми иллюстрациями Казань: Таглимат; Институт экономики, управления и права. 172 с.

Язык и общество: Энциклопедия (2016) / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник. 872 с.

Языки русских городов: Словарь (2006). М.: ABBYY. Режим доступа: http://community.lingvo.ru/goroda Дата обращения: 15.04.2012.

Rézeau P. (2001). Dictionnaire des régionalismes de France. Режим доступа: https://books.google.com. Дата обращения: 20.11.2024

References

Avina, N.Yu. (2006) Regional'nyye osobennosti russkogo yazyka: Vopros o normativnom statuse: (Na materiale russkogo yazyka v Litve) [Regional Features of the Russian Language: The Question of Normative Status: (Based on the Russian Language in Lithuania)] // Russkiy yazyk segodnya [Russian Language Today]. M.. Iss. 4. Problemy yazykovoy normy [Problems of the Language Norm]. Pp. 4–13. (In Russ.)

Alpatov, V.M. (2005) Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoy Rossii [The language situation in the regions of modern Russia] // Otechestvennyye zapiski. M. No. 2 (23) // Portal Philology.ru Russkiy filologicheskiy portal [Russian philological portal]). Available at: http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm Access date: 01.02.2011. (In Russ.)

Akhmetova, M.V. (2014) Leksicheskiye regionalizmy i lokalizmy v russkoyazychnom Internete [Lexical regionalisms and localisms in the Russian-language Internet] // Russkiy yazyk i novyye tekhnologii [Russian language and new technologies] / Comp. G.Ch. Guseynov; Ed. M.V. Akhmetova, V.I. Belikov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]. Pp. 155–171. (In Russ.)

Belikov, V.I. (2001) O sotsiolingvisticheskom komponente leksikografii: Sravneniye Peterburga s Moskvoy [On the sociolinguistic component of lexicography. Comparison of St. Petersburg with Moscow] // Polilog: Yezhegodnik. Gosudarstvennyye yazyki v stranakh SNG i Baltii. Status i problemy funktsionirovaniya [Polylogue: Yearbook. State languages in the CIS and Baltic countries. Status and problems of functioning]. M.: Publishing house of Moscow state linguist. university. No. 1. Pp. 79–85. (In Russ.)

Belikov, V.I. (2004) Sravneniye Peterburga s Moskvoy i drugiye soobrazheniya po sotsial'noy leksikografii [Comparison of St. Petersburg with Moscow and other considerations on social lexicography] // Russkiy yazyk segodnya [Russian language today]. M.: Publishing house of the Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Iss. 3. Problemy russkoy leksikografii [Problems of Russian lexicography]. Pp. 23–38. (In Russ.)

Galchenko, I.E. (1980) Severokavkazskiye regionalizmy v leksike sovremennogo russkogo yazyka [North Caucasian regionalisms in the vocabulary of modern Russian]. ADD. M.: Publishing house of Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin. 30 p. (In Russ.)

Gerd, A.S. (2006) Regional'nyy etimologicheskiy slovar' [Regional etymological dictionary] // Adfontesverborum: Issledovaniya po etimologii i istoricheskoy semantike: K 70-letiyu Zh.Zh. Varbot

[Adfontesverborum: Research in etymology and historical semantics: To the 70th anniversary of J.J. Warbot]. M.. Pp.103–108. (In Russ.)

Donetskiy regiolekt (2018) [Donetsk regiolect] / V.I. Terkulov, N.P. Kurmakayeva, V.I. Mozgovoy et al. ; Ed. V.I. Terkulov. Donetsk: Foliant. 265 p. (In Russ.)

Dorofeev, Yu.V. (2015) Regional'nyye osobennosti russkogo yazyka [Regional features of the Russian language]. Available at: https://izron.ru/articles/novye-tendentsii-razvitiya-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauch/sektsiya-16-russkiy-yazyk-spetsialnost-10-02-01/regionalnye-osobennosti-russkogo-yazyka/ Access date: 20.09.2024. (In Russ.)

Yerofeeva, T.I., Gruzberg, L.A. (2009) Sotsiolingvisticheskiy glossariy permskikh lokalizmov kak slovar' novogo tipa [Sociolinguistic glossary of Perm localisms as a dictionary of a new type] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture Problems of history, philology, culture]. No. 2 (24). Pp. 476–481. ISSN 1992-0431 (In Russ.)

Zotov, G.V. (2010) Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii [Dictionary of regional vocabulary of the Far North-East of Russia] / Ed. A.A. Sokolyansky. Magadan: Publishing house of SVGU. 539 p. (In Russ.)

Iomdin, B.L. (2021) “Lambushki” i “uzhasnik”: Kak v russkom yazyke voznikayut slova-regionalizmy [“Lambushki” and “horror”: How regionalism words arise in the Russian language]. Available at: https://style.rbc.ru/life/60cb2a879a7947657885803e?ysclid=m188x6n067623541475 Access date: 18.06.2021. (In Russ.)

Ismagilova, N.V. (2007) Yazyk goroda Ufa: Funktsionirovaniye razlichnykh yazykovykh podsistem i bilingvizma [The language of the city of Ufa: The functioning of various language subsystems and bilingualism]: aftoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ufa. 29 p. (In Russ.)

Kadolo, T.A. (2011) Regional'naya leksika kak proyavleniye polikul'turnosti [Regional vocabulary as a manifestation of multiculturalism] // Yazyk i kul'tura [Language and Culture]. No. 2 (14). Pp. 22–28. Available at: https://cyberleninka.ru Access date: 20.09.2024. (In Russ.)

Kiryanova, N.A. (2009) Regional'noye slovo v strukture khudozhestvennogo teksta: Na materiale Tambovskoy oblasti [Regional word in the structure of fiction: Based on the Tambov region]: aftoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tambov. 25 p. (In Russ.)

Kitaygorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (2010) Yazykovoye sushchestvovaniye sovremennogo gorozhanina: Na materiale yazyka Moskvy [Linguistic existence of a modern city dweller: Based on the language of Moscow]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur [Languages of Slavic Cultures]. 496 p. (In Russ.)

Kolesov, V.V., Chernov, V.I. (1986). Problemy izucheniya russkoy regional'noy rechi [Problems of studying Russian regional speech] // Leksika i grammatika severnorusskikh govorov [Vocabulary and grammar of northern Russian dialects]. Kirov. 211 p. (In Russ.)

Koreneva, A.V., Kochanovskaya, D.K. (2024) Izucheniye regional'noy leksiki na urokakh russkogo yazyka kak sposob priobshcheniya obuchayushchikhsya k material'noy i dukhovnoy kul'ture severyan. Glava 12 [Studying regional vocabulary in Russian language lessons as a way of introducing students to the material and spiritual culture of northerners. Chapter 12] // Pedagogika i psikhologiya sovremennogo obrazovaniya [Pedagogy and psychology of modern education] / S.I. Rodzin, V.V. Bova, S.M. Konyushenko et al. Cheboksary: Sreda. Pp. 161–169. (In Russ.) DOI: 10.31483/r-112494 ISBN 978-5-907830-49-3.

Kurbanova-Ilyutko, K.I. (2024) Frantsuzskiy yazyk v Val' d’Aoste: Osobennosti upotrebleniya regionalizmov v administrativno-pravovoy sfere [French in Val d'Aosta: Peculiarities of the Use of Regionalisms in the Administrative-Legal Sphere] // Sociolinguistics. No. 3 (19). Pp. 28–45. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-28-45.

Livinskaya, I.V. (2015) Slovar' regional'noy leksiki i neofitsial'nykh toponimov g. Novosibirska: Osnovnyye printsipy i etapy sostavleniya [Dictionary of regional vocabulary and unofficial toponyms of Novosibirsk: Basic principles and stages of compilation] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye. Vol. 5 (29). Pp. 40–44. (In Russ.) DOI: http://dx.doi.Org/10.15688/jvolsu2.2015.5.5

Livinskaya, I.V., Matveev, A.I. (2016) Slovar' regional'noy leksiki i narodnykh toponimov goroda Novosibirska [Dictionary of regional vocabulary and folk toponyms of Novosibirsk]. 2nd ed., ster. Novosibirsk: Svinyin i sons. 160 p. (In Russ.)

Mayorov, A.P. (2016) Regiolekt i regionalizmy v sovremennoy yazykovoy situatsii Rossii [Regiolect and regionalisms in the modern language situation of Russia] // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language]. Vol. 75. No. 1. Pp. 51–55. (In Russ.)

Matveev, A.I. (2009) Opyt kompleksnogo opisaniya regional'noy leksiki: (Na materiale regionalizmov g. Novosibirska i Novosibirskoy oblasti) [Experience of a comprehensive description of regional vocabulary: (Based on regionalisms of Novosibirsk and the Novosibirsk region)] // Slovo: Fol'klornodialektologicheskiy al'manakh [Word: Folklore-dialectological almanac]. Blagoveshchensk: Publishing house of Amur State University. Iss. 7. Pp. 57–64. (In Russ.)

Matveeva, I.V. (2021a) Problemy sozdaniya slovarey regional'no okrashennoy leksiki [Problems of creating dictionaries of regionally colored vocabulary] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta (Vestnik BGU) [Bulletin of the Buryat State University (BSU Bulletin)]. Philology. No. 3. Pp. 72–77. (In Russ.) DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-72-77

*Matveeva, I.V. (*2021b) Tipologiya regionalizmov i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya: (Na materiale leksiki g.Novosibirska) [Typology of regionalisms and their lexicographic interpretation: (Based on the vocabulary of Novosibirsk)]: diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk. 243 p. (In Russ.)

Molchanova, M.M. (1984) Dagestanskiye regionalizmy v RR russkikh zhiteley goroda Makhachkaly i mestnoy periodike [Dagestan regionalisms in the RR of Russian residents of the city of Makhachkala and local periodicals]: aftoref. diss. ... kand. filol. nauk. . L.: LGU. (In Russ.)

Novikova, T.F. (2008) Regionalizmy kak yedinitsy yazyka s natsional'no-kul'turnym komponentom znacheniya [Regionalisms as units of language with a national-cultural component of meaning] // Frazeologiya i kognitivistika: Materialy I Mezhdunar. nauch. konf.: V 2 t. [Phraseology and cognitive science: Proceedings of the I Intern. scientific conf.: In 2 volumes]. Belgorod: Belgorod State University Publishing House. Vol. 2. Pp. 256–262. (In Russ.)

Novyy regionalizm: Ot traditsionnykh form dialektov k novym realiyam [New regionalism: From traditional forms of dialects to new realities] (2024) / R.K. Potapova, V.V. Potapov, V.M. Alpatov et al.; Ed. by V.V. Potapov, Ye.A. Kazak. M.: INION RAN. (Teoriya i istoriya yazykoznaniya). (In Russ.) DOI: 10.31249/regionalism/2024

Oglezneva, Ye.A. (2008) Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka: Osobennosti formirovaniya [Far Eastern regiolect of the Russian language: Features of formation] // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in scientific coverage]. Iss. 16. Pp. 119–136. (In Russ.)

Oglezneva, Ye.A. (2019) Regional'nyye zaimstvovaniya kak identifikatory regiolektov [Regional borrowings as identifiers of regiolects] // Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii: Materialy III mezhdunar. nauch. konf. [Language in various spheres of communication: Materials of the III international. scientific conf.]. Chita: Publishing house of Transbaikal. state University. Pp. 142–145. (In Russ.)

Oreshkina, M.V. (2023) Zaimstvovaniye yazykovoye [Language borrowing] // Sociolinguistics. No. 3 (15). Pp.147–170. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-3-15-147-170

Popov, R.V. (2019a) Kak eto budet po-severodvinski?: Slovar' mestnoy leksiki Severodvinska [How to say it in Severodvinsk?: Dictionary of local vocabulary of Severodvinsk] / Severnyy (Arkticheskiy) federal'nyy universitet imeni M. V. Lomonosova [Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.]. Arkhangelsk: Publishing house of NArFU. 287 p. (In Russ.)

Popov, R.V. (2019b) Leksicheskiye regionalizmy v gorodskom uzuse Severodvinska [Lexical regionalisms in the urban usage of Severodvinsk] // Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira [Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world]. M. Pp. 180–191. (In Russ.)

Popov, R.V. (2020) Regiolektnyy slovar' kak slovar' novogo tipa [Regiolect dictionary as a new type of dictionary] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk

State University]. No. 1 (435). Filologicheskiye nauki [Philological sciences]. Iss. 119. Pp. 133–141. (In Russ.)

Rezvukhina, Yu.A. (2015) Regionalizm: K opredeleniyu ponyatiya [Regionalism: towards a definition of the concept] // Inter Expo Geo-Siberia. No. 2. Vol. 6. Pp. 84–90. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2019) Glossariy regionalizmov iz proizvedeniy shampanskikh i ardennskikh avtorov [Glossary of regionalisms from the works of Champagne and Ardenne authors]. Orel: Publishing house of OSU named after I.S. Turgenev. 54 p. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2023) Modeli realizatsii yazykovogo aktivizma vo Frantsii: (Na materiale ardennskogo regiolekta) [Models of implementing language activism in France: (Based on the Ardennes regiolect)] // Sociolinguistics. No. 3 (15). Pp. 125–133. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-3-15-125-133

Romaniy, G.I. (2014) Regional'naya gorodskaya leksika v russkom yazyke: Proiskhozhdeniye, tipologiya i realizatsiya po dannym uzusa v seti internet [Regional urban vocabulary in the Russian language: Origin, typology and implementation according to Internet usage data] // Russkiy yazyk i novyye tekhnologii [Russian language and new technologies] / Compiled by G. Ch. Guseynov; Under the editorship of M.V. Akhmetova, V.I. Belikov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye [New literary review]. Pp. 171–189. (In Russ.)

Sandzhi-Garyayeva, Z.S. (1988) Nekotoryye osobennosti ustnoy rechi g. Elisty [Some features of oral speech in Elista] // Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi [Varieties of urban oral speech]. M.: Nauka. 264 p. Pp. 253–257. (In Russ.)

Sveshnikova, N.V. (2001) Neofitsial'nyye mikrotoponimy Saratova (sposoby nominatsii) [Unofficial microtoponyms of Saratov (methods of nomination)] // Boduenovskiye chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika: Trudy, materialy mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 11-13 dek. 2001 g.): V 2 t. [Baudouin readings: Baudouin de Courtenay and modern linguistics: Works, materials of the international. scientific. conf. (Kazan, December 11–13, 2001): In 2 volumes] / Under the general editorship of K.R. Galiullin, G.A. Nikolayev. Kazan: Publishing House of Kazan. state University. Vol. 2. Pp. 33–34. (In Russ.)

Sindalovskiy, N.A. (2002) Slovar' peterburzhtsa [Dictionary of a Petersburger]. SPb.: Norint. 302 p. (In Russ.)

Sindalovskiy, N.A. (2014) Slovar' peterburzhtsa. Leksikon Severnoy stolitsy. Istoriya i sovremennost' [Dictionary of a Petersburger. Lexicon of the Northern Capital. History and modernity]. Centrpoligraf. 635 p. (In Russ.)

Sirotinina, O.B. (1988) Yazykovoy oblik g. Saratova [Linguistic appearance of the city of Saratov] // Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi [Varieties of urban oral speech]. M.: Nauka. 264 p. Pp. 247–252. (In Russ.)

Slovar' regional'noy leksiki i narodnykh toponimov g. Novosibirszka [Dictionary of regional vocabulary and folk toponyms of Novosibirsk] (2016) / V.I. Belikov, I.V. Livinskaya, A.I. Matveev. Novosibirsk: NGTU. 160 p. (In Russ.)

Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhalchenko. M.: Institute of Linguistics RAS. 312 p. (In Russ.).

Sokolyanskaya, N.N. (1998) Regional'naya leksika v literature o kraynem Severo-Vostoke Sibiri XVII – nachala XIX vekov: diss. ... kand. filol. nauk [Regional vocabulary in the literature on the extreme north-east of Siberia in the 17th – early 19th centuries: Diss. ... Cand. of Philological Sciences]. Magadan. (In Russ.)

Sokolyanskaya, N.N. (2007) Problemy regional'noy lingvistiki: (Leksikologicheskiy aspekt): Uchebnoye posobiye [Problems of regional linguistics: (Iexicological aspect): Textbook manual]. Magadan: Publishing house of SMU. 85 p. (In Russ.)

Teykin, M.S. (2019) Etnonimy kak osobyy plast regionalizmov: Na materiale naimenovaniy narodov Severo-Vostoka Rossii [Ethnonyms as a special layer of regionalisms: Based on the names of the peoples of the North-East of Russia] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta

[Bulletin of Kemerovo State University]. Vol. 21. No. 2. Pp. 549–557. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-549-557

Torokhova, Ye.A. (2005) Regional'nyy variant russkogo literaturnogo yazyka, funktsioniruyushchiy na territorii Udmurtii: (Sotsiolingvisticheskiy aspekt) [Regional version of the Russian literary language functioning in the territory of Udmurtia: (sociolinguistic aspect)]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Izhevsk. 37 p. (In Russ.)

Yunaleeva, R.A. (2005). Tyurkizmy v russkoy klassike: Slovar' s tekstovymi illyustratsiyami [Turkisms in Russian classics: Dictionary with text illustrations]. Kazan: Taglimat Publishing House$ Institute of Management Economics and Law. 172 p. (In Russ.).

Yazyk i obshchestvo: Entsiklopediya (2016) [Language and Society: Encyclopedia] / Chief ed. V.Yu. Mikhalchenko. M.: Azbukovnik. (In Russ.).

Yazyki *r*usskikh gorodov: Slovar' (2006) [Languages of Russian cities: Dictionary]. M.: ABBYY. Available at: http://community.lingvo.ru/goroda/ Access date: 15.04.2012. (In Russ.)

Rézeau, P. (2001). Dictionnaire des régionalismes de France [Dictionary of regionalisms of France]. Available at: https://books.google.com. Access date: 20.11.2024.

М.В. Орешкина,
Институт языкознания Российской академии наук,

Орешкина Мария Васильевна – кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0003-4654-6618
Адрес: Большой Кисловский пер., 1/1, 125009, г. Москва, Российская Федерация.
Эл. адрес: m.oreshkina@iling-ran.ru

Maria V. Oreshkina – Candidate of Philological Sciences, Correspondent Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Senior researcher, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences.
https://orcid.org/0000-0003-4654-6618
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail address: m.oreshkina@iling-ran.ru

Для цитирования: *Орешкина М.В*. Регионализмы // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 182–197. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-182-197

For citation: *Oreshkina, M.V.* Regionalisms // // Sociolingvistika. 2024. No. 4 (20). Pp. 182–197. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-4-20-182-197

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© М.В. Орешкина, 2024
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Maria V. Oreshkina, 2024

The article was submitted 13.08.2024;
approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 22.12.2024.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

1. Материалы представляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи –- 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- индекс УДК;
- заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках);
- текст статьи;
- список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References;
- при необходимости – примечания, приложения, иллюстрации;
- автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Пример формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

Пример формулировки:

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчества автора (авторов). Указание orcid;
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора;
- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец

Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0000-0000-0000
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: socioling@mail.ru

Ivan I. Ivanov – Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0000-0000-0000
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009
Email: socioling@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.);
- использование разрядки как способа выделения слов не допускается;
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;

- переносы не допускаются;
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается;
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов два или три, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. В обозначении DOI приводится только сам номер, адрес сайта http://www.doi.org/ указывать не нужно.

Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем - работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.
При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Примеры описания
Статья из журнала
Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1(61). С. 31–37.

Материалы конференции
Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)
Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.
Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015). Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс
Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления References
Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.
References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

- авторы (имена не транслитерируются), (год издания работы), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация), выходные данные с обозначениями на английском языке.
- Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.
- В References // и / заменяются на точку.
- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, напр. (In Russ.).

Образец
Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. (2019) Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык]. Транслитерированное название журнала, Vol. 7, no. 2, pp. 34–40. (In Russ.)

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika, Mikhalchenko, Vida Yu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2, Iazykoznanie, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russ.).

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals]. The New Research of Tuva, no. 3. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation]. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan, pp. 9–12. (In Russ.)

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of modern language processes]. Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: http://www.scribd.com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2024. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 4 (20)

2024

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 29.12.2024 | Published 29.12.2024
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 27,45 | Format 60x84/8. Printed sheets 27.45

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1